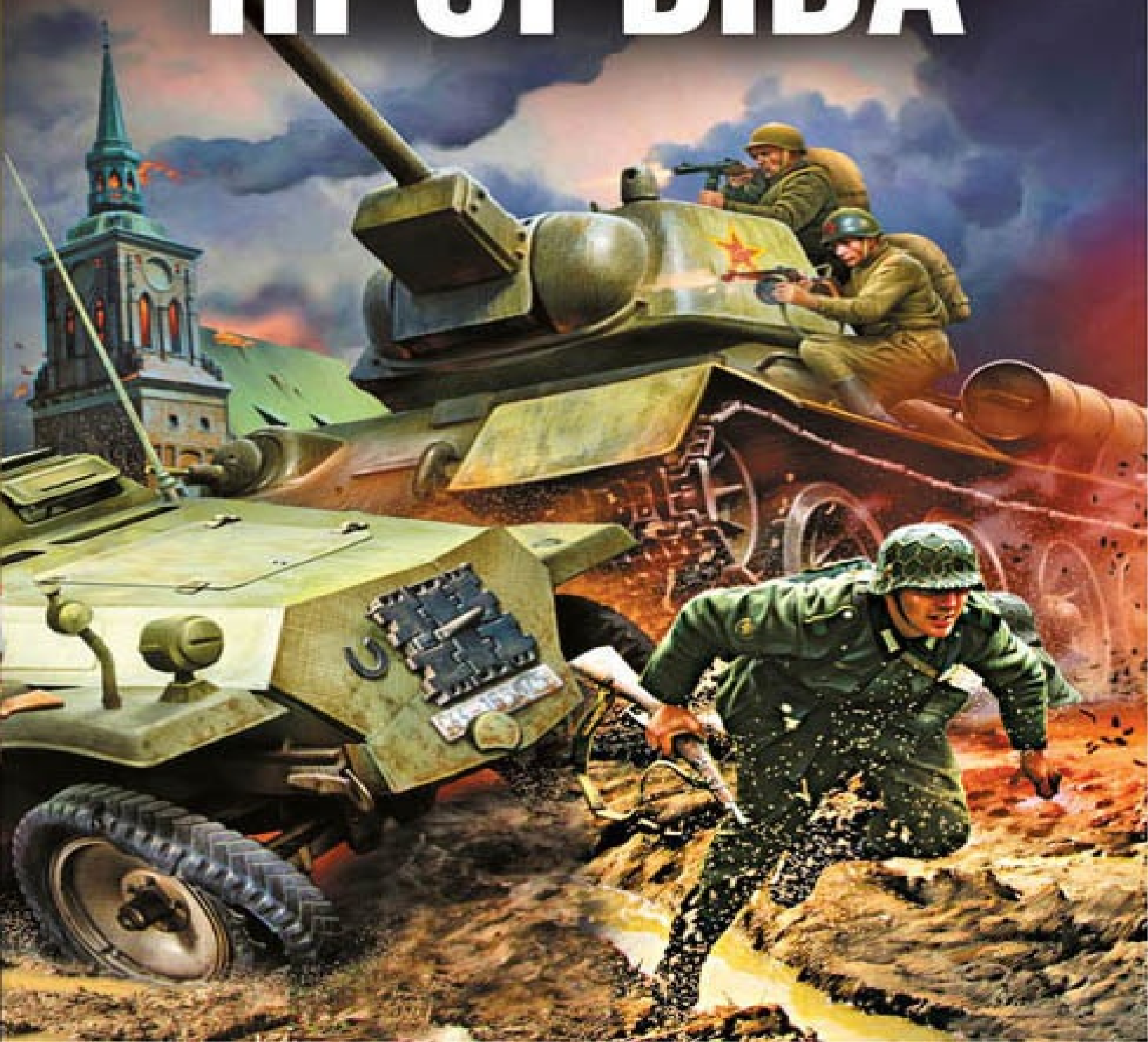

★ Сергей НУРТАЗИН ★

БАТАЛЬОН ПРОРЫВА

Annotation

Ветеран Зимней войны младший лейтенант Андрей Скоморохов встретит начало Великой Отечественной войны в Перемышле, первом городе, отбитом у фашистов в 1941 году.

Лейтенанту предстоят кровопролитные битвы, отступление, бои в окружении, служба в партизанском отряде, тяжелый немецкий плен, нелегкое освобождение. Из спецлагеря НКВД он вернется на фронт в составе отдельного штурмового стрелкового батальона. Пробивая линии обороны и участвуя в уличных боях, БАТАЛЬОН ПРОРЫВА освободит Польшу и войдет на землю Германии.

Неоценимый опыт, полученный Скомороховым в начале войны, поможет ему выжить и встретить Победу в поверженном Берлине.

-
- [Сергей Нуртазин](#)

-

Сергей Нуртазин

Батальон прорыва

© Нуртазин С. В., 2018
© ООО «Издательство «Яуза», 2018
© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Сентябрь 1944 года. Специальный проверочно-фильтрационный лагерь НКВД

Ласковое осеннее солнце щедро поливало теплыми лучами просторный двор спецлагеря. Массивные деревянные двери четырехэтажного каменного здания отворились, из его чрева в сопровождении вооруженных конвойных высыпала пестрая толпа. Люди быстро построились в колонну по три посередине двора. Это были невольные обитатели фильтрационного лагеря, иначе – спецконтингент, состоящий из командиров Красной армии, побывавших в плену и на оккупированной врагом территории. Часть из них была в изрядно поношенной военной форме или в новом обмундировании, а часть – в гражданской одежде. Внешний вид остальных представлял некую смесь той и другой. Один из представителей этой группы, высокий, худощавый, одетый в ветхие серые брюки, свитер и разбитые башмаки, снял кепку, подставляя русоволосую коротко стриженную голову солнцу.

Пожилой седоусый старшина басовито крикнул:

– Вольно! Можете покурить.

Худощавый подошел к стене, оперся на нее плечом, достал из кармана кисет, обрывок газеты, скрутил «козью ножку».

– И где бы еще старшине так сильно повезло покомандовать над старшими командирами, – тихо произнес чернявый симпатичный парень в сером пиджаке, надетом поверх линялой гимнастерки. Отшвырнув выдавшим виды кирзовым сапогом камушек, он залез в карман галифе, вынул коробок спичек, встал рядом.

– Ну что, браток, мой огонёк – твой дымок? Согласен?

– Согласен.

Чернявый парень протянул руку.

– Арсений. Голота. Можно просто Сеня, я не гордый.

– Андрей. Скоморохов.

Голота зажег спичку, Скоморохов прикурил сигарку, несколько раз жадно затянулся. Арсений нетерпеливо спросил:

– Ну, как вам наш табачок?

Скоморохов выпустил густую струю дыма, отдал самокрутку Голоте.

– На, попробуй. Давно здесь?

Арсений почесал заросший густой щетиной подбородок.

– Шоб вы знали, то сегодня третий раз пойду в баню. Так шо получается, я в этом чудесном заведении почитаю месяц загораю. Но это мелочь, некоторые туточки по два и по три месяца кукуют, а то и по полгода. Меня уже два раза на допрос вызывали. Неприятный тип, шо в кабинете засел, все нервы в кровь расчесал. Я себе думаю, шо вы из-под меня хотите? Шо вам надо от моей несчастной жизни? Уже сиди и не спрашивай вопросы, а он опять свою пластинку заводит. Когда? Зачем? Почему? Такой, брат, театр.

– А родом ты откуда?

– Родом я из Одессы, прекрасного города моря и акаций, – лицо Голоты погрузнело. – Только вот, когда немец пришел, пришлось мне с мамашей, папашей и сестрами перебраться в Астрахань. Мои родители на табачной фабрике работали, вот их и эвакуировали, как специалистов, вместе с семьей и оборудованием. Ну, и меня решили с собой забрать, подальше от одесской шпаны, с которой я имел интерес водиться. А когда в военкомате посчитали, шо Сеня Голота уже совсем взрослый мальчик, я отправился воевать.

Скоморохов обрадованно произнес:

– Выходит, мы с тобой почти земляки.

Голота удивленно посмотрел на Андрея.

– Ты шо, из Одессы?

– Нет, из Астрахани. Правда, там давно не был. Я оттуда четырнадцатилетним подростком уехал. А ты где в Астрахани жил?

– Рядом с заводом «Центрспирт».

– Мне неподалеку приходилось проживать. В детприемнике НКВД. Знаешь где?

– Знаю. Рядом деревянное здание, красивое такое.

– Там при царе пастор немецкий жил.

Голота потушил окурок об стену.

– А здесь знаешь, кто жил?

Скоморохов отрицательно мотнул головой.

– Не знаю.

– Курсанты пехотного училища. Их прямо отсюда в бой кинули. Говорят, из них немногие уцелели.

После недолгого молчания Скоморохов спросил:

– Как здесь оказался?

– Как? Да как многие из этой чудесной компании. Призыв в армию, потом ускоренные курсы младших лейтенантов. Я ведь на флот мечтал попасть, на военный корабль, а меня вместо этого в танкисты определили. Направили в двадцать пятый танковый корпус генерала Павлова, дали мне новую тридцатьчетверку, воюй, Сеня, сколько влезет, а тут началось наступление. После Сталинграда немчуру поперли так, шо не остановить. Ростов взяли, Харьков. Наш корпус до Запорожья десятка два километра не дотянул. Думали, шо всё будет в ажуре. Таки не случилось. До города рукой подать, а у нас горючего нема и боеприпас на исходе. Тут немцы решили гонор показать. Обложили со всех сторон. Деваться некуда, мы на прорыв пошли. Помню, сидел в танке, потом взрыв. Вылез из машины очумелый, гляжу, рядом механик-водитель лежит, я к нему, а он мертвый. Тут фрицы появились. Я отстреливался, пока патроны в пистолете были, а потом пришлось перед ними, как собачонка, лапки поднять. Так эти жлобы мне прикладом по голове. Никакой тебе культуры у этих фрицев. Видать, не понравился им Сеня Голота. Очнулся в поле, на снегу, рядом два немца стоят. Один из них амбал, как два меня, тычет стволом в портрет и что-то гутарит по-своему. Ну, я им, мол, наше вам с кисточкой, а эти чудаки меня под белые ручки да пинками под зад, да так, шо ребра до сих пор ноют. Вот, – Голота ощерился, показывая два ряда ровных белых зубов.

Скоморохов заметил, что один зуб на нижней челюсти одессита отсутствует.

Голота ткнул пальцем в щербину.

– Вынесли и даже не спросили, как меня зовут. Шоб им жить счастливо, но недолго. После собрали нас, человек пятнадцать, доставили до дороги, а там наших ведут, кавалеристов и «черную пехоту». Пиджачники, кто в чём. Вроде нас. Одни в пальто, другие в ватниках. Этих больше всего было. Их, бедолаг, во время нашего наступления из дома сразу в части набирали. Винтовку в руки и айда. А шо с них проку, я вас спрошу? Толку нет – одни убытки. Большинство не обученные. Потому и полегло их тьма-тьмущая, снега от их лапсердаков видно не было. Самому пришлось на это зрелище не для слабонервных полюбоваться. А из тех, кто цел остался, многие в плен попали. Вот в этот гамуз нас и определили.

Потом лагерь для военнопленных под Витебском. Ну, а как наши освободили, меня сразу сюда, на отдых отправили. Поправиться, значит, и подкормиться. Только я через эти марципаны, которыми тут кормят, стал иметь бледный вид и шаткую походку, но всё лучше, чем у немцев. Я, конечно, дико извиняюсь, но до ужаса хочется спросить, а тебя как жизнь сюда закинула?

– Долго рассказывать.

– Ой, я вас умоляю, мне вже торопиться некуда. Конечно, если ты не хочешь открыть душу Сене Голоте, так я ж не возражаю. А если думаешь, шо у мене длинный язык, тогда плыть нам разными пароходами.

Усатый старшина подал команду:

– Строиться!

Скоморохов сплюнул себе под ноги.

– Пойдем, Сеня. После бани потолкуем.

Спецконтингент строем вывели за территорию лагеря. Разношерстная колонна молча зашагала по дороге. Скоморохов опустил голову. Тупоносые носки башмаков мелькали перед глазами. Раз-два, раз-два. Сейчас он мысленно шел в свое недавнее прошлое...

21 июня 1941 года. Одна из погранзастав в районе Перемышля

Июнь дивная пора, когда земля нежится под щедрым летним солнцем, наливается плодоносной силой, когда душа человеческая радуется теплу, свету, зелени, духмяному запаху разнотравья. В Подкарпатье, крае гор, густых лесов, живописных долин, это ощущается особо. Хочется окунуться всем своим существом в это буйство природы, насладиться безмерной радостью и покоем, но что-то мешает этому. Неосязаемое напряжение витает в воздухе, словно надоедливая муха, и имя этому чувству – тревога. Она-то и разбудила заместителя командира погранзаставы, младшего лейтенанта Андрея Скоморохова. Последнее время беспокойных дней прибавилось, обстановка на границе была напряженная. Все чаще возникали разговоры о войне. К ней готовились, но в душе все надеялись, что обойдется. Однако частые провокации и случаи нарушения границы со стороны Германии заставляли думать иначе. Десять дней назад с германской стороны обстреляли из винтовок пограничный наряд. Тогда был ранен один из красноармейцев. Начальник заставы, лейтенант Василий Ковальчук, опасаясь за близких, отправил жену Антонину с двумя детьми и её младшую сестру Варвару, приехавшую к ней на побывку, в Перемышль.

Вот и сегодняшняя ночь не прошла спокойно. Дозорные выстрелом из ракетницы дали знать, что нарушитель пересек границу. Тревожная группа во главе с младшим лейтенантом Скомороховым на лошадях выдвинулась к

месту происшествия. Когда оказались на месте, выяснилось, что границу пересек гражданин Германии. Нарушитель оказался поляком. Ему удалось обойти секрет, но дозорные при помощи служебной собаки обнаружили его следы и начали преследование. Овчарка не подвела. Пес Руслан догнал «гостя» и повалил на землю, однако тот успел выстрелить из пистолета и ранить в плечо старшего дозора младшего сержанта Колесникова. Он-то и доложил, что нарушитель во время задержания ругался по-польски. В вещевом мешке поляка были обнаружены кусок сыра, каравай хлеба, спички, взрывчатка и фонарик немецкого производства. На поясе отыскался нож в ножнах. И вот теперь задержанный сидел в комнате начальника заставы и с ненавистью смотрел на Ковальчука, Скоморохова и политрука заставы Зарецкого. На вид ему было чуть больше сорока. Одет он был в крестьянскую одежду, но весь его облик – тонкие усики, волевой подбородок, уверенный, полный собственного достоинства взгляд, выправка – выдавал в нем военного человека. Что он и подтвердил после упорного молчания. Говорить его заставила угроза Ковальчука:

– Вы можете продолжать притворяться немым, но в городе вам придется разговаривать с сотрудниками НКВД. Думаю, тогда пан расскажет все, о чем его спросят.

При упоминании НКВД лицо нарушителя побледнело, он заговорил по-русски с легким польским акцентом:

– Вы хотите меня напугать! Не выйдет! Я не боюсь большевистских угроз! Я воевал с вами в двадцатом и двадцать первом году в Белоруссии, Украине и Польше. Тогда мы громили Красную армию. Я сам угонял толпы ваших трусливых солдат в плен. Вас ждет та же участь. Завтра наступит ваш конец. Вы ответите за земли, отнятые у Польши в тридцать девятом году. Земли, на которых находилась моя усадьба.

Лицо атлетически сложенного начальника заставы покраснело от гнева, который был готов вырваться наружу, но в разговор вступил политрук. Сухощавый Зарецкий поправил круглые очки, спросил:

– А разве германские войска не занимали вашей территории и не убивали ваших солдат? Разве не германские власти сейчас руководят Польшей, а вы, как я понимаю, служите захватчикам любимой вами родины?

Желваки заиграли на скулах поляка.

– Немцы меньшее зло. Вы большевики. И у нас есть возможность отомстить Советской России с помощью Германии. Уже завтра наступит час возмездия!

Ковальчук навис над задержанным.

– Возмездие скоро наступит для тебя. Ответишь и за переход границы, и за сопротивление, и за раненого бойца. Сегодня же отправлю тебя в Перемышль, там и расскажешь, с каким заданием пересек границу, а заодно поведаешь о часе возмездия.

Начальник заставы обернулся к рослому красноармейцу у дверей комнаты.

– Бондаренко, уведи задержанного и позови мне старшину.

Старшина Карпец явился через минуту. Ковальчук окинул всех взглядом.

– Думается мне, что этот поляк птица не простая и его слова о нападении немцев завтра вполне могут оказаться правдой. Поэтому принимаю решение: части личного состава под командованием старшины к вечеру незаметно разместиться на позициях опорного пункта. Туда же должен выдвинуться один боец с ручным пулеметом и расчет с «максимом». Иметь при себе противогазы, каски, оружие и боеприпас.

Политрук утер со лба пот, поправил очки.

– Вы думаете, все так серьезно?

– Да. А вы?

– Я понимаю, обстановка сейчас сложная, но надо быть осторожными и не забывать о директиве командования не поддаваться на провокации.

– А мы и не думаем поддаваться, но надо быть готовыми ко всему. Что касается командования, то смею доложить, что я связался с комендатурой и сообщил о происшествии. Приказано срочно доставить диверсанта в штаб погранотряда, – лейтенант Ковальчук посмотрел на Скоморохова. – А потому, Андрей Борисович, будет к тебе задание. Собирайся, поедешь в Перемышль. Возьми пароконную повозку, ездового и одного бойца для охраны задержанного. С собой заберете раненого младшего сержанта Колесникова. Приказ ясен?

Скоморохов выпрямился.

– Так точно. Но я думаю, что мне, как заместителю начальника, покидать заставу в такой ответственный момент...

Ковальчук кивнул на Зарецкого и старшину.

– Помощников у меня хватает. Без тебя справимся. Да и ты не на год уезжаешь. Надеюсь, за день управишься. И еще, у меня будет к тебе особое поручение...

Особое поручение Скоморохов получил через полчаса, перед самым отъездом. Ковальчук отвел его в сторону, негромко сказал:

– Андрей, навести в Перемышле моих. Скажи Антонине, пусть берет детей, Варю и едут в Киев к матери. Чем скорее, тем лучше. Хорошо бы уже завтра. Обстановка сам видишь какая. Тревожно мне за них.

– Конечно, заеду и передам.

– Заодно и с Варварой повидеешься.

Скоморохов покраснел, отвел взгляд в сторону. Ковальчук улыбнулся.

– Ты не смущайся, как красна девица. Антонина мне все рассказала про ваши дела амурные. Варька только о тебе и говорит. Кажется мне, она этим летом снова на побывку приехала не только из-за сестры и племянников. – Ковальчук положил тяжелую ладонь на плечо Скоморохова. – Всё правильно, Варька гарна дивчина. Жениться на ней собираешься?

– Вот, думаю сделать ей предложение сегодня, раз случай подвернулся. А то уедет, и когда мы свидимся, неизвестно. Если же всё хорошо будет, то, возможно, осенью и свадьбу сыграем.

– Что же ты всё это время молчал, а еще друг. Скорые вы, однако. Надо бы прежде друг друга лучше узнать, а вы прошлым летом месяц знали да сейчас чуть больше недели. Смотри, Варька – девка с характером.

– Знаю. Мы кроме этих встреч ещё целый год переписывались, а чтобы полюбить человека и одного мгновения достаточно.

– Это верно. Удачи тебе. Глядишь, скоро родственниками с тобой станем. Ты как? Не против породниться?

Скоморохов посмотрел в глаза лейтенанту.

– С тобой не против. Только нас уже застава породнила. Как-никак почти полтора года вместе.

– И то верно.

Ковальчук ответил добрым взглядом. За время совместной службы Андрей стал ему почти братом. Дружба крепко связала украинца с Днепра и русского с Волги. Оба высокие, статные, одного возраста, каждому по двадцать пять, только Ковальчук крепче сложением и темнее волосом. Оба начинали пограничную службу с самых низов, закончили одни и те же курсы младших лейтенантов, оба имели боевой опыт. Ковальчук участвовал в боях с японцами у озера Хасан, Скоморохов воевал с финнами. Да и характеры у них были схожие, потому и понимали друг друга с полуслова. Скоморохов протянул Ковальчуку руку, Василий крепко пожал ладонь младшего лейтенанта.

– До встречи.

Скоморохов кивнул, направился к повозке, где его уже ожидали ездовой Хайдар Ахмедов, красноармеец Павел Бондаренко, раненый младший сержант Колесников и связанный по рукам и ногам диверсант. Скоморохов залез на повозку.

– Поехали!

Повозка дернулась, лошади потащили её по дороге на Перемышль. Когда отъехали от заставы метров двести, Андрей не удержался, посмотрел назад. Привычная глазу картинка: на низком пологом холме окруженная лесом застава – огороженные деревянным забором с бойницами склады, казарма, домик для семей комсостава, баня, конюшня, наблюдательная вышка. Ниже опорный пункт с окопами, блиндажами, укрытиями для людей и боеприпасов. Дальше река, за ней немцы...

* * *

Полуденное солнце высоко поднялось над лесом и теперь щедро поливало теплом землю и людей в повозке. Бондаренко вытер рукавом пот со лба, обернулся к Скоморохову:

– Товарищ младший лейтенант, як вы разумиете, война буде, чи ни?

Андрей покосился на поляка, обернулся к красноармейцу, пожал плечами.

– Этого, Бондаренко, никто не знает.

За Скоморохова ответил Колесников:

– Даже если немец посмеет на нас напасть, то война будет недолгой и закончим её малой кровью на чужой территории. Накостыляем мы немцам, как наkostenяли японцам и финнам. Вот, товарищ младший лейтенант подтвердит, он сам с финнами воевал.

Скоморохов промолчал, говорить, какой ценой досталась эта победа, не хотелось, не рассказывать же о многих жертвах, об окруженных финнами дивизиях Красной армии, о массе раненых, больных и обмороженных бойцов. Диверсант ухмыльнулся, сплюнул на дорогу, тихо выругался по-польски:

– Пся крев.

Андрей сурово посмотрел на поляка.

– Ты бы, дядя, не ругался. Я ведь польский язык хорошо знаю, а то отведем тебя в лес, расстреляем, а потом скажем, что ты бежать пытался. Так что лучше тебе молчать.

Диверсант зло глянул на младшего лейтенанта, но своих мыслей вслух

выражать не стал. Колесников обратился к Скоморохову:

– Завидую вам, товарищ младший лейтенант, вы и польский, и немецкий языки знаете, и финские слова вам знакомы, а мне эта наука плохо дается.

Андрей поучительно изрек:

– Язык возможного противника надо изучать.

Колесников облизнул пересохшие губы, попросил:

– Мне бы попить, а то моя фляжка на заставе осталась.

Скоморохов обратился к Бондаренко:

– Павел, дай младшему сержанту воды.

Бондаренко протянул Колесникову фляжку. Тот попил, вернул фляжку, утер губы здоровой рукой, спросил:

– Долго еще до Перемышля?

Скоморохов глянул на перевязанное плечо Колесникова.

– Что, болит? Терпи, скоро приедем. Там тебя быстро на ноги поставят, а за добросовестное несение службы пожалуют в сержанты, а может, и наградят.

– Может, и наградят. Я не против. Только поскорее бы доехать, трясёт очень. – Колесников покосился на ездового Ахмедова. – Нашему Хайдару только дрова возить.

Хайдар оглянулся, возмущенно произнес:

– Зачем на меня так говоришь? Командир приказал, нарушитель быстро Перемышль везти, я везу.

Колесников отмахнулся.

– Вези, если приказали.

Хайдар прикрикнул на лошадей, повозка подпрыгнула на кочке. Колесников застонал, схватился за плечо, косо посмотрел на поляка, виновника ранения, затем перевел взгляд на Скоморохова:

– Товарищ младший лейтенант, а правду говорят, что Перемышль раньше русским был?

– Из летописей известно, что в девятьсот восемьдесят первом году киевский князь Владимир Святославович пошел войной на поляков и взял у них червенские грады, в том числе и Перемышль. После монгольского нашествия город опять перешел полякам, а позже стал частью Австро-Венгрии. Австрийцы превратили его в крепость, часть укреплений стоит в городе и сейчас. Во время империалистической войны, в пятнадцатом году, русские войска захватили город, но вскоре вынуждены были отступить. В двадцатом он снова стал польским. Ну а в тридцать девятом в него вошла Красная Армия...

Поляк хмыкнул, тихо вымолвил:

– Ненадолго.

Скоморохов, не обращая на него внимания, продолжил:

– Другая его половина, за рекой Сан, отошла Германии.

Колесников спросил:

– И откуда же, товарищ младший лейтенант, вы столько знаете?

– Историей увлекался, а о городе мне один старик еврей рассказывал.

Тоже любитель истории. Он говорил, что...

Возглас Бондаренко прервал речь Скоморохова:

– Товарищ младший лейтенант, побачти, що це таке?!

Скоморохов посмотрел вперед, куда указывал красноармеец. Поперек дороги валялся спиленный столб телефонной связи и обрезанные провода.

– Ахмедов, стой!

Скоморохов прыгнул с повозки, подошел к столбу, почесал затылок.

– Да-а, работы здесь изрядно. Вот сволочи. Это что же получается, теперь у заставы нет связи с комендатурой и штабом отряда. Колесников, пригляди за поляком. Ахмедов! Бондаренко! Давайте уберем столб с дороги.

Скоморохов и пограничники взялись за столб, когда прогремели два выстрела. С младшего лейтенанта слетела фуражка, Ахмедов схватился за правый бок. Лошади испуганно шарахнулись с дороги, Колесников едва успел ухватить вожжи одной рукой и крикнуть:

– Справа стреляют, из леса!

Скоморохов присел, выхватил из кобуры револьвер «наган». В сторону зарослей выстрелил из винтовки и Бондаренко.

Ответных выстрелов не последовало. Видимо, не совсем меткие выстрелы и отпор пограничников заставили немецких диверсантов ретироваться. Скоморохов перевязал Ахмедова, затем вместе с Бондаренко снова взялся за столб. Когда дорога была освобождена от неожиданного препятствия, Скоморохов торопливо сел в повозку.

– Поехали, надо срочно доложить в отряде о диверсии, чтобы выслали на починку связистов.

* * *

Перемышля достигли ближе к вечеру. Ехали по извилистым, выложенным камнем улицам и улочкам, мимо старинных домов, лавок, церквей, соборов, костёлов, шпили которых уткнулись в голубое

безоблачное небо. Город утопал в зелени, но сейчас было не до его красот. Скоморохов спешил поскорее добраться до штаба 92-го погранотряда НКВД, передать в нужные руки диверсанта, определить на излечение раненых Колесникова и Ахмедова и сообщить обо всех происшествиях, которые произошли со вчерашней ночи. Докладывать пришлось два раза: один раз начальству погранотряда, второй – лейтенанту госбезопасности НКВД по фамилии Шиловых. Лет тридцати пяти, узколицый, низкорослый и худощавый Шиловых впивался пытливым взглядом темно-серых глаз в Скоморохова, хмурил белесые брови, хрипловатым голосом подробно выспрашивал о каждой мелочи. Особенно интересовался действиями начальника заставы лейтенанта Ковальчука и политрука Зарецкого, спрашивал о связях пограничников с местным населением, о том, какие разговоры ведутся на заставе по поводу войны с немцами. Скоморохов отвечал обдуманно, знал: одно неосторожное слово может погубить товарищей по службе или его самого. Шиловых разговором остался доволен, крепко пожал руку, поблагодарил за ценные сведения и за задержанного диверсанта. На прощание сказал:

– Поскольку связь с вашей заставой еще не установлена, вы получите пакет с письменными распоряжениями для лейтенанта Ковальчука. Ночью ехать небезопасно. Заночуете при штабе отряда, я распоряжусь. Ну, а с утра пораньше в путь...

* * *

Получив пакет, Андрей Скоморохов устроил Бондаренко на ночлег, предупредил, что разбудит его рано утром, а сам отправился исполнять поручение Ковальчука.

К небольшому двухэтажному дому, где снимали комнаты Антонина с детьми и Варя, он подошел в сумерках. Дверь ему открыл старик с курчавой седой шевелюрой:

– О, пан офицер! Здравствуйте! А я вас ждал. В тот день, когда привезли мне квартирантов, вы интересовались женскими часами. Так вот, я нашел вам прекрасные часики по той цене, которую вы хотели. Михаэль Шмуклер держит свое слово. Пройдемте в мою мастерскую, я покажу пану офицеру эту чудесную вещицу.

Андрей вошел в просторную прихожую. Слева находился вход, который вел в половину дома, где жили хозяева, пожилая еврейская пара. Прямо перед ним дверь в подвал и деревянная лестница, ступени которой

вели на второй этаж, где снимала комнаты семья Василия Ковальчука. Справа находилась часовая мастерская и небольшой магазинчик. Туда-то и повел его хозяин дома. Он открыл дверь, включил свет.

– Проходите.

Они вошли в комнату, которая и являлась магазином. Вход с улицы был заперт, а дверь в маленькую часовую мастерскую открыта. Стены магазина и мастерской были увешаны часами разного размера и вида. Михаэль развел руки:

– Вот это мое королевство часов.

– А вы, значит, повелитель времени?

Лицо часовщика приняло скорбный вид.

– Если бы это было так, то я бы повернул время вспять и спас единственного сына Давида... В сентябре тридцать девятого года немцы вошли в город и расстреляли шестьсот евреев, в том числе и моего Давидика. А ведь ему было всего тридцать пять... Потеря детей – это, молодой человек, большое горе для родителей. Моя жена Рива чуть не сошла с ума, когда узнала о его смерти... Это страшно... Несколько дней спустя город был поделен на две части по реке Сан. Мой дом остался на вашей стороне. Он должен был вместе с магазином и мастерской достаться в наследство моему мальчику, но судьба распорядилась иначе. – Михаэль горько вздохнул. – Комнаты наверху принадлежали ему. Туда он хотел привести свою невесту Рахиль. – Голос часовщика дрогнул, в глазах блеснули слезы. Помолчав, он продолжил: – Нам с женой тяжело посещать эти комнаты, поэтому мы сдаем их за малую плату семьям ваших офицеров... В прошлую нашу встречу я немного рассказал вам о Пшемысле, но я не говорил, что евреи здесь в разные времена подвергались гонениям. Нас всячески унижали, грабили, убивали. Надеюсь, это когда-нибудь кончится. Говорят, что немцы могут начать войну. Если это случится, то евреев в Пшемысле совсем не останется.

Скоморохов успокоил:

– Не переживайте, Красная армия этого не допустит.

– Я буду молиться, чтобы так случилось, – Михаэль махнул рукой. – Простите, что занимаю ваше время своими невеселыми воспоминаниями. Сейчас я покажу вам часы. – часовщик подошел к прилавку, выдвинул деревянный ящичек, достал из него женские наручные часы. – Вот посмотрите, думаю, ваша девушка будет довольна. Я и ремешок подобрал.

Часы Скоморохову приглянулись. Он отдал деньги, поблагодарил.

– Не стоит меня благодарить, главное, чтобы они понравились моей квартирантке Варваре. Если я не ошибаюсь, подарок предназначается ей?

Андрей удивленно посмотрел на еврея.

– Не удивляйтесь, Михаэль Шмуклер долго живет на этом свете и научился кое-что понимать. – часовщик подошел к одному из застекленных шкафов, достал с полки обшитую синим бархатом коробочку, протянул Скоморохову. – Возьмите и положите туда часики, это мой вам подарок. Варвара достойна его, она уважительная и добрая девушка. Пану офицеру повезёт, если он обретёт такую жену.

Андрей пожал Михаэлю руку.

– Спасибо. Я пойду. Время позднее, а мне ещё надо навестить ваших квартирантов.

– Да-да. Идите. Не смею вас задерживать.

Скоморохов вышел из магазина, поднялся по лестнице, постучал в одну из двух дверей. Её отворила Антонина, жена Ковальчука, высокая стройная женщина в халате, с прической «корзиночка» на голове.

– Ой, Андрюша! А я подумала, это Михаэль Ааронович. Он обещал для детей молока принести. Проходи, Миша и Леночка уже уснули, а мы с Варей собрались чай пить.

Скоморохов снял фуражку, поправил ремень, пригладил густые русые волосы, а затем вошел в комнату, которая одновременно являлась кухней, столовой и гостиной. Две других комнаты служили спальнями: одна для Антонины с детьми, вторая, поменьше, для Варвары. Андрей встретился с ней взглядом, улыбнулся. Варя тоже не смогла скрыть своей радости. Антонина усадила Скоморохова за стол, налила чай, села рядом.

– Рассказывай. Зачем в Перемышль приехал? Как дела на заставе? Как там Вася?

– Вася в полном порядке, а вот на заставе беспокойно, потому я и приехал в Перемышль по его поручению. Сегодня ночью нарушителя поймали, он младшего сержанта Колесникова ранил при задержании. По дороге в город нас обстреляли. Обстановка серьезная. Василий велел вам завтра собираться и уезжать в Киев.

Наказ мужа Антонины приняла, как положено жене командира.

– Что ж, если так надо...

– Надо.

Больше минуты Антонина задумчиво смотрела на свою чашку, затем улыбнулась, весело сказала:

– Ну, давайте пить чай, а то остынет.

Пили чай, разговаривали. Андрей то и дело бросал на Варвару влюбленные взгляды. Все эти десять дней разлуки он мысленно представлял её облик: широкоскулое с точеным подбородком лицо,

выразительные светло-карие глаза, сплетенные в тугую косу темно-русые волосы, черные брови, небольшой тонкий нос, чуть припухлые губы. И вот она рядом... Когда чашка Скоморохова опустела, он встал из-за стола.

– Мне пора.

Антонина спросила:

– Может, ночевать у нас останешься. Я тебе здесь, в гостиной, постелю, на диване.

– К сожалению, не могу, утром рано надо выехать на заставу.

– Что ж, доброго вам пути.

– И вам хорошо добраться до Киева.

– Спасибо. Варя, проводи Андрюшу.

Варвара и Андрей спустились по лестнице, вышли на улицу. Ночь уже украсила черное полотно неба бисером звезд. Луна тускло освещала узкую, выложенную булыжником улочку, дома и лицо Андрея. В полутьме едва различимы были его добрые серые глаза, прямой с легкой горбинкой нос, тонкие губы. Варя прислонилась к прохладной кирпичной стене дома, снизу вверх посмотрела на Скоморохова, тихо спросила:

– Значит, расстаемся?

– Расстаемся. Наверное, до осени.

– Почему до осени?

– Потому что осенью у меня отпуск, я надеюсь... – Скоморохов вытащил из кармана галифе синюю бархатную коробочку, протянул Варваре. – Это тебе подарок и... – Андрей запнулся. Сейчас ему предстояло сказать важные слова, которые могут решить его дальнейшую судьбу. Он по-доброму завидовал Ковальчуку, у которого уже была семья: жена и двое детей, а у него, безродного детдомовца, не было никого. Скоморохов надеялся, что мечта обрести близких людей сбудется. Набрав в грудь воздуха, он выпалил: – Я бы хотел просить тебя стать моей женой.

Варвара уткнулась головой в его грудь, Скоморохов почувствовал запах её волос, услышал, как она прошептала:

– Андрюша, милый.

Чувство нежности охватило его, он трепетно, словно хрупкую вещь, прижал её к себе.

– Значит, ты согласна?

Варвара подняла лицо, посмотрела счастливым взглядом.

– Да.

Скоморохов наклонился, поцеловал её в губы. Поцелуй был долгим. Когда он закончился, Андрей спросил:

– А почему ты не посмотришь мой подарок?

Варвара открыла коробочку.

– Ой, часики! Я видела такие в магазине у Михаэля.

Андрей взял часы, одел на левую руку девушки.

– Спасибо! – Она поцеловала его в гладко выбритую щеку. Скоморохов поднес тыльную сторону её ладони к губам, поцеловал маленький шрам рядом с указательным пальцем. Варя улыбнулась, тихо сказала:

– Они будут для меня самым дорогим подарком на всю жизнь.

На лице Скоморохова появилось довольство, но оно тут же сменилось грустью. Он погладил ладонью шелковистые волосы Варвары, дрогнувшим голосом произнес:

– Мне надо идти.

Варвара прижалась к его груди.

– Я не хочу, чтобы мы расставались.

– Я тоже. Но служба есть служба.

Варвара поднялась на цыпочки, быстро поцеловала его в губы.

– Береги себя! Я тебя люблю!

– И я.

Скоморохов наклонился, коснулся губами её шеи, затем щеки. Они снова слились в поцелуе.

Андрей первым оторвался от Варвары и, не оборачиваясь, зашагал по ночной улице.

* * *

Раннее утро 22-го июня встретило Скоморохова и Бондаренко во дворе штаба погранотряда. Отъезд в долгий ящик не откладывали, знали, что они нужны на заставе. К тому же настораживали выстрелы, доносившиеся со стороны реки Сан. Означали они начало боевых действий или это было очередной провокацией со стороны Германии, пограничникам было неизвестно. Вскоре выстрелы прекратились, но Скоморохов медлить не собирался. Сумрак еще только начал рассеиваться, а лошади уже тащили повозку по улицам полусонного Перемышля. Они были на окраине города, когда до них донеслись глухие звуки разрывов, с каждой минутой они становились чаще и громче. Бондаренко остановил повозку, посмотрел на Андрея Скоморохова непонимающим взглядом:

– Товарищ младший лейтенант, це що таке, провокація?!

Андрей молчал, он, не отрываясь, смотрел, как всполохи взрывов озаряют улицы города. В нескольких местах в небо вскинулись языки

пламени, вверх поползли столбы черного дыма. А ведь там оставались семья Ковальчука и Варя.

С запада слышался гул моторов. Он нарастал. В светлеющем предрассветном небе, подобные черным хищным птицам, появились силуэты самолетов. Десятки немецких бомбардировщиков и истребителей волнами медленно летели на восток. Скоморохов оторвал взгляд от пугающего зрелища, сглотнул слюну, хрипло выдавил:

– Это война.

Словно подтверждая его слова, со стороны реки снова раздались многочисленные выстрелы и треск пулеметов. Бондаренко вопросительно посмотрел на командира.

– Що нам тепер робити?

– Выполнять приказ. Надо быстрее добраться до заставы.

Бондаренко дернул вожжи, лошади, убыстряя бег, потащили повозку по дороге.

* * *

До заставы добраться не удалось. К полудню захромала одна из лошадей. Бондаренко остановил повозку на поросшем лесом взгорке, осмотрел правую переднюю ногу животного.

– Ось беда, до застави трохи залишилось.

Скоморохов с тревогой посмотрел в сторону холма, за которым находилась застава. Оттуда слышался шум боя. Доносился он и от соседней заставы. Идут ли бои только на этом участке или на протяженности всей государственной границы, он не знал. Бондаренко попытался его успокоить:

– Ничого, не хвилюйтеся, товарищ младший лейтенант, доедемо.

Бондаренко сел в повозку. Скоморохов остановил:

– Постой!

Бондаренко услышал треск мотоцикла и увидел, что взгляд командира устремлен вниз, в сторону луга, который пересекала дорога, ведущая к заставе. Только теперь он заметил всадника в зеленой пограничной фуражке. Всадник выскочил из леса на склоне противоположного холма и стремился к дороге. Его преследовал мотоцикл с коляской, в котором сидели солдаты в германской, мышиного цвета, форме. Мотоцикл кидало на кочках, замедляя скорость, а потому расстояние между всадником и его преследователями увеличивалось. Пограничник добрался до обочины, ему

оставалось преодолеть небольшой участок дороги и скрыться в лесу, где стояла повозка, но в это время раздалось два выстрела. Кауряя лошадь споткнулась, упала на передние ноги, завалилась на бок. Всадник успел спрыгнуть, но повалился на землю. Фуражка слетела с его головы. Скоморохов разглядел коротко стриженные волосы. Пограничник вскочил, побежал по дороге к лесу. Бондаренко воскликнул:

– Товарищ младший лейтенант, так то ж наш Чухнин.

Скоморохов присмотрелся. Сомнений не было – это был красноармеец первогодок Степан Чухнин. Андрей махнул рукой в сторону зарослей.

– Быстро! Повозку в лес!

Когда Павел Бондаренко исполнил приказание, Скоморохов спрятался за ствол дерева у дороги, скомандовал:

– Оружие к бою! Ты берешь немца в люльке, я остальных. Огонь по моей команде.

Бондаренко снял винтовку, присел на колено рядом с густым разлапистым кустом, в шаге от дерева, за которым притаился Андрей.

Чухнину оставалось не более дюжины шагов до леса, когда мотоцикл выехал на дорогу. Немец в люльке выстрелил из винтовки. Пуля прошла мимо. Второй выстрел оказался удачным. Степан Чухнин остановился, схватился за правую ногу. Пуля угодила в бедро. Павел Бондаренко прицелился, приготовился нажать курок. Скоморохов остановил:

– Погоди, рано. Я могу их из револьвера не достать. Надо бить наверняка.

Мотоцикл приближался, теперь немцев и Чухнина разделяло не более тридцати метров, а до леса оставалось еще не менее пяти шагов. Понимая тщетность попыток оторваться от преследователей, Чухнин сел на дорогу, ожидая своей участи. Мотоцикл остановился рядом. Из люльки вылез долговязый немец в пилотке. Скоморохов видел из-за дерева его вытянутое покрытое веснушками лицо с холодными светло-серыми глазами. Он подошел к Чухнину, что-то сказал по-немецки. Немцы на мотоцикле рассмеялись. Чухнин с ненавистью посмотрел на длиннолицего.

– Смейтесь, сволочи, мы еще вам покажем!

Немец сплюнул, презрительно посмотрел на пограничника.

– Швайне.

– Сам ты швайне. – Чухнин попытался встать, но удар ногой в лицо бросил его на землю.

Самохвалов скомандовал:

– Огонь!

Немец в пилотке попытался ударить Чухнина прикладом в голову, но

выстрел Бондаренко прекратил избиение. Долговязый рухнул рядом с Чухниным. Следом, сраженный револьверной пулей, уткнулся в руль водитель мотоцикла. Немец на заднем сиденье схватился за автомат, но меткий выстрел настиг и его. Из зарослей выбежали Скоморохов и Бондаренко.

Чухнин удивленно посмотрел на сослуживцев.

– Вы?

– А то кто ж! – Бондаренко подошел к убитым немцам. – Як вы их, товарищ младший лейтенант, оби два у голову. А в мене руки затряслися, перший раз в людину стріляв. Думав, промахнуся.

Скоморохов бросил:

– Пройдет. Первый раз у многих такое бывает. Убери немцев в лес, возьми у них документы, оружие. Потом ко мне, поможешь перевязать. – Андрей повернулся к Чухнину: – Показывай, куда ранило.

Степан убрал окровавленную ладонь от бедра. Скоморохов присел на колени, осмотрел рану.

– Ничего, мы сейчас тебя перевяжем, а ты докладывай, как здесь оказался.

– Меня лейтенант Ковальчук послал, за подкреплением. Связь с отрядом и комендатурой к ночи наладили, а утром немцы напали, внезапно. Сначала из пушек обстреляли. Первые снаряды в казарму попали. Потом самолеты... – Степан застонал.

– Терпи. Знаю, что больно, но перевязать надо. – Скоморохов затянул узел повязки. – Рассказывай дальше.

Чухнин облизнул пересохшие губы.

– Тогда связь опять пропала. Я на посту стоял, когда обстрел начался. Кругом взрывы, огонь. К казарме прибежал, а там ребята... Половина мертвые и раненые. Кто без ноги, кто без руки, – голос Чухнина дрогнул. – Политруку Зарецкому обе ноги оторвало, а он меня про свои очки спрашивает... Так у меня на глазах и помер.

– А Ковальчук?

– Велел мне и еще трём бойцам занять оборону на заставе и присматривать за ранеными, а сам с остальными ушел на опорный пункт. Там старшина Карпец со своими ребятами перестрелку с немцами затеял. К нему дозорные отступили. Я сам видел. Из пяти трое пришли. Кто был в секрете, так и не появились. Но я слышал, как они из Дегтярева стреляли, а потом тишина. – Чухнин замолчал.

Скоморохов нетерпеливо бросил:

– Продолжай.

– Наших в опорном пункте человек двадцать было. Две атаки отбили. Потом танки появились. Старшина Карпец один противотанковой гранатой подбил. Два других попятились, издали начали обстреливать, а пехота – обходить с двух сторон стала. Тогда Ковальчук с уцелевшими бойцами отошел к заставе, а Карпец с пулеметом прикрывать остался... Его танк раздавил. Потом на нас попёр. А у нас что? Две противотанковые гранаты, десяток РГД, ручной пулемет да винтовки. Патронов почти не осталось. Тогда товарищ лейтенант и велел мне за подкреплением скакать. Хорошо, конюшня уцелела. Я туда. Быструху вывел и – айда. Думал, как мышь в щель выскочу, а оказалось, что нас немцы уже обложили со всех сторон. Едва вырвался, только эти за мной увязались. – Чухнин бросил взгляд на убитых немецких солдат.

Скоморохов поднялся с колен.

– Надо пробиваться к заставе.

Бондаренко подошел, посмотрел Андрею в глаза, потом перевел взор в сторону заставы.

– Товарищ лейтенант, там тихо.

Только теперь Скоморохов понял, что не слышит звуков боя со стороны заставы. Зато появились другие звуки. Это был нарастающий шум моторов. Пограничники увидели, как с холма, по дороге движется колонна немецкой техники: тягачи с пушками на прицепе, грузовики с немецкими солдатами, бронеавтомобили, бронетранспортеры, танки. По обочине ехали велосипедисты и кавалеристы. Вся эта армада двигалась в их сторону. Опережая колонну, к лесу неслись немецкие мотоциклисты. Скоморохов командовал:

– Бондаренко! Повозку оставляем. Чухнина и трофеи в коляску, сам на заднее сиденье. Едем на соседнюю заставу.

Со стороны соседей слышался отдаленный шум боя, Скоморохов надеялся присоединиться к ним, но этому не суждено было случиться. На подъезде к заставе их обстреляли немецкие солдаты и люди в гражданской одежде. Оставался один путь – на Перемышль.

* * *

В город попасть не получилось. Недалеко от окраины их остановили. Из укрытого вечерним сумраком леса на дорогу вышли красноармейцы с винтовками на изготовку. Их возглавлял рослый пехотный лейтенант с пистолетом в руке. Он-то и подошел первым к мотоциклу.

– Старший лейтенант Могилевский. Кто такие?

– Свои. – Скоморохов на всякий случай положил ладонь на кобуру. Красноармейцы могли оказаться переодетыми немецкими диверсантами. Похожего мнения, видимо, был и лейтенант.

– Такие «свои» нас два часа назад обстреляли. Тоже в нашей форме были, – лейтенант кивнул на обочину. – Вон трое из них под деревом лежат. А кто вы, это вопрос.

– Заместитель заставы младший лейтенант Скоморохов, со мной два бойца. – Андрей вытащил из нагрудного кармана гимнастерки документы, отдал лейтенанту.

Старший лейтенант Могилевский, не спуская с Андрея подозрительного взгляда, спросил:

– Почему не на заставе?

– Вчера доставили в штаб погранотряда диверсанта и раненного им бойца, сегодня утром отбыли обратно, но к заставе пробиться не смогли. – Самохвалов опустил голову. – Похоже, что заставы больше не существует... Мы большую немецкую колонну видели, там мотоциклы, танки, бронемашин. Возможно, что двигаются сюда.

– Пускай идут, паразиты, мы их встретим, – лейтенант кивнул на лесок, где Скоморохов приметил несколько орудий.

Андрей поднял голову, вновь обратился к Могилевскому:

– Товарищ старший лейтенант, нам в город надо, в штаб погранотряда. У нас раненый.

– В городе немцы.

Ответ старшего лейтенанта ошеломил Андрея Скоморохова. Ведь там, в городе, были раненые бойцы погранзаставы Колесников и Ахмедов, жена Ковальчука Антонина, дети, Варя. Что с ними? Вслух Андрей произнес:

– Как же так?

– А вот так! Это война. – старший лейтенант выругался, покосился на коляску, где сидел Чухнин с трофеями. – Откуда немецкий мотоцикл и оружие?

– У немцев одолжили.

– Оружие придется сдать, до выяснения.

– Вы что же, нам не верите?

– Верить вам или нет, другие разберутся. – старший лейтенант обернулся к красноармейцам. – Терещенко, Лисицын! Сопроводите пограничников вместе с мотоциклом и оружием к лейтенанту Шиловостову.

Скоморохов верил, что вскоре во всем разберутся и всё встанет на свои

места, и всё же при упоминании знакомой фамилии ему на душе стало легче.

Андрей не ошибся. Шиловостов оказался тем самым лейтенантом госбезопасности, с которым он разговаривал вчера. Разговор состоялся в лесу, он был недолгим. Лейтенант Шиловостов выслушал Скоморохова, забрал у него документы немецких солдат, распорядился передать раненого Чухнина санитарам. От него Андрей узнал, что утром немцы обстреляли из артиллерии штаб погранотряда, расположенные в городе комендатуры, склады, госпиталь, железнодорожный вокзал, радио- и телефонную станции. Связь с погранзаствами и комендатурами удалось наладить только ближе к полудню, а после полудня поступил приказ оставить Перемышль, поэтому дополнительных сведений о судьбе заставы лейтенанта Ковальчука у Шиловостова не было. В конце разговора лейтенант сказал:

– Мотоцикл я у вас забираю, трофейное оружие можете оставить себе, оно вам скоро пригодится. Тут вот какое дело. Ты, Скоморохов, город хорошо знаешь?

– Неплохо.

– Добро. Значит так. Главные силы отряда на данное время сосредоточены в селе Нижанковичи. Я сейчас направляюсь туда. Ты поедешь со мной. Там я определю тебя в подчинение к старшему лейтенанту Поливоде. Под его командованием формируется сводный батальон из пограничников и солдат полка НКВД. На завтра намечается наступление на Перемышль, но прежде следует провести разведку. Поливоде требуются ловкие ребята, которые хорошо знают Перемышль, а ты, как я понял, из таковых.

– Товарищ лейтенант, разрешите с собой красноармейца Бондаренко взять. Он один из всей заставы...

Шиловостов понимающе кивнул.

– Разрешаю.

* * *

Первая ночь войны выдалась лунной и безветренной. Разведчики младшего лейтенанта Скоморохова бесшумными серыми тенями скользили по склону между кустов и деревьев. Группа из пяти человек состояла из пограничников, скрытно передвигаться в темноте им было не внове. Андрей следовал первым, он-то и услышал впереди негромкий оклик по-

немецки. Скоморохов остановился, поднял руку. Разведчики замерли. Неужели их заметили? Андрей знал, что в город специально было послано несколько разведгрупп для выявления огневых точек противника и расположения войск. В случае обнаружения одной группы оставался шанс, что сведения будут добыты другими, и все же Скоморохову не хотелось, чтобы обнаруженными разведчиками были они. Опасения оказались напрасными. Тихий разговор немецких солдат успокоил. Подползли ближе. Как оказалось, это был передовой пост немцев на окраине города. Скоморохову подумалось: «Эх, напасть бы на них из темноты и перебить всех до единого!» Эту мысль он отбросил. Сейчас было важно раздобыть сведения и по возможности доставить в отряд «языка», а необдуманные действия могли помешать наступлению. К тому же у него было особое задание от Шиловостова. Поэтому пост обошли и нырнули в ближайшую улочку. Перебежками, от дома к дому, проулками и дворами стали продвигаться к центру города, примечая на ходу, где у немцев огневые позиции, где стоит бронетехника. Немцы времени зря не теряли, подготавливали в домах и на площадях опорные пункты. Разведчики видели, как немцы укладывают на перекрестках мешки с песком, устанавливают пушки и пулеметы. Однако не все были заняты делом, разведчики слышали в отдалении пьяные голоса и песни на немецком языке. Враг праздновал победу.

На обратном пути остановились у одного из одноэтажных домов. Здесь жил знакомый Шиловостова. От него они надеялись получить сведения о немцах. Андрей тихо постучал в дверь. На стук не ответили. После повторного стука из-за двери раздался мужской голос:

– Кто там?

Скоморохов тихо сказал:

– Свои. Я от Шиловостова.

Щелкнула задвижка, дверь отворилась, на крыльце появился босоногий пожилой человек в белой рубахе и брюках. Он с опаской посмотрел по сторонам, негромко произнес:

– Заходите.

Разведчики вошли в прихожую. Бондаренко по приказу Скоморохова остался снаружи. Мужчина свет включать не стал. Сказал: «Подождите», – и исчез в одной из комнат. Скоморохов вдохнул носом воздух. Пахло борщом. Только теперь он вспомнил, что не ел с самого утра. Ждать пришлось недолго. Мужчина пришел со свернутым листом бумаги, отдал Андрею.

– Вот. Передадите Шиловостову. Здесь всё написано.

– Хорошо. Передадим.

Мужчина пожал Скоморохову руку.

– Удачи вам, товарищи.

Пограничники вышли из дома. Теперь у них была еще одна задача: по возможности взять «языка», но летняя ночь коротка, а потому и времени у разведчиков было мало.

Им повезло. Группа возвращалась назад, когда ближе к окраине города они увидели трех немецких солдат.

– Похоже, патруль, – тихо произнёс один из пограничников.

– Будем брать того, который впереди. Сдается мне, он за старшего.

Схватка была короткой. Немцы нападения не ожидали, они повернули за угол дома на перекрестке, когда на них набросились разведчики. Дюжий Бондаренко ударом приклада в голову свалил первого, двух других немцев закололи ножами. Скоморохов не ошибся, шедший впереди немец оказался обер-ефрейтором. Ему быстро связали руки, сунули в рот кляп. Взятых в плен «языка» Бондаренко тащил на себе, так как удар прикладом оказался сильным. Немец был рослым и тяжелым, а потому нести его пришлось по очереди.

Труды разведгрупп не прошли даром. Выяснилось, что немецкое командование тоже готовило наступление, а потому ударили по ним на полчаса раньше запланированной ими атаки. Утром артиллерия открыла огонь по обнаруженным позициям противника. Грохот пушек разорвал утреннюю тишину. В атаку со стороны городского кладбища пошли пограничники сводного батальона, следом в бой вступили бойцы девяносто девятой стрелковой дивизии и две сотни ополченцев.

* * *

Скоморохов во главе доверенного ему полувзвода пограничников пробивался к центру города. На окраине немцы встретили наступающих шквальным пулеметным огнем, но пограничникам удалось ворваться в Перемышль. Теперь надо было выбить из него противника. Однако немцы упорно сопротивлялись, они успели укрепиться, соорудив на перекрестках баррикады из мебели, шпал и мешков с песком. Из подвалов, окон и чердаков хлестал свинцовый дождь. Скоморохов видел, как один за другим падают его бойцы. Опыта уличных боев у пограничников было мало, большая часть из них впервые участвовала в боевых действиях. На узких улицах между домами не хватало маневра, не было места, чтобы в нужный

момент укрыться от вражеского огня. Овладев одним из опорных пунктов на перекрестке, остановились. Впереди ещё одно укрепление, за ним двухэтажный дом, который, словно остров реку, разделил улицу на две. Пулеметный огонь из окон и чердака дома заставил залечь за мешками с песком. Бондаренко оказался рядом.

– Товарищ младший лейтенант, як що дали по вулиці пидемо, те нас всих перебють. Може, нам дворами, як вчора?

Очередь из пулемета заставила Скоморохова пригнуться. Андрей поправил ремешок фуражки под подбородком.

– Верно мыслишь, Бондаренко. В лоб нам немцев из этого дома не выбить. Надо действовать хитро. Главное маневр и внезапность. Будем обходить узлы обороны и бить им в тыл.

Бондаренко поддержал:

– Ось це правильно, товарищ лейтенант.

Скоморохов обратился к пограничникам:

– Девять человек со мной, остальным держать оборону, ждать сигнала к атаке. Сержант Решетняк остается за старшего.

Андрей вскочил, пригнулся, и, крепко сжимая в руках трофейный немецкий автомат, побежал назад по улице. За ним последовал Бондаренко и ещё восемь пограничников. Добежав до перекрестка, они свернули за угол дома. Запоздало застрочил немецкий пулемет. Скоморохов кинулся к массивной деревянной двери, рванул ручку на себя. Дверь оказалась закрытой. Бондаренко несколько раз ударил прикладом винтовки по полотну, но попытки сломать дверь оказались тщетными. Один из пограничников предложил:

– Может, гранатой ее?

– Гранаты приберегите для немцев. За мной! – Скоморохов подбежал к каменному забору, который скрывал внутренний двор дома, подпрыгнул и ловко перемахнул через преграду. За ним, помогая друг другу, перелезли остальные. Пограничники миновали двор, но уперлись в деревянную ограду. Путь пробивали прикладами и ногами. Сломали доски и очутились в соседнем дворе. Навстречу им из дверей соседнего дома выбежали два немецких солдата в касках с винтовками в руках. Скоморохов нажал на спусковой крючок. Автоматная очередь срезала обоих. Андрей побежал дальше. Следующий трехэтажный кирпичный дом с балконами, по его предположению, должен был находиться напротив углового здания, где засели немцы. Он не ошибся. Сквозной подъезд вел со двора на улицу и выходил к нужному дому. У выхода притаился немец с винтовкой. Не ожидая нападения сзади, он обернулся, удивленно посмотрел на

пограничников. Их многочисленность и суровый вид привели его в замешательство, удивление сменил испуг. Андрей приложил указательный палец к губам, давая немцу понять, что ему не стоит звать на помощь. Солдат вермахта послушно поднял руки вверх. Скоморохов бросил:

– Свяжите его.

Немца связали, забрали оружие и уложили на каменный пол. Один из пограничников удивленно произнес:

– Да он же пьяный, чертяка! От него как из винной бочки разит. Наверное, всю ночь пили, сволочи.

– Вот мы им и устроим похмелье. – Андрей снял фуражку, взял у пленного каску, одел на себя, выглянул на улицу. Осмотрев дом, в котором засели немцы, он повернулся к пограничникам, тихо скомандовал:

– Приготовиться. По моей команде рывком перебегаем улицу. Окна дома на первом этаже высоко, поэтому проникнуть туда можно только через парадные двери. Они, на наше счастье, открыты. Комнаты, где засели немцы, закидываем гранатами, потом добиваем тех, кто остался жив. Аксёнов, Бондаренко, держите под прицелом окна второго этажа. Всем понятно?

– Так точно, – ответил за всех Бондаренко.

Скоморохов снял каску, надел фуражку, подтянул ремень на подбородке.

– Тогда вперед!

Пограничники выбежали на улицу, устремились к дому напротив. Из открытого окна второго этажа высунулась голова в немецкой пилотке. Бондаренко остановился, выстрелил. Голова немца исчезла. Скоморохов метнул гранату в окно первого этажа. От оглушительного взрыва осыпались разбитые стекла на рамах. Не теряя времени, Андрей вбежал в дом, пинком отворил дверь квартиры, куда он кинул гранату. Ошалевшие от взрыва немцы метались по комнатам в пыли, огне и дыму. Скоморохов выискивал их глазами, и, не переставая, поливал огнем из автомата. Немцы падали один за другим. Из комнаты справа выбежал еще один. Андрей повернулся, нажал спусковой крючок. Автомат молчал. В голове мелькнуло: «Патроны!» Теперь трофейное оружие было бесполезным, враг был рядом. Низкорослый немец ткнул штыком в живот. Скоморохов увернулся, ударил автоматом по плечу немца. Противник оказался крепким, он развернулся, чтобы повторить атаку, но в это время в квартиру забежал Бондаренко. Выстрел из винтовки откинул немца к стене, на которой висело деревянное католическое распятие. Немец сполз на пол, его остекленевший взгляд остановился на вырезанной из дерева фигуре

Христа. В этой квартире с неприятелем было покончено. Селиванов откинул автомат, выхватил из кобуры револьвер, метнулся к выходу из квартиры.

На широкой деревянной лестнице, ведущей на второй этаж, завязалась рукопашная схватка. Немцы напирали сверху, пытаясь сбросить с неё пограничников. Скоморохов видел, как на ефрейтора Аксенова прыгнул немец. Пограничник пригнулся, затем резко выпрямился. Немец перелетел через него, скатился по ступеням вниз. Дело завершил стальной штык Бондаренко. Аксенов развернулся, выстрелил из винтовки вверх. Оттуда, с лестничной площадки второго этажа вел огонь один из немцев. В следующий миг его самого сразила пуля. Аксенов рухнул на ступени. Скоморохов бросился к лестнице.

Через минуту рукопашный бой шёл уже на втором этаже. Крики, хрипы, ругательства и стоны смешались с выстрелами и взрывами гранат. Дрались штыками, прикладами, ножами и просто руками. Рыжеусый, коренастый и широкоплечий немец набросился на Бондаренко с кулаками. В тесноте возможности ударить немца штыком или прикладом у Бондаренко не было. Чтобы защитить лицо от массивных кулаков рыжеусого, он выставил винтовку перед собой. Немец тоже схватился за винтовку и попытался вырвать её из рук пограничника. Бондаренко рванул винтовку на себя и упал на спину, увлекая противника за собой. Ступни Бондаренко уперлись немцу в живот, резким толчком он перекинул его через себя, вскочил на ноги, вырвал винтовку из рук рыжеусого. Встать немец уже не успел. Острие штыка вонзилось в его мощную спину.

Скоморохов выстрелил в упор в напавшего на него немца, побежал в помещение, из которого доносился стрекот вражеского пулемета. Его опередил один из пограничников. Он первый ворвался в комнату, где у пулемета притаились два немца. Один из них, в офицерской форме, выстрелил из пистолета. Пуля угодила пограничнику в живот. Андрей, не целясь, разрядил барабан в офицера, обернулся к пулеметчику, но тот уже схватился в рукопашной с раненым пограничником. Немец пытался выбросить бойца из открытого окна. Скоморохов кинулся на помощь, но опоздал. Немецкому пулеметчику удалось столкнуть пограничника, но тот крепко вцепился в немца и увлек его за собой. Андрей выглянул в окно. Два недвижимых тела лежали на выложенной камнем мостовой, так и не выпустив друг друга из смертельных объятий. В трех метрах от них немецкие артиллеристы подкатывали легкую пушку к укреплению перед домом. Андрей представил, что будет, если они начнут стрелять по мешкам с песком, за которыми он оставил часть своих бойцов ожидать сигнала к

атаке. Он бросил взгляд на немецкий пулемет, рядом с которым лежали две гранаты с деревянными ручками. Это были немецкие М-24. Как ими пользоваться, младшему лейтенанту погранвойск было известно. Кроме трофейных гранат у него оставалось еще две своих. Недолго думая, он метнул их в пушку. Две немецкие полетели в сторону укрепления. Скоморохов кинулся к пулемету и после небольшой заминки открыл огонь по немцам на улице. Трое из них остались лежать на мостовой, остальные, напуганные атакой с тыла, предпочли оставить позицию.

Звук шагов заставил его обернуться. В комнату, пошатываясь, вошел пограничник с обнаженной головой. Его белесые волосы и лицо были залиты кровью. Андрей указал на пулемет.

– Будь здесь.

Пограничник, не проронив слова, тяжело опустился рядом с пулеметом. Скоморохов схватил пистолет немецкого офицера, выбежал на лестничную площадку второго этажа. Оставшиеся в живых пограничники, ловко орудуя штыками и прикладами, уже пробивались на чердак. Там находился еще один пулеметный расчет. Чердачный сумрак встретил их вспышками выстрелов. Бондаренко выронил винтовку, схватился за плечо. Скоморохов выстрелил в сторону вспышки. Стон из темноты известил, что он не промахнулся. В ту же секунду из-за сложенной из кирпича каминной трубы на них накнулись еще два немца. Как оказалось, пулеметчики были на чердаке не одни. Один из немцев набросился на Андрея сзади. Скоморохов, применив прием самбо, перекинул его через себя, выстрелил из пистолета. Другой бросился с ножом на Бондаренко. Бондаренко отскочил, но дальше отступать было некуда. Путь к отступлению преградила куча хлама, брошенного жильцами дома на чердаке. Возможности отбиться от противника, вооруженного ножом, у раненого пограничника было мало. А тот уже был рядом. Бондаренко нащупал позади себя ножку стула. Ухватив её здоровой рукой, он ударил немца по плечу, а затем несколько раз по голове. На помощь ему подоспели пограничники. Они-то и помогли ему связать пленного. Скоморохов подошел к слуховому окну чердака, снял фуражку, высунул руку, помахал. Из-за мешков с песком показались фигурки в зеленых фуражках. С криком «ура!» пограничники побежали к дому.

Они уже были рядом, когда раздались выстрелы. Пограничники попадали на мостовую. Стреляли из окон и подвала соседнего дома с другой стороны улицы. Скоморохов приказал:

– Всем вниз! Пулеметы на эту сторону! Быстро! Огонь по окнам!

Пограничники не мешкали. Надо было выручать товарищей.

Пулеметные очереди отогнали немцев от окон, но выстрелы автоматов из подвала не давали подняться бойцам на улице.

Скоморохов выругался:

– Твою мать! Пулеметами их из подвала не выкуришь, надо гранатами.

К Скоморохову подошел круглолицый, крепко сложенный пограничник.

– Товарищ младший лейтенант, разрешите мне. Я их стороной обойду, там непростреливаемое пространство. Мне бы гранат только, и не давайте немцам из окон высунуться.

– Не бойся, прикроем и гранат дадим. Ты только выкури этих паразитов из подвала.

Пограничник улыбнулся.

– Вы не сомневайтесь, товарищ младший лейтенант, выкурю.

Скоморохов еще не успел запомнить всех доверенных ему бойцов, а потому спросил:

– Как фамилия?

– Журбин... Сергей.

– Действуй, Журбин Сергей, вся надежда на тебя.

Спустя пять минут пограничник уже полз вдоль стены дома, где засел неприятель. Захваченные у немцев пулеметы били по дому, не давая им вести огонь из окон. Скоморохов напряженно следил, как Журбин подполз к узкому подвальному оконцу, из которого строчил автомат, вырвал чеку, бросил гранату внутрь. За первой гранатой последовала вторая. Пограничники Скоморохова ринулись в атаку, за ними поднялись те, которые были на улице. Двое из них так и остались лежать на холодных камнях мостовой. Остался лежать у подвального оконца и пограничник Журбин...

Когда с немцами в здании было покончено и две группы снова соединились, оказалось, что из двадцати двух бойцов, способных вести бой, осталось тринадцать. С ними Андрею Скоморохову предстояло идти дальше. Он распорядился оставить в доме пленных немцев и раненых пограничников. Бондаренко оставаться отказался:

– Не можно мени залишатися, мени трохи дряпнуло. Товарищ младший лейтенант, дозволите йти з вами. Я и стріляти можу. Ось пальці воруватися.

Рана действительно оказалась несерьезная, пуля лишь царапнула плечо. Андрей отказать не смог, а потому дальше пошли вместе.

Отбив у немцев ещё один дом, они двинулись дальше. Впереди была площадь. Пограничники приготовились к атаке, когда им навстречу с грохотом и ревом выкатился немецкий танк. Рядом с ним бежали немецкие пехотинцы. Зажатые между каменных домов пограничники оказались в ловушке. Оставалось отступать или прятаться в домах. Скоморохов понимал, что прежде чем они это сделают, половина из них будет уничтожена огнем из пушки и пулемета танка, а также выстрелами немецких солдат. На миг Андреем овладело оцепенение. Сзади гроыхнуло, танк задымил, попятился. Скоморохов обернулся и увидел на соседнем перекрестке два орудия. Противотанковая артиллерия на конной тяге подоспела вовремя. Это было спасение. Скоморохов хрипло выкрикнул:

– В атаку! Вперед!

И пошли... Взяли площадь, выбили немцев из Перемышля, вышли к границе – реке Сан, но останавливаться не стали, в составе сводного батальона пограничников под командованием старшего лейтенанта Поливоды ринулись на мост. При поддержке пулеметного огня из дотов и артиллерии к вечеру вошли в германскую часть города – Премзель, иначе называемую Засанье.

Бондаренко радовался:

– Всё, тепер ми нимцив поженемо. Допомога пидийде, и пидемо дали. Вирно Колисникив говорив, що вийна буде не довгою.

Скоморохов надеялся, что так и случится, радовался вместе с остальными, но что-то мешало ему в полной мере насладиться победой. Он гнал от себя засевшую в глубине души тревогу, но она не уходила. Андрей знал, что передышка будет недолгой, знал, что немцы копят силы для атаки на город. Думал, как силами доверенного ему полувзвода, от которого осталось одиннадцать человек, дать отпор немцам. От мыслей его оторвал боец с перевязанной головой. Скоморохов его узнал, это был тот самый раненый пограничник с белесыми волосами, которого он оставил у пулемета на втором этаже во время штурма занятого немцами дома. Он, как и Бондаренко, увязался за остальными и, несмотря на раны, дошел до позиций, где они остановились.

– Товарищ младший лейтенант, за углом дома автомобиль немецкий, в нем офицер убитый. При нем документы обнаружили. Вот.

Пограничник протянул пухлую черную папку из кожи. Скоморохов

открыл клапан, глянул на документы.

– Пойду покажу командиру батальона, пока он рядом, ему решать, что с этими бумагами делать...

Командира батальона долго искать не пришлось, посмотрев документы, старший лейтенант Поливода посетовал:

– Жаль, что не удалось взять немецкого офицера живым. – после минутного раздумья распорядился: – Значит так. Документы надо срочно доставить в штаб отряда. Возьмите своих бойцов, заодно сопроводите на ту сторону реки пленных немцев, освобожденных из гестапо красноармейцев и гражданских.

Скоморохова слова командира батальона обескуражили, он вопросительно посмотрел на волевое скуластое лицо Поливоды:

– А как же занятая позиция?

Старший лейтенант свел густые черные брови.

– Получен приказ к ночи оставить немецкую часть города и вернуться на рубеж государственной границы, так что выполняйте приказ.

* * *

Пограничники возвращались в отбитый у врага город. В пылу боя они многого не замечали, но теперь их взору предстали страшные картины того, что принесли первые два дня войны. Они шли мимо разрушенных домов, разграбленных магазинов, поваленных фонарных столбов, поврежденной техники немцев и Красной армии. На улицах в неестественных позах, словно тряпичные куклы, лежали трупы немецких солдат и красноармейцев. Среди них попадались и гражданские. Взгляд наткнулся на тела расстрелянных немцами евреев. Их было около десяти. Среди них Андрей разглядел детей. Мальчик лет двенадцати с кучерявыми волосами лежал у стены, подвернув под себя одну ногу. Потухший взгляд темно-карих глаз был устремлен в небо. Ужас навсегда застыл на его лице, рассеченном засохшей струйкой крови, протянувшейся по щеке от уголка рта к затылку. Рядом, широко раскинув руки, лежала худенькая рыжеволосая девушка. Подол цветастого платья задрался, оголив белые стройные ноги. Скоморохов стиснул зубы, подошел, одернул подол, чтобы прикрыть наготу бездыханного тела. Отдельно лежал лысоватый седобородый старик с пробитой головой. Орудие убийства, окровавленный камень, размером с лошадиную голову, лежал здесь же. Скоморохов отвел взгляд, ему подумалось о старом часовщике еврее Михаэле Шмуклере, о

семье Василия Ковальчука, о Варе. Сердце сжалось от беспокойства. Андрей пошел дальше, разглядывая частично разрушенный Перемышль. Еще недавно он был чистым и ухоженным городком, в котором кипела жизнь. Но сейчас многое изменилось. Отпечаток войны лег на его облик, как и на лица людей. Однако, израненный, он и сейчас продолжал жить. Горожане пытались снова наладить в нем быт, убирали трупы, разбирали завалы.

Беспокойство не покидало Скоморохова до штаба, где ему встретился лейтенант НКВД Шиловостов. Он-то и успокоил:

– На данный момент организована эвакуация раненых, семей военнослужащих, государственных и партийных работников, а также всех, кто желает покинуть город. Думаю, что и о семье лейтенанта Ковальчука тоже позаботились. А ты здесь зачем? Поливода послал?

Скоморохов показал папку.

– Вот. Велел доставить в штаб. Мои ребята её у мертвого немецкого офицера нашли в автомобиле.

Шиловостов взял папку.

– Жди меня со своими бойцами у мотоцикла. Вы мне пригодитесь.

Ждать пришлось более получаса. Утомленные боями пограничники сели у здания штаба. Многие тут же уснули, прислонив к каменной стене винтовки и спины. Скоморохов вспомнил, что перекусить и немного вздремнуть им удалось лишь ранним утром, незадолго до начала наступления. Он задумчиво смотрел на их молодые, усталые, испачканные сажей, пылью и кровью лица. Сколько испытаний выпало на их долю за эти два дня войны? Сколько еще им предстоит?

Бондаренко встал, подошел к Скоморохову. Андрей спросил:

– Ты чего не отдыхаешь?

Бондаренко зевнул, мечтательно произнес:

– Зараз би вареникив, галушек або борщу з пампушками поисти, а писли поспати трохи.

– погоди, будут тебе и вареники, и галу...

– Скоморохов! – Оклик Шиловостова прервал речь Андрея.

Лейтенант торопливо подошел к Скоморохову.

– Слушай меня, младший лейтенант. Добытые вами бумаги оказались важными, их надо срочно доставить во Львов. Кроме того, из города в срочном порядке вывозятся наши секретные документы, которые ни в коем случае не должны попасть в руки немцам, а также некоторые денежные средства и ценности. Ты со своими бойцами поступаешь в мое распоряжение. Вам доверяется погрузка и сопровождение машины.

Грузовик стоит на заднем дворе, чтобы не привлекать внимания. Сам понимаешь, в городе есть диверсанты и немецкие пособники. Некоторых из этих подлецов нам удалось ликвидировать, но немало их еще осталось. На погрузку отводится не более получаса. Твои бойцы поедут в кузове. С ними будет один из моих сотрудников, другой поедет в кабине. – Шиловых положил руку на руль мотоцикла. – Ну а мы с тобой на твоём трофее. Так что буди своих орлов и следуйте за мной.

Покидать отбитый у немцев город, который ещё предстояло оборонять, Скоморохову не хотелось. Он приложил ладонь к козырьку, неохотно сказал:

– Есть следовать за вами. Только бойцы устали и целый день без еды. Не до того было.

– Понимаю. После погрузки организуем твоим бойцам питание и отдых, поскольку с выездом придется подождать. В районе села Нижанковичи, через которое нам предстоит ехать, высадился немецкий десант. Похоже, немцы пытаются нас окружить. К Нижанковичам выслан конный отряд пограничников. Так что будем ждать сведений. Ну а пока подымай бойцов, пойдем грузиться. – Шиловых поправил синюю фуражку с красным околышем, широко зашагал к заднему двору здания.

Когда погрузка была закончена, Шиловых подошел к Скоморохову:

– Отведешь бойцов в соседнее здание, там они перекусят и отдохнут. И сам отдохни. Нужно быть готовыми выехать в любую минуту.

Скоморохов кивнул в сторону реки Сан, откуда доносились звуки выстрелов и взрывов.

– Мне бы сейчас туда.

Шиловых нахмурился:

– Мне бы сейчас тоже диверсантов ловить, а я здесь. Мы с тобой не в игрушки играем. Нам командование поручило особо важное задание, – он указал на грузовик, – здесь жизни многих людей. И запомни, груз этот не должен попасть в руки немцам. Мы должны его охранять до последней капли крови, а в случае чего уничтожить. Для того я и взял тебя с собой. В случае моей гибели командование перейдет к тебе. Место, куда должен быть доставлен груз, я тебе сообщу. Так что действуйте, товарищ младший лейтенант.

Скоморохову оставалось одно – подчиниться.

Ближе к полудню следующего дня в Перемышль вернулся конный отряд. Шиloxвостов поделился сведениями со Скомороховым:

– Пограничникам удалось разгромить немецкий десант, а также ликвидировать группу переодетых в форму Красной армии диверсантов. Форма на них была наша, а нижнее белье и сапоги немецкие. Оказалось, что они из полка «Бранденбург 800». Об этих молодчиках, специально натасканных на диверсионную работу, нам перед началом войны сообщали польские товарищи. Некоторые из диверсантов переправились на наш берег в первый день боев. Мы их в городском парке обнаружили и уничтожили. Так что подымай бойцов, срочно выезжаем в Нижанковичи.

Выехали через полчаса. Первыми на мотоцикле ехали Шиloxвостов, Скоморохов и Бондаренко, следом грузовик с пограничниками и двумя сотрудниками НКВД. Они ещё не покинули Перемышль, когда Скоморохов обратился к Шиloxвостову:

– Товарищ лейтенант, разрешите сделать небольшой крюк. Хотелось бы узнать о семье начальника заставы Ковальчука.

– Хорошо. Только быстро.

– Мы мигом. Здесь совсем рядом.

На следующем перекрестке Андрей повернул руль, мотоцикл вильнул влево. Не прошло и пяти минут, как они оказались у дома, где снимала комнаты семья Ковальчука. Вернее то, что от него осталось. Второй этаж и часть первого были разрушены. Скоморохов подошел к груде обломков, которая высилась на месте магазина часов и мастерской. Шиloxвостов вылез из люльки, подошел к Андрею, с надеждой в голосе произнес:

– Может, успели.

Протяжный скрип подвальной двери заставил Скоморохова и Шиloxвостова обернуться. Из подземельной темноты вышел Михаэль Шмуклер. Андрей подбежал к часовщику.

– Что случилось? Где Антонина, дети, Варя?

Шмуклер опустил голову, дрожащим голосом изрек:

– Случилась большая беда, пан офицер. В тот день, когда началась война, немецкий снаряд угодил в мой дом. Как раз в комнаты, где жили знакомые пана офицера.

– Что с ними? – нетерпеливо произнес Скоморохов.

Шмуклер смахнул со щеки слезу:

– Пойдемте, – медленным шагом направился к куче обломков, указал на кусок стены. – Здесь мальчик. – часовщик сделал шаг, наклонился, откинул старое одеяло.

Скоморохов подошел ближе. Только теперь он разглядел труп

маленького Миши. Стена придавила нижнюю часть его тела, все остальное было покрыто красновато-серой пылью, отчего он казался брошенной на землю скульптурой.

– Ы-ы-ы, – вырвалось из груди Скоморохова. Словно желая избавиться от увиденного, стал тереть лицо ладонями. – Как же так? – Он затуманенным взглядом посмотрел на Шмуклера.

– Когда начали стрелять, мы с женой спрятались в подвале, а они не успели... Потом сюда приходили немцы и люди в гражданской одежде. Они ограбили магазин моего соседа Адама Гржибовского, походили на руинах нашего дома, наверное, в поисках часов, но нас не заметили. Когда они ушли, мы вылезли из подвала. Я закопал девочку во дворе. Тело её матери час назад забрали наши горожане. Они разбирали завал и сказали, что обязательно придут завтра, чтобы достать мальчика и...

Скоморохов хрипло спросил:

– Варю?

Шмуклер кивнул, указал на массивный шкаф:

– Она там.

Скоморохов пошатываясь, словно пьяный, подошел к шкафу. Рядом из кучи кирпичей торчала рука. Узкая ладонь, тонкие длинные пальцы, на указательном маленький шрам, на запястье женские часики. Те самые, которые он подарил Варе поздним вечером двадцать первого июня. Андрей ватными ногами шагнул к руке Вари, ноги подогнулись. Он опустился, дрожащими руками взял ладонь девушки. Она была жесткой и холодной. Скоморохов посмотрел на циферблат часов. Время на них остановилось. Андрей понял, что никогда больше не увидит ту, которую любил, единственного близкого человека, с кем он связывал свое будущее, а оно вдруг стало подобным бездне...

Ладонь Шиловостова легла на его плечо.

– Пора.

Скоморохов поднял полные слез глаза на лейтенанта:

– Почему?! – Его голос сорвался на фальцет. – Почему?!

Шиловостов покосился на пограничников в машине, жестко, но тихо сказал:

– Товарищ младший лейтенант, встаньте и держите себя в руках! Вы командир, и на вас смотрят бойцы! Так что будьте добры выполнять порученное командованием задание.

Слова Шиловостова заставили Скоморохова прийти в себя. Он тяжело поднялся, приложил ладонь к козырьку фуражки, выдавил:

– Есть выполнять задание.

Взгляд упал на вход в подвал. Там стояла седая черноглазая женщина в накинутах на голову клетчатом платке. Это была супруга Михаэля Шмуклера. Он вспомнил убитых евреев на улицах города. В голове снова возникло слово – почему. «Почему я не предупредил их, что лучше покинуть город? Почему обнадежил часовщика-еврея?» Скоморохов подошел к Шмуклеру.

– Вам надо уходить. Если немцы займут город, то вновь начнутся погромы. Вас могут убить.

Часовщик посмотрел на Андрея. В его взгляде одновременно читалась грусть и обреченность, но в словах чувствовалась твердость:

– Молодой человек, мне не так много осталось жить на этой земле. Здесь лежат мои предки, мои родители, мой сын. Мне некуда идти. Прощайте, пан офицер.

Скоморохов пожал часовщику руку.

– Пожалуйста, позаботьтесь о том, чтобы Мишу и Варю похоронили.

– Не сомневайтесь, пан офицер, Михаэль Шмуклер сделает всё, что от него зависит.

Скоморохов попрощался с женой часовщика, подошел к мотоциклу. Шиловых указал на люльку.

– Садись. Я сам поведу.

* * *

В Нижанковичи приехали после полудня, но выехать в этот день не смогли. Шиловых было приказано дожидаться из Перемышля и сопроводить до Львова еще два грузовика. Машины приехали, когда уже стемнело. Шиловых рисковать грузом не стал, Скоморохову сказал:

– Ночью ехать опасно. Рядом могут находиться недобитые немецкие диверсанты и десантники. К тому же в темноте свет фар виден издалека. Так что возможности напасть на нас внезапно у противника больше. Поедем, когда рассветёт. Надо срочно прорываться к Львову. Есть опасность окружения. Мне сообщили, что немцы пытаются перерезать железнодорожную линию Перемышль – Львов.

Выехали вовремя, но быстрой езды не получилось. Ехали медленно, поскольку дорога оказалась забитой беженцами. Поток людей с чемоданами, мешками, узлами тёк на восток. Ехали верхом на лошадях, на груженных скарбом повозках и бричках, в большинстве шли пешком. Шли, едва переставляя ноги, старики, шли женщины с младенцами, шли,

держась за подолы матерей, маленькие дети. Шли сами, вели за собой скот. Этот поток сливался с военной техникой и колоннами красноармейцев, одни из которых бодро шагали на запад, другие – израненные, в потрепанной форме следовали в обратном направлении. Рёв моторов, ругань, детский плач, мычание коров и ржание лошадей сопровождали эту живую реку. Неожиданно все утихло. Нарастающий гул заставил многих с тревогой посмотреть в небо. Не менее десятка черных точек приближались к дороге. Скоморохову этот звук был знаком с первых минут войны.

– Немцы!

Вторя ему, среди людского потока слышались крики:

– Воздух! Немцы! Берегись!

Беженцы с воплями бросились прочь от дороги. Разбегались и военные. Некоторые из них приготовились встретить вражеские самолеты огнем из ружей, автоматов и ручных пулеметов. Машины сворачивали на обочину в надежде спрятаться в лесу. Шиловостов увидел, как черная «эмка» свернула на едва заметную просёлочную дорогу, и велел Андрею ехать за ней. Но скрыться успели не все. Свинцовый дождь обрушился на людей, взрывы сотрясли землю. Несколько машин загорелось. Попала бомба и в один из грузовиков, переданных для сопровождения лейтенанту Шиловостову. Пулями немецкого пулемета была повреждена и вторая машина, которую успели загнать в лес. Грузовик с документами и мотоцикл, на радость Шиловостову, уцелели. Самолеты улетели. На короткое время вновь наступила тишина. Но вот запричитала над убитым младенцем мать, застонал раненый красноармеец. Протяжные стенания, крики, громкие отрывистые команды командиров, рев обезумевшего от бомбёжки скота слились в ужасающую мешанину звуков, которая была слышна даже на просёлочной дороге в лесу, где остановились грузовики, мотоцикл и черная «эмка». Шиловостов озабоченно посмотрел на Скоморохова.

– Возьми двух бойцов, сходите на дорогу, посмотрите, что там со вторым грузовиком.

Пожилой водитель поврежденной полуторки вылез из кабины, после недолгого осмотра доложил:

– Придется малость подождать, товарищ лейтенант. Машину починить надо.

Шиловостов достал пачку папирос, закурил, недовольно буркнул:

– Подождем.

Из «эмки» вылезли двое гражданских, милиционер-старшина в темно-синей форме и водитель. Водитель открыл капот, милиционер, коренастый

крепьш среднего роста, подошел к Шилохвостову.

– Товарищ лейтенант, папироской не угостите? У нас все некурящие попались, у меня табак закончился, а после такой встряски уж больно дымку глотнуть хочется.

Шилохвостов протянул пачку:

– Держи. Кого везёшь?

– Государственных работников охраняю. Во Львов надо сопровождать.

Шилохвостов узнал одного из гражданских. Он видел его в этом году в Перемышле, выступающим с трибуны на праздновании Первого мая.

Милиционер вытащил папиросу, кивнул на поврежденный грузовик.

– Что, зацепило?

– Зацепило. Водитель сказал, скоро починит.

Старшина прикурив папиросу.

– А я ведь вас признал. Мы помогали вам неделю назад в Перемышле немецкого шпиона арестовывать на улице Мицкевича. Вы, я так понимаю, тоже во Львов едете. Мой вам совет, когда починитесь, за нами по этой дороге лесом езжайте. Так чуть длиннее, но безопаснее. К тому же дорога свободная, а значит, быстрее доберетесь.

– Спасибо за совет.

– Вам спасибо за папироску. Теперь до Львова можно не курить.

Водитель «эмки» захлопнул капот, крикнул:

– Можно ехать!

Старшина сделал две торопливые затяжки, бросил папиросу под ноги, затоптал носком сапога.

– Догоняйте.

Шилохвостов посмотрел вслед милиционеру.

– Догоним.

Хлопнули двери, «эмка» зарычала и, набирая скорость, помчалась по дороге. Когда она исчезла за поворотом, к Шилохвостову подошел Скоморохов.

– Товарищ лейтенант, полуторка сгорела. Груз тоже. Сопровождающий и водитель мертвы. Там красноармейцы убитых закапывать собрались, мы их попросили...

– Понятно.

К Шилохвостову подошел пожилой водитель.

– Все готово, товарищ лейтенант, техника в исправности.

– Едем по дороге через лес. – Шилохвостов обернулся к стоящим кучкой пограничникам. – По машинам!

Не прошло и получаса езды, как они наткнулись на «эмку». Автомобиль стоял на обочине, рядом четверо красноармейцев в пилотках и два командира. Скоморохов заметил, что еще два красноармейца при их появлении нырнули в кусты. Шиловостов остановил мотоцикл, когда до «эмки» оставалось не более полусотни метров. За мотоциклом встали грузовики. Лейтенанту НКВД предстояло принять правильное решение, от которого будет зависеть жизнь людей и сохранность груза. Красноармейцы могли быть как своими, так и переодетыми в форму РККА немецкими диверсантами. Шиловостов обернулся к Скоморохову:

– Ты знаешь, куда надо доставить груз, если со мной что-то случится. Запомни, при возникновении опасности захвата мои бойцы взорвут его вместе с грузовиком. Скажи своим пограничникам, чтобы были наготове, а я узнаю кто это такие. Если в меня начнут стрелять или я упаду на землю, открывайте огонь. Все ясно?

– Так точно.

– Ну, я пошел.

Шиловостов неторопливо зашагал в сторону «эмки». Скоморохов отдал команду. Четверо пограничников прыгнули с грузовика, взяли винтовки наизготовку. Еще пятеро пограничников остались в грузовиках. Андрей повернулся к Павлу Бондаренко.

– Видел, где двое в кустах спрятались?

– Бачив.

– Если что, стреляй туда, – Скоморохов перевел взгляд на Шиловостова. Когда до автомобиля осталось сделать не более трех шагов, лейтенант остановился. Он заметил рядом с машиной лужу крови, а у переднего колеса милицескую фуражку, но ни старшины, ни водителя, ни людей в гражданской одежде в ней не было. Не было рядом и трупов. Видимо, успели спрятать в зарослях до появления пограничников. Теперь лейтенанту НКВД стало ясно, что перед ним враги. Навстречу ему шагнул один из командиров. Шиловостов разглядел на петлице капитанскую «шпалу», судя по «кубикам», второй командир был в звании лейтенанта. Шиловостов представился. Капитан приложил ладонь к козырьку:

– Капитан Ковалев. Куда следуете?

– Во Львов.

– Почему встали? Проезжайте.

– Да вот, хотел на ваши документы посмотреть и на подошвы сапог.

Лицо капитана на мгновение напряглось, это не ускользнуло от внимания опытного сотрудника госбезопасности. Капитан усмехнулся, вытащил левой рукой из нагрудного кармана документы, протянул Шиловостову. В следующую секунду правая рука капитана метнулась к кобуре. Лейтенант был к этому готов. С криком: «Огонь!» он бросился под «эмку». Со стороны грузовиков раздались выстрелы. Диверсант в форме капитана упал рядом с автомобилем, смешивая свою кровь с кровью убитого милиционера.

Перестрелка длилась недолго, внезапный огонь и численный перевес пограничников заставил диверсантов скрыться в лесу.

Скоморохов подбежал к «эмке», когда Шиловостов уже выбрался из-под автомобиля.

– Товарищ лейтенант, как вы?

– Замечательно. Отдыхать под такую музыку, лежа под машиной, просто чудесно. Что у вас? Где диверсанты?

– Четверо лежат на дороге, остальные ушли в лес.

– Жаль, что нет времени этих стервецов ловить.

К Шиловостову подошел Бондаренко.

– Товарищ лейтенант, у нас двое убито и ваш боец тож, двое хлопцев поранено.

– Хорошо стреляют, гады. Возможно, что они из подразделения «Бранденбург». – Шиловостов подошел к убитому капитану-диверсанту, глянул на сапоги, расстегнул гимнастерку на груди. – Так и есть: сапоги и белье немецкие. Скорее всего, это недобитки из-под Нижанковичей, а может быть, другие.

Бондаренко снова подал голос:

– Товарищ лейтенант, мы тута ще диверсанта в кущах знайшли, вин живой, и убитых з автомобиля.

– Показывай.

Тела милиционера, водителя и гражданских лежали рядом с молодым дубом. Тут же находился и раненный в живот диверсант. Шиловостов впился в него ненавидящим взглядом.

– Шлепнуть бы тебя, паскуда, да можешь еще пригодиться. Из какого подразделения? С каким заданием посланы в наш тыл?

Пленный отвернул голову.

– Значит, не хочешь разговаривать? Потом поговорим. – Шиловостов обратился к Скоморохову. – Этого в автомобиль и одного бойца для охраны. «Эмку» поведу сам. Ты с Бондаренко на мотоцикле. Остальные в грузовиках, туда же погрузите раненых и убитых. Диверсантов обыскать,

забрать оружие и документы, тела убрать с дороги. Похоже, мы их застали врасплох. Наверное, они «эмку» остановили, чтобы ей воспользоваться. Пассажиров с водителем убили, а когда услышали, что мы подъезжаем, их спрятали. В спешке фуражку милицейскую обрости. Ну, а тут мы появились. Они хотели нас или в засаду заманить, или думали, что мы мимо проедем, а вышло иначе. Ладно, разговоры вести нам некогда, пора ехать.

Уехать быстро не получилось, так как в перестрелке диверсантам удалось прострелить передние колеса грузовика. Пострадал и мотоцикл.

До Львова добрались, когда стемнело...

* * *

Прибытие в город не обошлось без происшествий. Ночью была обстреляна территория Управления НКВД, где они остановились. Доносилась стрельба и со стороны улицы Клепаровского, где были расположены воинские казармы. Скоморохов надеялся после выполнения задания вернуться в Перемышль, но надежды оказались напрасными. Грузовики поставили во дворе Управления НКВД, но разгружать не стали. В управлении сообщили, что немцы прорвались и стремительно двигаются в сторону Львова. Защитникам Перемышля отдан приказ оставить город и отступать по направлению ко Львову. Группе Шиловостова было приказано ожидать дальнейших распоряжений, но бездействовать им не пришлось. Обстановка в городе была тревожная. Частые бомбежки, жертвы мирных жителей, грабежи, перестрелки бойцов Красной армии и сотрудников НКВД с диверсантами и оуновцами, переходящие в уличные бои, слухи о приближении немцев сеяли панику среди части горожан. Они спешно эвакуировались, следуя за колоннами бойцов Красной армии, которые двигались на восток. Отступающих красноармейцев время от времени обстреливали диверсанты и ОУНовцы. Утром следующего дня Шиловостов поднял пограничников и велел грузиться на полуторку, где уже сидели бойцы НКВД. Скоморохову и пограничникам Шиловостов объяснил:

– Надо помочь местным сотрудникам НКВД. Нам поручено оперативное задание. Из окон здания неподалеку от Рыночной площади обстреляна воинская колонна одной из частей восьмого механизированного корпуса. Наша задача состоит в том, чтобы произвести оцепление и обыск дома, из которого предположительно велся огонь, с целью обнаружения

оружия и враждебных лиц. Всех подозрительных задерживать. При выполнении задания быть предельно внимательными. В каждом окне, на каждой крыше и чердаке может быть враг. Жителям города приказано не появляться у окон и держать их закрытыми. Так что при малейшем подозрительном движении открывайте огонь на поражение без предупреждения.

Грузовик и «эмка» помчались по улицам города в направлении Рыночной площади. Никому из пограничников не приходилось прежде бывать в Львове – городе величественных храмов, уютных улочек, красивых старинных зданий, которые радовали глаз, но их взгляды и стволы винтовок сейчас были направлены на окна и чердаки, откуда в любую минуту могла прилететь смерть. Полуторка и черная «эмка» резко остановились. Повинуясь приказу, пограничники и бойцы НКВД попрыгали из кузова и быстро оцепили дом. Часть из них, во главе с Шилохвостовым и сержантом из львовского управления НКВД, вошла в подъезд. Облава длилась недолго. Вскоре из здания вывели светловолосого парня лет восемнадцати в белой рубашке. Он кричал, что невиновен, пытался вырваться, но ему связали руки и затолкали в кузов полуторки.

Шилохвостов, потирая костяшки на кулаке, подошел к Скоморохову.

– Сопrotивлялся, щенок. Спрятал обрез под шкаф, думал, не найдем. Сажай бойцов в грузовик, поедем...

Договорить лейтенант не успел. Скоморохов заметил, как в окне второго этажа дома напротив шевельнулась цветастая занавеска, между створками высунулся ствол винтовки. Он навалился на Шилохвостова, увлекая его за собой. В ту же секунду раздался выстрел. Шилохвостов и Скоморохов повалились на мостовую. Пуля ударила в полуметре от них, в то место, где еще недавно стоял Шилохвостов. За первым выстрелом последовал второй. На этот раз стрелок цель не выбирал. Боец НКВД вскрикнул, вывалился из кузова грузовика. Ответили беспорядочной стрельбой, но ОУНовец успел нажать спусковой крючок третий раз. Один из пограничников упал рядом с задним колесом «эмки». Скоморохов выстрелил из револьвера. Стекла посыпались на мостовую, но стрелок уже исчез. Скоморохов кинулся к подъезду:

– Бондаренко! За мной!

Когда они вбежали в подъезд, стрелок уже поднимался вверх по лестнице. Звуки его торопливых шагов четко донеслись до чуткого слуха пограничников.

– Быстрее!

Наверху скрипнула крышка чердачного лаза. Ее ОУНовец оставил

открытой, но в черный проем чердака пограничники, памятуя об уличных боях в Перемышле, сразу соваться не стали. Поднимались осторожно, направив в темноту дула револьвера и винтовки. Засады на чердаке не оказалось, стрелок вылез через слуховое окно, побежал по крыше. Сверху доносился топот и гроыхание жестяной кровли. «Упустим гада!» – мелькнула мысль в голове Скоморохова, он ринулся к слуховому окну, вылез на крышу, огляделся. Оуновец уже бежал по черепичной кровле стоящего впрыток дома. Скоморохов прицелился, выстрелил. Мимо. Однако выстрел заставил оуновца оступиться. Он заскользил к краю, его руки судорожно хватали черепицу в надежде за что-нибудь зацепиться. Остановиться удалось у самого края. Стрелок осторожно поднялся в надежде избежать преследования, но в это время его заметили те, кто стоял на улице. Выстрелы зазвучали один за другим. ОУНовец неуклюже взмахнул руками и с протяжным криком полетел вниз. Скоморохов и Бондаренко рванулись к слуховому окну.

Когда они спустились, тело оуновца лежало на мостовой в луже крови. Это был темноволосый усатый мужчина лет сорока пяти. Рядом, лицом вниз, лежал арестованный парень. На белой рубахе два красных пятна. Как оказалось, он решил воспользоваться суматохой, чтобы бежать. Но два метких выстрела Шиловостова заставили его остановиться навечно. Неожиданно из дома выбежала женщина, с воплями и плачем она упала на колени рядом с телом парня. К Шиловостову подошел сержант.

– Трупы надо бы доставить в управление для выяснения...

Шиловостов оторвал взгляд от плачущей женщины, устало сказал:

– Хорошо. Грузите.

Женщина с ненавистью посмотрела на лейтенанта, вцепилась в руку парня:

– Не отдам.

Тела погрузили, несмотря на протесты и слезы женщины. Грузовик и «эмка» снова помчались по улицам города, вслед им сыпались проклятья...

* * *

На следующий день спокойствия не наступило. Пограничники выполняли оперативные задания, а двадцать девятого июня им было приказано срочно эвакуировать груз в Киев, так как передовые немецкие части подошли к городу и в связи с создавшейся сложной обстановкой командованием было решено оставить Львов. Утром следующего дня в

него вошли немцы.

И снова грузовики ехали по дорогам, забитым беженцами и военными. Мотоцикл и «эмку» пришлось отдать сотрудникам управления НКВД, поэтому разместились в двух полуторках. Двенадцать человек, из них восемь пограничников, включая Скоморохова, – всё, что осталось от его бойцов. Прошло десять дней войны, уже не было в живых многих его сослуживцев, семьи Ковальчука, Вари, а он жил и даже не был ранен. Почему он, не нужный никому детдомовец, до сих пор жив? Кто оберегал его? Судьба? Бог? Родители, которых он никогда не видел?

Размышления прервала внезапная остановка. У моста через небольшую речку возникла непонятная суeta. Шиловостов и Скоморохов вышли из кабин грузовиков. К ним подошел высокий капитан с кривоватым носом.

– Командир батальона капитан Хижняк. Сколько у вас бойцов?

Шиловостов нахмурился.

– Почему вы спрашиваете?

– С севера прорвалась группа немецких танков, по данным разведки, идут сюда. Вот-вот должны появиться. Мне поручена оборона моста и дороги, а оборонять с кем? У меня после предыдущих боев в строю двести девять человек осталось. Из них сто три человека были отправлены для ликвидации немецкого десанта. Сейчас в моем подчинении меньше роты. Командиров почти всех повыбили. С такими силами мне немцев не остановить. Тогда...

– Товарищ капитан, ничем не могу вам помочь. У меня особое задание. Я должен доставить груз в Киев в целости и сохранности. Он ни в коем случае не должен попасть в руки немцам.

Капитан усмехнулся.

– Что ж, бегите, спасайте свои шкуры, а мы здесь за вас повоюем!

Лицо Шиловостова побледнело.

– Как вы смеете! Мы немца из Перемышля на второй день войны выбили...

– Извини, лейтенант, нервы. Сам пойми, что с ними будет, если я не удержу танки, – капитан Хижняк кивнул на дорогу, по которой шли беженцы, ехали повозки и грузовики с ранеными красноармейцами. – А сюда с запада ещё такие же бедолаги идут и наши части. Если немцы перережут дорогу и займут мост, они окажутся в окружении.

Шиловостов опустил голову.

– Понимаю. Но помочь не могу.

– Да ладно, я тоже понимаю. Приказ надо выполнять.

Капитан собрался уходить, когда Скоморохов обратился к Шилохвостову:

– Товарищ лейтенант, разрешите остаться.

Шилохвостов внимательно посмотрел на Андрея, после недолгого раздумья ответил:

– Что ж, если решил, оставайся, но бойцам твоим со мной придется поехать.

– Есть остаться!

Капитан бросил на Скоморохова благодарный взгляд.

– Вот спасибо, младший лейтенант! Молодец! А то у меня командовать некому. Ты тут пока прощайся, а потом ко мне подходи. Я тебе ситуацию объясню.

Скоморохов попрощался с пограничниками, подошел к Шилохвостову.

– Прощайте, товарищ лейтенант.

– Не прощайте, Скоморохов, а до свидания. Кто знает, может, еще свидимся, и спасибо тебе за Львов. Если бы не ты, то не стоять мне сейчас на этом месте. Получается, младший лейтенант, что я теперь твой должник.

– Да что вы, товарищ лейтенант, какой долг. Война ведь.

Рядом вырос Бондаренко.

– Товарищ лейтенант, дозволите залишиться мени з товарищем младшим лейтенантом, дуже вас прошу.

Шилохвостов покосился на Бондаренко.

– Явился, не запылится. Что, Скоморохов, возьмешь бойца?

– Возьму.

– Что ж, долг платежом красен. Забирай Бондаренко себе.

Через десять минут грузовики перевалили через мост и помчались по дороге в сторону Киева. Скоморохов и Бондаренко смотрели им вслед, они не знали, суждено ли им встретиться вновь с боевыми товарищами.

Сентябрь 1944 года. Специальный проверочно-фильтрационный лагерь НКВД

Кисточка скользила по обшарпанному забору, накладывая на него свежий слой зеленой краски. Не отрываясь от работы, Скоморохов слово за словом, отрезок за отрезком восстанавливал в рассказе свое прошлое. Арсений Голота молча стоял рядом. Повествование Скоморохова так его увлекло, что он забыл про работу. Андрей закончил говорить, но продолжал красить. Он искренне надеялся, что после спецлагеря на пережитое им прежде вот так же, свежей краской, ляжет новый, более счастливый, период жизни, который поможет залечить душевные раны. Словно прочитав его мысли, Голота произнес:

– Да-а, помотала тебя судьба, как шаланду в шторм. Ничего, мы теперь наступаем, глядишь, и войне скоро конец придет. Главное, шоб с нами тут разобрались, да по справедливости всё решили.

Из нутра черной «тарелки» радиорепродуктора, закрепленной на столбе неподалеку от них, послышался голос Левитана. Передавали сводку Совинформбюро. Голота и Скоморохов замерли, жадно ловили каждое слово.

– Войска Ленинградского фронта, развивая наступление, 23 сентября овладели важным портом в Рижском заливе городом Пярну...

Они дослушали сообщение до конца, а вот дослушать песню «Бьется в темной печурке огонь» им помешал седоусый старшина.

– Скоморохов! Следуй за мной. Тебя на допрос вызывают.

Обстановка кабинета следователя не отличалась изысканностью: два старых стола, стулья, табурет, потертый кожаный диван, вешалка-стойка, шкаф с бумагами. Сам следователь, бледнолицый младший лейтенант лет двадцати пяти от роду, встретил Скоморохова не очень дружелюбно. Холодный взгляд, плотно сжатые губы, нахмуренные кустистые брови говорили о том, что сотрудник «Смерша» не испытывает особых симпатий в отношении подследственного. Младший лейтенант указал Андрею на табурет рядом со столом:

– Садитесь.

Скоморохов сел, табурет тихо скрипнул. Следователь бросил пристальный взгляд на Андрея, повернулся к соседнему столу, за которым сидел молодой худощавый стенографист с погонами сержанта.

– Готов?

Сержант кивнул головой:

– Так точно.

Однако начинать допрос младший лейтенант не торопился. Перебрал на столе бумаги, отхлебнул из стакана чай, закурил папиросу и лишь потом обратился к Андрею:

– Та-ак, Скоморохов Андрей Борисович, об ответственности за дачу ложных показаний вы предупреждены, а посему начнем допрос. При каких обстоятельствах вы попали в окружение, а затем в плен противника?

Вопросы посыпались один за другим: Где? Когда? Куда? Почему? Сколько? Андрей старался отвечать четко, не сбиваясь. Боялся, что любая заминка может вызвать подозрение у следователя отдела контрразведки «Смерш». За спиной Скоморохова скрипнула дверь. Следователь и стенографист встали, но хриловатый голос усадил их на место.

– Продолжайте.

Отчего-то голос показался Скоморохову знакомым. Он хотел повернуться, но строгий взгляд младшего лейтенанта его остановил. Вопросы не кончились, утомительный допрос продолжался. От длительного сидения у Андрея затекла шея, заломило спину, но наконец младший лейтенант спросил:

– Когда и при каких обстоятельствах вы перешли линию фронта на сторону войск Красной армии?

Скоморохов ответил. С последним вопросом напряжение спало. Андрею показалось, что он скинул с себя тяжкую ношу. Следовательно подошел к стенографисту взял у него протокол допроса, протянул Андрею.

– Пиши. С моих слов записано правильно и мною прочитано. Рядом поставь подпись.

Андрей исполнил требование следователя, отдал бумагу, запоздало с сожалением подумал, что даже не прочитал её содержания. Он надеялся, что на этом допрос окончен и уже собирался уходить, когда хрипловатый голос сзади произнес:

– Выйдите, мне надо потолковать с бывшим младшим лейтенантом с глазу на глаз.

Слово «бывшим» больно резануло по сердцу, но последнее время Скоморохов стал привыкать к своему положению спецконтингента. Следователь и стенографист поторопились выполнить приказ. Андрей медленно обернулся. Перед ним стоял старый знакомец по Перемышлю, сотрудник госбезопасности НКВД Шиловых. Только теперь он носил погоны старшего лейтенанта и усы. Шиловых протянул руку.

– Ну, здравствуй, Скоморохов. Узнал?

Андрей встал, с волнением в голосе выдавил:

– Так точно. Узнал, товарищ лей... товарищ старший лейтенант.

Шиловых подошел к столу, сел на место следователя.

– И я тебя вспомнил, когда твое дело мне в руки попало. Садись, потолкуем.

– О чем? Я уже всё сказал. В бумаге написано, что и как. И так уже наизнанку вывернулся, но вижу, мне здесь не очень-то верят. Выходит, я зря все эти муки адавы прошел?

В голосе Скоморохова сквозила неприкрытая обида. Шиловых строго посмотрел на Андрея.

– Ты, парень, не дуйся, не одному тебе лиха пришлось хлебнуть. Мне тоже посчастливилось в окружении побывать и спецлагерь пройти, потому еще не капитан. Ты бывший пограничник НКВД, следовательно, должен понимать, какие методы борьбы со шпионами, диверсантами и

предателями предусмотрены.

«Снова бывший», – мелькнуло в голове у Андрея. Шилохвостов продолжал:

– А посему каждый, кто побывал на оккупированной территории, окружении или в плену, должен пройти тщательную проверку, невзирая на звания и прежние заслуги. – Шилохвостов вытащил папиросу из пачки следователя, закурил. – Я знаю, что ты не из робкого десятка и проявил себя достойно в первые дни войны, но немцам удавалось вербовать и не таких, как ты. Не у всякого хватает духу вынести лишения, пытки или выбрать между жизнью и совестью. К тому же немало и таких, кто затаил обиду на Советскую власть. А я к тебе в душу не заглядывал и не знаю, что с тобой было после того, как наши пути разошлись в сорок первом. Неведомо мне, Скоморохов, каким ты стал человеком за это время. А потому ты сейчас расскажешь мне искренне и подробно, что произошло с тобой после нашего расставания, а я подумаю, памятуя о своем долге перед тобой, можно ли и нужно ли тебе помочь.

Скоморохов посмотрел на пачку «Беломора».

– Можно папиросу?

– Кури.

Андрей взял папиросу, прикурил. Шилохвостов заметил, что руки у Скоморохова подрагивают, он понимал: сейчас заставляет его снова окунуться в прошлое – в боль, лишения и душевные страдания, но иначе поступить не мог...

Начало июля 1941 года. Украина. Район восточнее Львова

К подходу немцев капитан Хижняк пополнил свой отряд пятью связистами, отделением саперов и бойцами стрелкового взвода. К ним примкнули добровольцы: два милиционера и трое гражданских. Удалось капитану уговорить оказать помощь и экипаж легкого танка БТ-2. Кроме того, ему согласились подсобить и артиллеристы. Три гаубицы с орудийными расчетами отстали от своей части по причине тихоходности тракторов, которые их тащили. Артиллеристы оказались из девяносто девятой стрелковой дивизии, части которой участвовали в боях за Перемышль. Они-то и рассказали, как в ночь на двадцать седьмое июня ушли из-под Перемышля, как отступали до Львова. Рассказали, что немцы в бои не втягивались, но их авиация не давала покоя, поэтому много техники и орудий пришлось бросить по дороге. Командир артиллеристов жаловался на нехватку боеприпаса, которого осталось каждому орудью по три выстрела, после чего они становились бесполезной грудой железа, которое следовало вывести из строя.

Орудия расположили в лесу за дорогой, с южной стороны. Там же, для прикрытия тыла, оставили стрелковый взвод. Саперов, гражданских и милиционеров оставили охранять мост, связистов и часть бойцов батальона Хижняка – подходы с западной стороны. Остальные заняли позиции в полукилометре к северу от дороги. Окапывались в поле. Взводу Скоморохова достался участок в роще у реки. Там же замаскировали танк.

Немцы не заставили себя долго ждать. Не успел взвод красноармейцев, доверенных Хижняком младшему лейтенанту Андрею Скоморохову, окопаться, как из перелеска на поле выползли четыре немецких танка и две бронемашины. Следом появились три грузовика с солдатами. Немецкие пехотинцы быстро покинули автомобили и рассыпались между танками. Бронемашины заняли места на флангах. Не мешкая, они бросились в атаку. Железные тела средних немецких танков быстро приближались к позициям отряда Хижняка, хищно водили стволами орудий, выискивая цель. Жерло одного из них первым выплюнуло смерть. Снаряд разорвался рядом с дорогой. Там тоже заметили танки. Беженцы, предупрежденные теми, кто охранял мост, побежали к лесу. Немецкие танки и пехотинцы без опаски хозяевами ехали и шагали по чужой земле, уверенные в своей силе и безнаказанности. Да и кто им мог сейчас противостоять? Несколько бойцов? Раненые красноармейцы? Перепуганные беженцы? Они не видели, что у них под носом притаились те, кто мог дать им отпор. Еще один снаряд взорвался рядом с мостом, другой угодил в машину на дороге. «Какого хрена он медлит?!» – подумалось Скоморохову о капитане Хижняке.

Следующий снаряд разнес телегу, заржала покалеченная лошадь.

– Огонь!

До Скоморохова не сразу дошли слова команды, он запоздало крикнул:

– Взво-од! По пехоте противника-а! Ого-онь!

Ухнул миномет, застрекотал «максим», к нему присоединились шесть ручных пулеметов, с ними слились винтовочные выстрелы. Фигурки в серых мундирах стали валиться на землю, некоторые попятись, но танки и бронемашины продолжали двигаться вперед. Один бронеавтомобиль рванулся к роще, пытаясь обойти позиции отряда с фланга вдоль реки, за ним потянулся танк и полтора десятка немецких солдат. Неожиданно навстречу им из рощи выкатился БТ-2. Его выстрелы заставили бронеавтомобиль остановиться. Из него повалил густой черный дым. Бондаренко ощерился, радостно произнес:

– Як вин його чертяку!

Радость Бондаренко была преждевременной. Немецкий танк выполз

из-за бронемашины, выстрелил. Теперь загорелся БТ-2. Крышка люка откинулась, из танка выбрался танкист в горящем комбинезоне, побежал к роще. Пулемет немецкого танка изрыгнул очередь. Танкист взмахнул руками, повалился на землю. Скоморохов скомандовал:

– Приготовить гранаты! Отсекайте пехоту.

Огонь красноармейцев заставил немцев залечь, но танк продолжал движение к роще. Теперь на броне были отчетливо видны немецкие кресты. Выстрел его орудия заставил замолчать ручной пулемет. Бондаренко зло произнес:

– Щоб тобі згинути, железяка погана!

Проклятье сбылось через секунду. В лесу за дорогой загромыhalo. Снаряды гаубиц ударили по немцам. Один из них угодил в броню танка. Оглушительный взрыв сотряс машину. Огонь и дым взметнулись к ясному голубому небу. Еще один снаряд поразил второй бронеавтомобиль. Губительный огонь артиллерии и отсутствие поддержки пехоты заставил немецкие танки отступить. Вскоре три уцелевших в бою танка и грузовики с пехотинцами исчезли в лесу.

Ожидали следующей атаки, но её не последовало. Разведчики доложили, что прорыв немцев был совершен небольшой группой, скорее всего передовым отрядом, который в свою очередь подвергся нападению отступающих по соседней дороге частей Красной армии. Капитан Хижняк обрисовал Скоморохову сложившуюся ситуацию, озабоченно добавил:

– Вот такой вот, товарищ младший лейтенант, слоёный пирог получается.

Пирог был не сладким. Скоморохову горько было смотреть, как по дороге на восток движутся отступающие красноармейцы. А ведь он надеялся, что подойдут основные силы Красной армии и враг будет выдворен за пределы страны. Теперь на скорое окончание войны уповать не приходилось. Скоморохов понял, что война будет долгой, упорной и кровопролитной.

* * *

После полудня следующего дня движение по дороге прекратилось, не было ни беженцев, ни техники, ни отступающих частей. Это значило, что враг рядом. Отступать батальону Хижняка, вернее, тому, что от него осталось, приказа не было. Приказ был иной: продержаться до ночи, стоять до последнего бойца, прикрывая отход. Капитан просил пополнения, но

помощь оказали только небольшим количеством боеприпасов: гранатами, противопехотными и противотанковыми минами. Мины поставили в местах, где была наибольшая вероятность появления противника: на дороге, заминировали мост, благо в отряде оставались сапёры. Ещё подкинули два десятка снарядов для гаубиц. Артиллеристам было велено оставаться на танкоопасном направлении, поскольку при очередном налете немецкая авиация обнаружила и разбомбила спрятанные в лесу трактора, а иного транспорта для них не нашлось. Немного облегчало задачу возвращение отряда, отправленного прежде Хижняком на ликвидацию немецкого десанта.

Немцы появились ближе к вечеру, через два с половиной часа после того, как последние беженцы и отступающие красноармейцы перешли мост. И снова солдаты вермахта ехали без опаски. Первым на замаскированную мину наехал мотоцикл, за ним подорвался броневомобиль. Немцы остановили движение. На дороге появились саперы, но работать им не дали выстрелы красноармейцев. Немецкие танки и пехота пытались подобраться к мосту с других сторон, но кругом натывались на мины, плотный пулеметный и винтовочный огонь. Один из танков подорвался на mine напротив позиций взвода Скоморохова. Ему перебило взрывом трак, гусеница разорвалась, машина закрутилась на месте. Бондаренко радовался, как дитя:

– Дивитися, закрутився, як собака, яку блоха за хвист укусила!

Еще большую радость он ощутил, когда по поврежденному танку ударили гаубицы. Не прошло и минуты, как машина превратилась в железный хлам. Атака немцев захлебнулась. Отряд ждал следующей, но вместо этого ударили немецкие пушки, прилетела авиация. Рев самолетов, вой бомб, визг пуль, грохот разрывов, дым, смрад, огонь превратили позиции батальона Хижняка в ад.

Казалось, что на этом клочке земли не может остаться ничего живого, но после налета, в перепаханных снарядами и бомбами окопах, стрелковых ячейках и пулеметных гнездах началось движение. Послышались окрики и приказы, стоны раненых, забегали санитары, бойцы стали приводить в порядок себя и оружие, готовились к следующей атаке. Готовились не напрасно, немцы опомниться не дали, сразу после обстрела перешли в наступление. Опасаясь мин, они продвигались медленно. Замедлял движение солдат вермахта и огонь красноармейцев. Теперь он был не таким интенсивным. Снаряды и бомбы вывели из строя половину бойцов отряда Хижняка. Поубавилось и артиллерии. Из трех гаубиц уцелела одна, но и она замолчала после двух выстрелов. Спасение принесла ночь. Немцы,

не зная численности противостоящего им подразделения, решили не ввязываться в ночной бой и отойти, чтобы утром завершить уничтожение упрямых русских солдат.

В полночь бойцы Хижняка произвели разведку. После возвращения разведчиков капитан приказал собрать всех оставшихся бойцов. Их оказалось семьдесят два человека. Из них больше половины имели ранения. Пятеро красноармейцев были ранены тяжело.

В темноте слова командира звучали глуховато и тяжестью ложились на души красноармейцев.

– Разведка донесла, что мы окружены. Немецкие части двигаются южнее и севернее наших позиций. За мостом тоже немцы. Боеприпас у нас на исходе. Ни сил, ни средств оборонять данный рубеж у нас нет. Утром немцы возьмут нас голыми руками, а потому, чтобы избежать уничтожения и плена и, считая данную нам задачу по удержанию моста до полуночи выполненной, я принимаю решение оставить занимаемые позиции и прорываться на восток, вслед за частями Красной армии.

Через час относительную тишину ночи разорвал оглушительный звук взрыва. Мост через речку, за который было положено множество жизней, взлетел на воздух.

* * *

Взрыв моста отвлек немцев, а потому прорваться удалось без особых потерь. Уходили лесом, через речку. Раненых переправили на наспех сооруженных из бревен, веток и деревянных ящиков плотях. Прорвались, но из окружения не вышли. Немцы шли на восток, отряд то и дело натывался на их стоянки, отдельные отряды, многочисленные колонны техники и пехоты. Казалось, что враг повсюду.

Под утро обнаружили лесной овражек, где смогли укрыться. Здесь решили переждать день, чтобы с наступлением темноты двигаться дальше. Выставили охранение, без сил повалились на траву между деревьями. Усталость навалилась тяжелым грузом, перебив чувство голода. Скоморохов ощутил, как сильно истощились его силы с первого дня войны. Теперь, небритый, с осунувшимся лицом, темными кругами под глазами и перепачканной грязью и сажей рваной форме, он не был похож на того храброго младшего лейтенанта, каким он был до двадцать второго июня. Что-то поменялось и в его душе. Появилась злость, разочарование и иное отношение к смерти и своей жизни. Некоторое время он лежал с

открытыми глазами, но вскоре веки отяжелели, Андрей не заметил, как провалился в пучину сна. Ему снились Варя, начальник заставы Василий Ковальчук, садик астраханского детприемника, где ему пришлось провести некоторую часть своего детства, и река Волга. Вокруг шум, смех и друзья по детдому. Их загорелые худые тела мелькают перед глазами. Сверху нещадно припекает солнце. Он пытается пробраться к реке, но кто-то из мальчишек черпает пригоршню воды и плескает на его разгоряченное тело, освежающие прохладные струи текут по лицу, груди, плечам.

Скоморохов открыл глаза, утер с лица влагу, огляделся. Крупные капли дождя пробивались сквозь листву, с легким шорохом падали на траву. Порывы ветра остервенело трепали верхушки деревьев. Непогода усиливалась, лишая бойцов возможности вволю отдохнуть и выспаться после ночного перехода. Чем смогли, прикрыли от влаги раненых, остальные сидели на мокрой земле под проливным дождем. Радовало только то, что вода смывала с тел и сладковато-приторный запах пота, и грязь.

Дождь прекратился, когда солнце закатилось за горизонт, но времени на сон уже не было. Летняя ночь коротка, и лишь она могла укрыть отряд от врагов. Хижняк приказал бойцам двигаться на восток. Перед рассветом достигли проселка, однако перейти его сразу не получилось. Лишь только передовая группа красноармейцев ступила на дорогу, как вдали послышалось рычание двигателей, вскоре в темноте мелькнул свет фар. Было ясно, что миновать дорогу, имея раненых, им до подхода немцев не удастся. Решили затаиться в кустах неподалеку от дороги, надеялись, что ждать придется недолго, но, как оказалось, по дороге двигалась крупная часть вермахта. Колонны солдат вермахта двигались друг за другом. Солнце поднялось над землей, а движение немецкой части все продолжалось. Мимо проехали три походных кухни, голодных красноармейцев обдало запахом аппетитного варева. Следом шагали немецкие пехотинцы. В тот момент, когда передние из них поравнялись с местом, где прятались бойцы Хижняка, один из раненых громко застонал. Стон долетел и до немцев. Двое остановились. Один из них с винтовкой в руках остался на обочине, другой с автоматом направился к кустам. Красноармейцы замерли. Хижняк зажал раненому рот ладонью. Всем было понятно, если немец их обнаружит, то останется только три выхода: сдаться, бежать, оставив раненых, или умереть. Оказать достойный отпор многочисленному вооруженному до зубов противнику, почти не имея боеприпаса, не было возможности.

Выручил Бондаренко. Ящерицей он пополз в сторону от кустов, и,

когда немец был рядом с «лежкой» отряда, раздался стон. Но теперь он происходил не от раненого, а от Бондаренко, который успел отползти на добрую дюжину метров и спрятаться за деревом. Немец выстрелил на звук. Стон повторился, но уже в стороне от дерева и теперь был больше похож на уханье филина. Немец замер. Уханье повторилось. Автоматчик повернулся к кустам. «Неужели все-таки заметил?» – промелькнула в голове Скоморохова мысль. Не заметил. Немец расстегнул ширинку галифе, справил малую нужду и быстро вернулся на дорогу. Когда она опустела, к отряду вернулся живой и невредимый Бондаренко. Капитан Хижняк встретил его объятиями.

– Молодец, красноармеец! Всех нас спас. Тебе бы сейчас благодарность перед строем объявить, но не до этого, пока немца нет, надо срочно перейти дорогу.

Проселок миновали без происшествий, шли лесом, затем до вечера отлеживались в подсолнухах недалеко от небольшой украинской деревушки. Ночью разжились у селян скудной пищей, двинулись дальше. Ближе к утру наткнулись на десяток красноармейцев из восьмого стрелкового корпуса, части которого участвовали в обороне Перемышля. От них узнали, что дивизия вместе с другими частями Красной армии отступила в сторону Винницы.

И снова отряд двинулся на восток. Шли медленно, быстрому продвижению мешали раненые бойцы, проливные дожди и немцы. Иногда приходилось сутками ждать возможности незамеченными идти дальше. Надеялись, что Красная армия остановила врага, а может, и перешла в наступление, что скоро они соединятся с одной из её частей, но война вместе с Красной армией отступала всё дальше вглубь страны. Скоморохов потерял счёт времени, по его прикидкам, они шли около месяца, а значит, было уже начало августа. В воспаленном усталом мозгу билась только одна мысль – выйти из окружения, чтобы поскорее закончился этот изнуряющий путь. В лишениях день уходил за днем, уходили боевые товарищи – погибали в скоротечных схватках с противником, умирали от ран, терялись в ночи во время переходов, а отряд упрямо продолжал идти на восток. Шел мимо сожжённых селений, разбомбленной техники, брошенных позиций Красной армии. Шел по занятой врагом территории. И дошёл...

Пробивались с боем, ночью, в непогоду. Немцы не ожидали нападения сзади, и это помогло отряду капитана Хижняка. Однако сам он не выжил. Когда до позиций своих оставались считанные шаги, немцы открыли шквальный пулемётный огонь. Капитан умер на руках Скоморохова в землянке командира батальона, в расположение которого они вышли.

Теперь в отряде из старших командиров оставался только Андрей. Он-то и доложил о действиях отряда и передал командиру батальона двух пленных немцев и трофейное оружие.

Командиром батальона оказался среднего роста, лысоватый, с крупной лобастой головой старший лейтенант с большими темно-серыми навыкате глазами, по фамилии Проскурин. На вид ему было около сорока лет. После непродолжительного разбирательства бойцам, всем сорока восьми, кто вышел из окружения вместе со Скомороховым, было приказано оставаться в распоряжении комбата Проскурина. Старший лейтенант был назначен на эту должность тремя днями раньше их встречи, так как остался в батальоне старшим по званию. Прежние командиры погибли в предыдущих кровопролитных боях. От него Скоморохов узнал, что части Красной армии, в распоряжение которых вышел отряд, сами находились в окружении. В глухом, сипловатом голосе старшего лейтенанта чувствовались нервные нотки.

– Попали вы, ребята, из огня да в полымя. Мы вырваться из мешка пытаемся, а вы сами в него залезли. Только мешок этот благодаря нашему бездарному командованию образовался. Говорят, что немцы четыре наших армии здесь окружили!

У Скоморохова перехватило горло, он хрипло выдавил:

– Армии?! Как же так?!

– А вот так! Мы сначала немцу тоже прикурить давали, и контратаковали, и населенные пункты брали, пленных, трофеи. А потом пришел приказ прорываться из окружения. Только уже было поздно. Бросили нас, как собак! Помощи нет! Продовольствия нет! Дохлых лошадей жрать приходится! Горючего кот наплакал! Боеприпас на исходе! Ни авиации, ни артиллерии! Чем прикажете воевать?! Немецкие самолеты в небе что хотят делают. Нормальной связи между подразделениями нет, управление нарушено, дисциплина хреновая! Я за последние два дня троих, – капитан показал Скоморохову ладони, – вот этими самыми руками расстрелял! – Проскурин растер ладонью лицо, свернул самокрутку. – Вот дожились, «козьи ножки» приходится из немецких листовок делать. Знаешь, что они в них пишут?

Андрей отрицательно мотнул головой.

– А пишут они, что им в плен сдались несколько наших высокопоставленных командиров, что мы в полном окружении и положение наше, дорогой товарищ, дерьмо. Думаю, что немецкие писаки недалеко от истины.

На минутку в землянке повисло тягостное молчание, его прервал

Скоморохов:

– При выходе из отступления мы встретили красноармейцев из восьмого механизированного корпуса, они сказали, что их часть отступала к Виннице.

– Здесь остатки корпуса, по соседству.

– Значит, и девяносто девятая дивизия здесь, в окружении? Там же наши пограничники должны быть! Вы что-то слышали о них?

– Про дивизию слышал. Пришлось мне тут с лейтенантом из девяносто девятой повстречаться. Говорят, что часть орденом Красного Знамени наградили, за взятие Перемышля. Знаю, что корпус до окружения под Тетиевым был, потом к Умани отступили. Девяносто девятая тоже, у них бои под селом Краснополка были. Сейчас его остатки левее нас. Теперь всё смешалось. Кто? Где? Зачем? Почему? Ничего не понятно. Но, думаю, что это продолжится недолго. Похоже, нам всем скоро конец придет. – капитан затушил самокрутку. – Ладно, отдыхай. Силы тебе понадобятся. Утром определимся, где тебе с твоими бойцами занять позицию. Сдается мне, мы не сегодня-завтра снова на прорыв пойдем.

* * *

Утром Андрея Скоморохова разбудил немецкий громкоговоритель. Дребезжащий голос вещал:

– Внимание! Внимание! Русские солдаты, сдавайтесь! Дальнейшее сопротивление бесполезно! Немецкое командование гарантирует вам жизнь, питание и возвращение к семьям. Внимание! Внимание!..

Стоило Скоморохову выйти из землянки, как перед ним появился Павел Бондаренко.

– Здравия желаю, товарищ младший лейтенант! Мени б поговорити?

– Говори, Бондаренко.

– Ци мисця мени ридни, в найближчому сели мий дид живе. Видвидати його треба, взнати чи живий, чи ни, може, и будинок йогов же нимци зруйнували або спалили. Якщо живий, тоди звисточку про себе видправити ридним. Писля доведеться чи ни, невідомо. Та и дид скаже: «Ти що ж, Павло, поруч був, а дида не видвидав?!»

Скоморохов растер ладонями лицо.

– Деда повидать – это хорошо. Только вот тебе должно быть известно, что оставление части во время боевых действий является серьезным нарушением воинской дисциплины. Я тебе, может, и разрешил бы, только

вот какие будут последствия. А вдруг заблудишься, к немцам в руки попадешь, тогда что?

– Я тут кожен лисок, яр знаю...

Сиплый голос командира батальона Проскурина окликнул:

– Младший лейтенант Скоморохов!

Андрей тронул Бондаренко за плечо.

– Иди. После поговорим.

Скоморохов подошел к старшему лейтенанту, поздоровался. Неожиданно для Андрея Проскурин спросил:

– Ты, помнится, про девяносто девятую дивизию спрашивал. Так вот, можешь к ним наведаться. В ночь назначен прорыв, надо утрясти с соседями кое-какие вопросы по совместному действию. Пойдем вместе. Если повезёт, то своих пограничников там встретишь.

С пограничниками погранотряда Скоморохову свидеться не удалось, хотя кое-какие сведения у него появились. Он узнал, что отряд был у Фастова, у Тетиева, держал оборону на подступах к Умани. С этим и вернулся. В батальоне его ждало неприятное известие – пропал Бондаренко. Андрей не верил, что Бондаренко мог без его разрешения покинуть расположение батальона. Он вспомнил их утренний разговор. Вдруг его обожгла мысль, что Бондаренко мог не так понять его последние слова: «Я тебе, может, и разрешил бы» и «Иди. После поговорим». Он поспешил доложить о своей догадке старшему лейтенанту Проскурину, но тот был вне себя от ярости. Скоморохов надеялся, что он успокоится и всё обойдется по возвращении Бондаренко, и в глубине души молился, чтобы Павел поскорее объявился, однако скоро стало не до Бондаренко. Немцы, недовольные тем, что уговоры не действуют на красноармейцев, решили их напугать силой оружия. Предвестником надвигающейся бури был самолет-разведчик, за «рамой» прилетели бомбардировщики. К ним присоединилась немецкая артиллерия. И снова взрывы бомб, грохот снарядов, завывание мин, свист пуль, дым, кровь, смерть.

Из клубов черного дыма вынырнул старший лейтенант Проскурин, сипло крикнул:

– Немцы в атаку пошли! Давай со своими бойцами на правый фланг!

Атака немцев была скоротечной, ожесточенное сопротивление красноармейцев заставило их отступить. Скоморохов устало опустился на дно окопа, снял фуражку, вытер рукавом пот со лба. Но отдохнуть ему не пришлось. Не прошло и десяти минут, как к нему подбежал один из бойцов, с которым он выходил из окружения. Запыхавшимся голосом он произнес:

– Товарищ младший лейтенант! Скорее. Там. Там Бондаренко пришел. Капитан его расстрелять хочет!

Скоморохова словно подкинуло с места. Что было сил он побежал к наблюдательному пункту командира батальона, который был расположен рядом с землянкой. Не успел. Два pistolетных выстрела прозвучали, прежде чем он добрался до места.

Бондаренко лежал рядом с землянкой, устремив удивленный взгляд голубых глаз в такое же голубое небо. Скоморохов заметил у его ног пустой льняной мешок, на траве были разбросаны: шмат сала, кольцо домашней колбасы, две буханки круглого ржаного хлеба, несколько луковиц и десяток варёных яиц. Здесь же лежал вышитый красными и черными нитями белый рушник и большая стеклянная бутылка с мутноватой жидкостью. Андрей подбежал к Бондаренко, медленно встал на колени. Лицо убитого побледнело, словно было вылеплено из воска, нижняя губа прикушена, отчего казалось, что он улыбается. Скоморохов перевел взгляд на старшего лейтенанта:

– Как же так?! Я же вас предупредил. Он же со мной от самой заставы, – голос Андрея становился громче и злее. – Мы же с ним...

Проскурин заиграл желваками:

– Ты, младший лейтенант, забыл, что такое дисциплина?! Этот красноармеец должен был находиться на боевом посту, а где он был?! Известно ли тебе, что немцы отпускают некоторых пленных красноармейцев из местных по домам? А этот, может, начитался листовок и к немцам побежал, а те его с продуктами и самогоном обратно прислали, чтобы разлагать моральный дух бойцов Красной армии. Я этого не позволю! По закону военного времени предателей положено расстреливать на месте.

Скоморохов поднялся.

– Бондаренко?! Предатель?! Какая же ты сволочь, старший лейтенант...

И без того большие глаза комбата Проскурина расширились еще больше:

– Да я тебя...

Договорить Проскурин не успел. Скоморохов рванулся к командиру батальона, выбил из его руки pistolет, ухватил за ворот:

– Сволочь!

Проскурин попытался вырваться, но хватка у пограничника была железной. Скоморохов занес кулак для удара. От избиения младшего лейтенанта спасли политрук батальона и красноармейцы. Они с трудом

оттащили от него Скоморохова. Проскурин поправил гимнастерку, трясущимися руками поднял пистолет, засунул в кобуру. Политрук попытался его успокоить:

– У всех нервы. Нам в тяжелую минуту надо сплотиться. Впереди бой.

Старший лейтенант нервно дернул головой, оттолкнул политрука, одарил Андрея ненавидящим взглядом и со словами: «Я тебе этого так не оставлю!» – скрылся в землянке.

Политрук подошел к Скоморохову, положил ладонь на плечо.

– Держите себя в руках, товарищ младший лейтенант. Все понятно, обстановка сложная, нервы, но вы командиры и должны показывать красноармейцам пример. Кто прав, кто виноват, война рассудит. А сейчас идите, готовьте бойцов к прорыву.

– Мне сначала надо Бондаренко похоронить. – Скоморохов обернулся к убитому пограничнику. Продуктов, рушника и мешка у его ног уже не было. Кто-то из голодных красноармейцев успел воспользоваться суматохой.

Бондаренко похоронили недалеко от позиций рядом с молодым кленом. Забили колышек, к нему прибили обломок доски, на которой вырезали ножом звезду и надпись: «Пограничник Павел Николаевич Бондаренко». Скоморохов подумал, что неплохо бы было сообщить о его смерти деду, но сейчас было не до этого, да и стоило ли огорчать старика в это и без того тяжелое время. Пальцы крепко сжали фуражку с зеленым околышем. И снова в его голове возник мучивший его последние дни вопрос: «Почему? Почему нет Бондаренко, убит капитан Хижняк, погибла Варя и семья Ковальчука? Почему война забрала жизни многих его товарищей и незнакомых ему людей, а он, безродный и никому ненужный детдомовец до сих пор жив и даже не ранен? Почему?» Не знал младший лейтенант, что судьба готовит ему новые испытания.

* * *

На прорыв пошли ночью, на «авось», без предварительной разведки, без артподготовки, без поддержки с воздуха, без бронетехники. Атаковали молча, имея на каждого бойца по два десятка патронов и десяток гранат на весь батальон. Скоморохов бежал рядом с политруком. За ними красноармейцы, с которыми он выходил из окружения. Теперь бойцам предстояло вновь вырываться из кольца врагов. Андрей слышал позади прерывистое дыхание, топот их ног. Услышали его и немцы. Вскоре все

звук утонули в треске пулеметных очередей. Длинная цепочка многочисленных вспышек винтовочных и автоматных выстрелов осветила темноту ночи. В небо взмыли осветительные и сигнальные ракеты. Политрук взмахнул рукой:

– За мной! За Родину! Ура!

«Ур-ра-а!» – многоголосо раздалось в ночи, потекло на позиции немцев. В следующую секунду пулеметная очередь перерезала пополам тело политрука. Скоморохов заметил его гибель, но помочь ему уже ничем не мог. Младший лейтенант огляделся, командира батальона Проскурина, который должен был возглавить атаку, рядом не было, а бойцов надо было вести вперед. Любая заминка была чревата последствиями и уносила многие жизни. Что было сил Андрей крикнул:

– За мной! Вперед!

Не сбавляя бега, достигли позиций немцев, в ход пошли штыки и гранаты. Немцы дрогнули. Передышка на занятых позициях была недолгой. Надо было двигаться дальше. И снова вперед. Теперь их встретили огнем пушек и минометов. Снаряды и мины взрывались справа и слева от Скоморохова, падали на землю изуродованные тела красноармейцев, а он бежал словно заговоренный. Андрей надеялся, что судьба и на этот раз будет к нему благосклонна. Не случилось. Рядом рвануло. Острая боль пронзила голову. Горячая волна бросила на землю.

* * *

Сознание пришло в полдень, в поросшей редким кустарником роще. Как он здесь оказался? Пришел сам или кто-то его сюда принес, младший лейтенант не помнил. Скоморохов, помогая себе руками, приподнялся, сел. В голове шумело, тошнота подкатила к горлу. Высокий сухопарый красноармеец подошел, сел на корточки, заглянул в лицо, прокуренным голосом спросил:

– Ну что, командир, очнулся?

Скоморохов, преодолевая головокружение и тошноту, огляделся. Рядом сидели и лежали красноармейцы. Его бойцов среди них не было. Скоморохов насчитал семерых. Все из разных частей: танкист, два связиста, младший сержант артиллерии, два пехотинца и... Проскурин. Старший лейтенант сидел в красноармейской гимнастерке и пилотке. Ошибка? Они встретились взглядами. Проскурин опустил глаза. Это был он, теперь у Андрея не было ни малейших сомнений. Но почему в форме

рядового? На этот вопрос старший лейтенант ответил сам. Сиплым голосом он обратился к остальным бойцам:

– Долго мы здесь не высидим. Еще немного, и немцы нас обнаружат. Надо сдаваться. Или с нами будет то же, что с ними. – Проскурин указал на большое свекольное поле, край которого начинался неподалеку от рощи. Андрей Скоморохов медленно повернул голову, только теперь он понял, что шум в его голове усиливался от рева танкового двигателя. Сквозь ветки кустов было видно, как немецкий танк, изредка постреливая из пулемета, гоняет по полю десяток красноармейцев. Некоторые из них пытались отстреливаться из винтовок, другие бросали оружие и поднимали руки вверх. Железное чудовище не щадило никого. Пулеметные очереди и гусеницы истребляли бойцов одного за другим. Обветренные губы Скоморохова прошептали:

– Сволочи!

Когда с красноармейцами на свекольном поле было покончено, Проскурин сказал:

– Медлить нельзя. Когда танк уедет, надо идти к дороге. У меня немецкая листовка есть, с ней и пойдем.

Сухопарый поддержал:

– Верно, братцы! Здесь нас немцы могут как куропаток перестрелять, а если сами сдадимся...

Волна возмущения и гнева захлестнула Скоморохова, отбросила в сторону тошноту.

– Вы что же это?! Сдаваться?! В плен?! Врагу?! – Скоморохов посмотрел на танкиста, но тот отвел взгляд. Отвернулся от него и младший сержант артиллерист. – Проскурин сволочь! А еще командир Красной армии! Красноармейцев расстреливал, а сам... Гнида! – Андрей попытался встать. Боль накатила, бросила на землю. Скоморохов застонал, схватился за голову. Только теперь он обнаружил отсутствие фуражки. Вместо нее на голове была окровавленная грязная повязка.

Сухопарый красноармеец обратился к Проскурину:

– Чего это он тебя командиром называет?

– Не видишь, ранен младший лейтенант в голову. С контуженого что взять. Перепутал с кем-то или бредит.

Сухопарый покосился на Скоморохова.

– Мы этого контуженого командира немцам сдадим. Хватит комиссарам и командирам нас, как скотину, на убой гонять. Теперь мы его к немцам погоним.

Скоморохов, пошатываясь и преодолевая боль, поднялся на ноги, с

ненавистью посмотрел на сухопарого.

– Меня?! Немцам?! Паскуда!

Удар кулаком в голову снова опрокинул его на землю...

Как его подняли и доволокли до дороги, Скоморохов почти не помнил. Вода из грязной лужи, к которой его подвел танкист, привела в чувство. То, что явно и осязаемо предстало перед глазами, потрясло Андрея. Поднимая пыль, по дороге двигалась немецкая колонна. К ней, из полей подсолнуха и кукурузы тянулись бойцы Красной армии. Шли сами, словно бессловесный скот. По одному, по двое, группами. Некоторых вели под конвоем немецкие солдаты или жандармы. Подходили к дороге, сбивались в кучки, молча ожидали своей участи. Безоружные, оборванные, грязные, голодные, многие с ранениями. У всех поникшие головы, угрюмые лица, потускневшие, а у некоторых испуганные, взгляды, которые они время от времени бросали на «победителей». Колонна движется медленно. Солдаты вермахта в кузовах грузовиков и на танках свысока, весело поглядывали на «побежденных», шутили, смеялись, играли на губных гармошках, пели песни. Мордастый немец, сидя на броне танка, залиvistо смеялся. Причиной его смеха была драка, которую затеяли голодные красноармейцы из-за куска хлеба. «Забавная» сцена заставила его вынуть из ранца половину буханки. Он отломил кусок, бросил его в группу, где сидел Скоморохов. Сухопарый быстро поднял кусок с земли, не отряхивая, запихнул в рот. Немцы на танке засмеялись. Мордастый залаял по-собачьи, бросил следующий кусок Скоморохову. Хлеб упал у его ног, но он не шевельнулся. Ненавидящий взгляд уперся в заплывшие жирком глаза немца. Лицо мордастого словно окаменело, взгляд стал жестким, массивная челюсть выдвинулась вперед. Теперь ему было не до веселья. Он положил остатки хлеба в ранец, взял в руки винтовку, направил ствол на Андрея. Все, кто сидел рядом со Скомороховым, шарахнулись в сторону. Мясистый палец немца лег на спусковой крючок. Скоморохов остался сидеть на месте, продолжая сверлить немца глазами. Из автомобиля, который следовал за танком, раздался окрик немецкого офицера. Мордастый положил винтовку на колени, на прощание одарил Скоморохова недобрым взглядом.

Колонна немецкой техники прошла, за ней следовала другая. От гнетущего зрелища у Андрея сжалось сердце. Это была колонна плененных немцами красноармейцев. Вереница военнопленных растянулась, насколько хватало взгляда. Казалось, что ей нет конца. Шли сотни, а может, тысячи. Тысячи бойцов армии, про которую до войны пели в песнях, что она всех сильнее. Шли медленно, рядами по шесть – восемь человек,

некоторые без головных уборов, без обуви, без ремней. Большинство в грязных, разодранных, покрытых разводами соли гимнастерках с отпоротыми петлицами, иные и вовсе в рубахах или гражданской одежде. Рядом шагали конвойные и жандармы. Трое из них подошли к кучке красноармейцев, в которой был Скоморохов, пинками, тычками и прикладами впихнули их в колонну. Андрей попал в группу красноармейцев в буденовках, на некоторых из них были шинели. В шинели был и рослый, широкоплечий мужчина, рядом с которым оказался Скоморохов. Он повернул к Андрею круглое, с ямочкой на подбородке, лицо, протянул широкую ладонь, тихо сказал:

– Здорово, пограничник.

Скоморохов ответил на приветствие. Мужчина посмотрел на петлицы.

– Ты бы, младший лейтенант, петлицы отпорол. Я слышал, немцы командиров, комиссаров и бойцов НКВД не жалуют.

– А мне плевать, я с этими гадами с первого дня войны знаком, с первых боев на границе, а потому пощады от них не жду. Если бы не ранение и контузия, я бы живым им не дался.

Мужчина кинул на Скоморохова внимательный взгляд, еще более утишив голос, произнес:

– Ты умирать не торопись. С немцами разговор еще не закончен. У меня тоже петлицы под шинелью имеются. Я майор Красной армии Артемий Константинович Двужильный. А тебя как величать?

– Андрей Скоморохов.

– Слушай, Андрей Скоморохов, вижу, ты парень надежный, а у нас тут дело намечается. Мы с бойцами пробивались из окружения, но случайно наткнулись на немцев. Тут их танки появились, а у нас оружия почти не было, поэтому немцы решили, что мы сами сдаваться пришли. Отконвоировали нас к дороге, в колонну втиснули. Обыскивать особо не стали, поэтому у нас при себе кое-что осталось. У меня пистолет, у бойцов имеются ножи и граната, так что при первой возможности будем пытаться вырваться из плена. Ты с нами?

– Так точно, товарищ майор, – полушепотом ответил Скоморохов.

* * *

Военнопленных вели без остановок, ослабших расстреливали на месте, редко кому удавалось уговорить конвойных покинуть колонну, чтобы справить нужду. Кроме немцев несчастных людей терзали голод и

жажда, но вот колонна подошла к хутору, у дороги местные жители, в основном бабы, старики, дети. Оставляют на обочине завернутое в тряпицы и листья лопуха мясо, сало, караваи хлеба, кадушки и ведра с водой, отходят в сторону. Некоторые пытаются найти среди этой нескончаемой массы бойцов своих родных: мужа, брата, сына. Спрашивают, выкрикивают имена и фамилии. Стоят, смотрят, утирают с лица горькую слезу. Один из бойцов кидается к пище, другой к кадке с водой. Побоями их загоняют в колонну. Соблазнительный вид съестного и воды заставляет красноармейцев рисковать. Вот кто-то успел схватить и спрятать шмат сала, другой поймал на лету брошенный местным жителем круглый хлеб. Еще один боец решил полакомиться мясом. Выстрел из винтовки прервал его трапезу. Он так и остался лежать в дорожной пыли с куском мяса во рту. Скоморохов отвел взгляд от жуткого зрелища, но вскоре снова стал смотреть на обочину, ведь впереди стояла кадушка с водой, а ему так хотелось пить. Он подвинулся к краю в надежде, что удастся зачерпнуть пригоршню живительной влаги и смочить пересохшее горло. Надеялся, что, может, тогда отступит слабость, и боль в голове утихнет. Надежды рухнули при появлении жандарма. Худой высокий немец толкнул ногой кадушку. Вода вылилась на дорогу. Жандарм пошел дальше. Впереди, на обочине, стояла крынка с молоком и мешок. Жандарм закинул за спину винтовку, заглянул в мешок, достал яблоко. Не осталась без внимания и крынка молока. Ударом ноги он опрокинул мешок. По земле покатались яблоки и вареные картофелины. Немец откусил яблоко, запил молоком. Белые струи потекли по его подбородку на грудь. Двужильный брезгливо усмехнулся:

– Глотай, глотай, может, тебя с яблок и молока пронесет, паразита.

Тихий смешок прошел среди военнопленных. Двужильный решил поддержать ввергнутых в уныние красноармейцев, да и не хотелось ему, чтобы местные жители запомнили их затюканным, бессловесным стадом. Он кашлянул, громко сказал:

– Что, братцы, головы опустили? Может, споем?

Ему не ответили. Тогда он запел зычным красивым голосом:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.

Скоморохов подержал майора:

Выходила на берег Катюша,

На высокий берег на крутой.

Теперь запели и другие бойцы:

Выходила, песню заводила
Про степного сизого орла,

Над колонной все громче и громче летело:

Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла.

Скоморохов почувствовал, что на душе стало легче, и уже меньше болела голова, и не так сильно хотелось пить. Но сила песни подействовала не только на Скоморохова, и на немцев тоже. Видимо, в пении пленных они почувствовали некую угрозу. Крики конвоиров и выстрелы в воздух заставили красноармейцев замолчать. Во время выстрелов Скоморохов услышал позади сиплый, испуганный крик Проскурина:

– Прекратите петь! Они нас всех расстреляют!

«Гнида!» – мелькнуло в голове Андрея.

Дальше шли без песен. Топот ног, редкие разговоры и столь же редкий щебет малых птиц сопровождали колонну. День неотвратимо близился к закату. Пленные уныло брели мимо мест недавних боев, многочисленных трупов красноармейцев, от которых шел тошнотворный запах разложения и которые некому было предать земле. Шли мимо сожженных танков, разбитых автомобилей, брошенных орудий. Мимо техники, которая не так давно являлась мощью и гордостью Красной армии. Три пушки стояли неподалеку от дороги, рядом с покореженным взрывом танком. Двужильный тихо обратился к соседу:

– Трофимов. Это же наши орудия. Здесь неподалеку мой командный пункт был.

– Так точно, – отозвался сосед.

Майор задумался.

– Если мне не изменяет память, в двух километрах отсюда дорога делает резкий поворот налево, на Умань. Если нас приведут в город, то возможность побега уменьшится, к тому же нас могут разделить. Поэтому предлагаю, когда дойдем до поворота, напасть на конвоиров и уходить направо, тогда немцы смогут стрелять нам только в спину, а не с трех

сторон. Причем часть из них еще не дойдет до места побега, а другой части придется возвращаться, но при этом им надо следить за другими военнопленными. По обе стороны дороги поля подсолнуха. Мы будем уходить, как я уже сказал, вправо. Насколько я помню по карте, за полем роща, за ней речка, за речкой лес. Они скроют нас до ночи, а ночью немцы вряд ли будут нас искать. Так что передайте бойцам, чтобы ждали команды.

Напряжение не отпускало Скоморохова до самого поворота. Удастся ли убежать? Удастся ли избежать поимки и немецкой пули? Да и как бежать, ноги от усталости одеревенели. При подходе к повороту смирился. Будет что будет. Лучше уж смерть, чем унижения. Скоморохов посмотрел на худого жандарма. Немец схватился за живот, побежал в заросли подсолнуха. «Не иначе, молочко с яблоком на немца подействовали», – подумал Андрей.

Двужильный толкнул его локтем.

– Самое время. Приготовиться.

Скоморохов только сейчас заметил пистолет в руках майора. Его зычный крик «Пора! Братцы, бей немца!» всколыхнул колонну. Первыми на конвоиров набросились красноармейцы в будёновках. Один из них накинул на голову немца шинель, другой ударил ножом, третий выхватил у него винтовку, выстрелил в жандарма, но промахнулся. Жандарм выстрелил в ответ. Боец повалился на землю, буденовка упала с его головы. Скоморохов кинулся к убитому, выхватил оружие из его рук, приготовился стрелять с колена, но на жандарма уже накинулись красноармейцы. Взгляд выхватил в суматохе перекошенное страхом знакомое лицо, это было лицо комбата Проскурина. Старший лейтенант упал на колени, поднял руки вверх. Рядом с ним, уткнув голову в дорожную пыль, лежал сухопарый боец. Андрей хотел нажать на спусковой крючок, но окрик Двужильного заставил его поторопиться.

– Уходим! Быстрее!

Андрей кинулся в подсолнухи и чуть не споткнулся об худого жандарма. Немец лежал в луже крови и собственных испражнениях, со спущенным до колен галифе и перерезанным горлом. Сзади раздались частые выстрелы из винтовок и крики немецких солдат. Заглушая их, гроыхнула граната. Послышались громкие стоны раненых. Скоморохов прибавил бег, но вскоре дыхание сбилось, в голове застучало, сердце готово было вырваться наружу. От слабости ноги стали заплетаться. Андрей споткнулся, упал. Бойцы в буденовках подняли, взяли у него винтовку. Бег продолжился.

До рощи у речки Скоморохов добрался в полубессознательном

состоянии. Здесь ему удалось передохнуть и вдоволь напиться. Переправа вплавь через речку освежила, придала бодрости. Вскоре ночь скрыла два десятка беглецов. Девять бойцов в буденовках были из группы майора Двужильного, остальные прибились во время побега. Пользуясь темнотой, ушли от возможной погони. День провели в чистом поле под тремя подбитыми танками Красной армии. Мимо по дороге время от времени проходили немцы, им было невдомек, что под поврежденными машинами могли скрываться красноармейцы.

С наступлением сумерек после недолгого совещания решили идти к Киеву. Двужильный уверенно заявил, что Киев – столица Советской Украины, его немцам не отдадут, будут защищать его до последней возможности. С ним согласились не все, четверо бойцов решили идти отдельно, а немногочисленный и почти безоружный отряд Двужильного взял направление на Киев.

Сентябрь 1944 года. Специальный проверочно-фильтрационный лагерь НКВД

Шиловостов прервал рассказ Скоморохова вопросом:

– Ты чай будешь?

Андрей еще не успел отойти от тяжелых воспоминаний, а потому непонимающе посмотрел на старшего лейтенанта:

– Чай? Буду.

Шиловостов вышел и вскоре вернулся с двумя кружками горячего чая, которые поставил на стол.

– Давай, Скоморохов, передохнем, чайку попьем, а потом продолжим.

Когда кружка Андрея опустела, Шиловостов сказал:

– Ты мне поподробнее расскажи о своем пребывании в партизанском отряде и лагере для военнопленных. От этих показаний и от результата их проверки во многом будет зависеть твоя дальнейшая участь.

– Так я к этому и вел.

– Раз к этому вел, то рассказывай дальше...

Сентябрь 1941 года. Белоруссия

И снова неизвестность, лишения, полуголодное существование, из еды грибы да ягоды, тяжелые ночные переходы, ежеминутная возможность нарваться на немцев. Время шло, с каждым днем становилось прохладнее, а пробиться к Киеву так и не удалось. Майор Двужильный принял решение идти в сторону Гомеля, в надежде что лесистой местностью пробираться к своим будет легче и безопаснее. Густыми белорусскими лесами отряду и вправду идти было безопаснее, можно и костерок разжечь, и отдохнуть без особой опаски, и передвигаться не только ночью, но и днем, а значит, была

возможность быстрее добраться до расположения частей Красной армии. Однако, несмотря на осторожность, избежать стычки с немцами не удалось...

Голод толкал к селениям, где можно было раздобыть пищу. В одно из таких белорусских селений и было решено послать разведку из трех человек. Ее возглавил Андрей Скоморохов. Вооруженные одной на троих винтовкой и ножами, они в ночи подобрались к крайней хате. В огороженный плетнем двор проникнуть не удалось. Заливистый собачий лай заставил разведчиков затаиться, но пес продолжал лаять. В окне хаты мелькнул свет, со скрипом открылась дверь, на пороге, с керосиновой лампой в руке, появился темный силуэт. Грубый мужской голос спросил:

– Кто тут?

– Свои, – тихо отозвался Скоморохов.

– Ведаю я сваих. Такия, як вы, у мяне свинню павяли. Чаго вам трэба?

– Нам бы еды.

Мужчина ответил после недолгого раздумья:

– Добра, накармлю вас. Вы уси, ци яшче есць?

– Еще есть, в лесу, неподалеку.

– Вы идзице таму. Я пакуль сабаку забяру у хлеу, вам усе ежы подрыхтую. Вам знак дам агнем. У хати и паясце и абагрэе. Идзице з Богам.

Разведчики ушли в хорошем расположении духа, ведь в скором времени их ждала сытная домашняя пища и теплый ночлег. От предвкушения скорого застолья у Андрея Скоморохова забурлило в животе. Хорошая новость обрадовала весь отряд. Еще больше красноармейцы обрадовались, когда в темноте замигал огонек. Это был условный знак старика. Ноги сами понесли бойцов к селу. Шли почти без опаски. Когда до хаты старика оставалось не более дюжины шагов, раздались винтовочные выстрелы. Стреляли из-за плетня, из-за угла дома, из дворовых построек. Скоморохов успел крикнуть: «Засада!» – и в следующий миг нестерпимая боль пронзила живот и левую ногу. Андрей упал на землю, в голове мелькнуло: «Все, конец!» В этот момент его подхватили крепкие руки Двужильного.

– Держись, пограничник!

Слова майора были последним, что Скоморохов услышал перед тем, как впал в полубессознательное состояние. Из полубреда он вышел утром, в лесу. Андрей открыл глаза. Над ним простирался желто-зелено-красный шатер осенней листвы, сквозь который робко пробивались нити солнечных лучей. Мерное покачивание и тишина убаюкивали, но сну мешала боль и

шуршание. Это шуршала листва под ногами его товарищей, которые не оставили его в трудную минуту. Они вынесли его из-под огня, перевязали, смастерили носилки из двух жердей и шинелей, одной из которых накрыли его, а сами теперь шли в одних гимнастерках, несмотря на прохладу и сырость леса. Андрей сместил взгляд. Теперь перед ним было лицо бойца в буденовке, который нес носилки. Слабым голосом Скоморохов произнес:

– Командир где?

Красноармеец позвал Двужильного. Майор подошел, склонился над носилками.

– Ты как?

Скоморохов с мольбой в глазах посмотрел на майора.

– Мне бы попить.

– Нельзя тебе, парень. У тебя пулевое ранение в живот.

– Много наших...

Боль не дала Андрею договорить, но майор вопрос понял.

– Девять человек осталось, вместе с тобой. Еще двое раненых есть, но эти легко. Остальные убиты, взяты в плен или разбежались.

– Товарищ майор, вы оставьте меня. Не жилец я.

Двужильный нахмурился.

– Кто это тебе сказал? Ты, младший лейтенант, не раскисай. Мы еще с тобой повоюем. Терпи.

Скоморохов терпел, но боль всё больше и больше охватывала его, жар терзал тело, всё чаще он впадал в беспамятство, всё тяжелее было сдерживать стоны.

Ночью майор с бойцами наведалься в селение. Принесли хлеба, сала, картошки и горькую весть, что немцы взяли Киев. А еще привели мальчишку лет тринадцати. Вместе с ним Двужильный подошел к Скоморохову.

– Нашли тебе лекаря, дедом Миколой кличут. Женщина, к которой мы наведались, дала нам проводника, – майор кивнул на мальчишку. – Вот, Юрась. Он нас к нему на болото проводит. Так что крепись, браток.

На болоте оказались, едва забрезжил рассвет. По трясине шли след в след за мальчишкой, осторожно ступали с кочки на кочку. В нависшем над болотом тумане послышался собачий лай. Спустя минуту скрипучий старческий голос громко крикнул:

– Кто идзе?

Старику ответил мальчишка:

– Гэта я, дзядуля.

– Юрась?

– Я. Маци загадала да вас салдат прывесци, у их параненныя.

– Идзице, толькі асцэрожна.

Вскоре красноармейцы ступили на твердь. Это был островок, на котором разместился небольшой дом и несколько хозяйственных построек. Отряд встретил длинноволосый, бородатый седой старик в безрукавке из овчины. Без долгих разговоров он осмотрел раненых. Лечение проводил в доме. Скоморохова положили на широкую лавку у бревенчатой стены, на которой висели пучки трав и мешочки. На полках стояли глиняные горшочки, несколько стеклянных пузырьков и бутылок. В углу Андрей увидел иконы, над ними вышитый рушник. Его взгляд остановился на лике. Ах, если бы он умел молиться!

Лекарь Микола начал с легко раненых: промыл раны, наложил мазь, перевязал. Следом пришла очередь Скоморохова. Лекарю помогали старуха-жена, майор и два бойца. Перед тем как вынимать пулю из живота, Микола дал ему выпить настойки из глиняной кружки. Напиток ударил в нос запахом самогона и неизвестной ему травы. Андрей выпил, закашлялся. Старик бросил на него ободряющий взгляд.

– Потерпи, хлопец, скоро легче станет.

Дальше всё было словно во сне, он чувствовал невыносимую боль в животе, что есть силы сжимал руками края лавки, кусал губы, стонал, пытался встать, но бойцы не давали этого сделать. Потом пришла темнота.

Сколько он пробыл в полубессознательном состоянии, Скоморохов не знал. Когда он открыл глаза, в доме были только хозяева. Старуха возилась около печки с глиняными горшками и чугунками, а старик что-то мастерил около окошка. Он-то и заметил первым пробуждение Андрея. Неторопливо встал, припадая на правую ногу, подошел к лавке, присел на табурет, положил сухонькую ладонь на лоб Скоморохова.

– Слава богу, жар прошел. Теперь на поправку пойдешь.

Однако Андрея меньше всего интересовало состояние собственного здоровья. Он еще раз окинул глазами комнату, посмотрел на старика, встревоженно спросил:

– А где ребята? Майор?

– Ушли они. Переночевали и ушли. Тебя мне на попечение оставили. Раны у тебя серьезные. Долго заживать будут. До вчерашнего дня не знал, выживешь ли. Но бог наш милостив, – Микола обернулся к иконам, перекрестился. – Так что лежи, сил набирайся, а раны мы твои залечим. У меня травы лечебные есть, настои на кореньях и ягодах, мази – на меду, на воске, на жиру зверином, на грязи болотной.

– Вы давно на болоте живете?

– Можно сказать, что всю жизнь, с небольшим перерывом. Мой отец, и дед, и прадед здесь жили. Все знахарями были, людей лечили. Знания друг другу по родству, из поколения в поколение передавали. Селяне нас колдунами прозвали. Вот и стали мы Колдуны. Отец мой Панас Колдун был, а я, стало быть, Микола Колдун. Батька хотел, чтобы я доктором стал. Однажды вылечил он от тяжелой болезни Богдана, сына одного богача, богач тот сказал, мол, проси что хочешь, а отец попросил, чтобы он меня пристроил к обучению на доктора. – старик кашлянул, огладил седую бороду. – Потом в городе учился на фельдшера, в Минске бывал, в Киеве, в Москве. Потому и русский язык хорошо знаю. И повоевать пришлось при царе, с немцами воевал, получил ранение в ногу, вернулся к отцу с матерью. Царствие им небесное. – Микола снова перекрестился. – Ну а когда их не стало, я здесь за хозяина остался. Бобылем жил. Потом вот, – старик посмотрел на жену, – ее встретил, Ганнушку мою. Она теткой Ярыне доводится. Юрась, сын Ярыны, вас ко мне привел. С Ганнушкой у нас сын родился, Кастусь...

Пустой чугунок выпал из рук старухи, с гулким звуком покатился по деревянному полу. Микола кашлянул, бросил на нее строгий взгляд, продолжил рассказ:

– Уехал в город да так и пропал во время Гражданской войны. Вот и живем мы одни. Подальше от суеты мирской, от зависти и злобы людской. Места здесь тихие, коровка у нас, свинья, куры, пасека. В лесу кабаны, косули, лоси, тетерева, куропатки и другой дичи полно. Правда, война зверя и птицу распугала, но нам с Ганной хватает. Опять же грибы да ягоды, в озере и речке рыба. Селяне за лечение, за шкуры звериные, за рыбу да за мед нам муку, крупу, соль, картошку, овощ всякий приносят. Так что нужды не знаем.

– А немцы к вам не заглядывали?

– Пока не было. В село, правда, наведались. Назначили старосту, после полицаев несколько объявилось. И всё.

– Не боитесь?

– А кого мне бояться? Меня никто не трогает. Микола Колдун всем нужен. Я и белых лечил, и красных, и бандитов, и милиционеров, и нынешнего старосту Богдана тоже приходилось на ноги ставить.

– Не тот ли это Богдан, сын богача, которого ваш отец вылечил?

– Он самый. Их семью раскулачили, в Сибирь сослали, он оттуда один только и вернулся, в тридцать восьмом году. Среди нас жить начал. Всё к Ярыне сватался, когда у нее мужа на финской войне убили, только она ему отказала. А ты что же тревожишься, что тебя здесь найдут? Так ты не

бойся. Мы тебя с Ганой, если что, в курятнике спрячем. Да и попасть сюда не просто. Места гиблые, трясина. В этих болотах много людей сгинуло. Потому сюда особо никто не ходит. Дорогу, через болото на остров, только мы знаем, Юрась с Ярыной да еще несколько надежных людей. А если кто лечиться приходит, то от края болота кричат, а я иду встречать. Оттуда до острова около пяти сотен шагов будет, а может, больше. Да и незаметно не подобраться, у меня две собаки, они гостей издали чуют, дадут знать, если что. Ну, будет. Утомил я тебя разговорами. Мне, старому, кроме моей старухи да собак и поговорить-то почти не с кем, а тут ты. Так что извиняй.

Старик встал, поправил на нём одеяло, поковылял к окну. Отеческая забота тронула душу Андрея, воспитанник детского дома, он не видел родительской ласки. Тепло душевной радости растеклось по всему телу, отодвинуло боль, сомкнуло веки, спокойный, крепкий сон принял его в свои объятия.

* * *

Время лечит раны, вылечило оно и Андрея. Покой, изобилие съестного, настои и мази деда Миколы сделали свое дело: истощенное недугом тело постепенно наливалось силой. Пришел день, когда он без посторонней помощи встал и вышел из дома. Под ногами хрустнул снег, морозец коснулся лица, залез под гимнастерку. Скоморохов запахло овчинный кожух Миколы, вдохнул полной грудью свежего воздуха, огляделся. Болото, насколько хватало взгляда, было припорошено искристым снегом, и только бурые пятна незамерзшей жижи выделялись на белом покрывале. Обступивший его лес тоже нахлобучил снеговую шубу. Над всей этой девственной красотой висела оглушительная тишина, которую лишь изредка нарушали стрекотание сороки, стук дятла и кудахтанье курицы в курятнике. Из-за угла дома выбежали две крупные лохматые собаки рыжевато-белого окраса, остановились в полуметре от Андрея, завиляли хвостами. Один из псов подошел ближе, потянулся мордой к ноге, Андрей погладил лобастую голову. Из дома вышел Микола.

– Полюбили они тебя. Собаки доброго человека чуют.

– Я же пограничник, у нас на заставе тоже собаки были, а потом война. Наверное, немцы их убили, когда заставу захватили.

Старик вздохнул.

– Да-а, война – она никого не щадит: ни людей, ни животных.

– Только войну эту не мы начали, а немцы. Я сейчас здесь

отлеживаюсь, сытно ем, сладко сплю, прячусь, как суслик в норе, когда к вам селяне или староста с полицией приходят, а другие в это время кровь проливают. Пора мне, дед Микола, к своим пробиваться.

– А зачем далеко идти? Можно и здесь с немцем воевать. Ты, помнится, в лабазе сидел, когда полицаи наведывались ко мне с раненым своим дружкойм.

– Да.

– Слышал, наверное, что они у меня спрашивали, не видел ли я в лесу партизан?

– Слышал.

– Так вот, отдохнешь ещё недельку, я тебя к ним и отведу.

Дед Микола слово сдержал. Через неделю Андрей оказался у партизан. Каково было его удивление, когда в бородатом командире отряда он узнал Двужильного. Майор улыбнулся, оголив ряд крупных желтоватых зубов.

– Здорово, пограничник! Что, не признал сразу?

– Не признал. А как вы здесь оказались?

– Когда тебя на остров доставили, дед Микола нам рассказал, что в лесу от немцев схоронились селяне, активисты, так сказать. С ними председатель колхоза и парторг. Всего человек пятнадцать. Микола нас к ним отвел. Они дали нам проводника, но пробиться к своим нам так и не удалось. Снова наткнулись на немцев. Двоих бойцов потеряли. Пришлось вернуться в отряд. Решили остаться вместе с партизанами. Прежде отряд возглавлял председатель, но во время нападения на обоз он был убит, тогда по причине наличия боевого опыта и как старшего по званию командиром выбрали меня, а комиссаром остался парторг.

Несколько обиженным тоном Скоморохов произнес:

– А почему мне не сообщили?

– Ждали, когда поправишься. Ты парень горячий, не окрепший, в бой стал бы рваться. Но дед Микола нам докладывал, как ты себя чувствуешь, каждый раз, когда мы к нему за продуктами приходили.

Теперь Андрею стало понятно, кого имел ввиду дед Микола, когда говорил про надежных людей, знающих дорогу через болото на остров.

Двужильный продолжал:

– В село за провиантом ходить опасно, да и люди могут из-за нас пострадать, поэтому решили через деда Миколу действовать. Селяне ему продукты для нас носят, вроде бы как плату за лечение и в обмен, а мы при случае забираем.

– Хитро.

– Без хитрости тут не обойтись. Силы неравны, противник

многочисленен, но жалить немца и неприятности немалые доставлять можем. Глядишь, от наших трудов Красной армии легче будет. Положение ведь серьезное, на днях стало известно – немец уже под Москвой.

Скоморохов не поверил своим ушам. Как же так? Как могло случиться, что немцев допустили до столицы? На немой вопрос Андрея Двужильный уверенно ответил:

– Москву немцам не отдадут, а мы должны бороться.

Скоморохов вспомнил, что майор так же уверенно говорил, что Красная армия не оставит Киев. Андрей, будучи любителем истории, знал, что Москву удавалось захватывать и татарам, и полякам, и французам, но искренно верил, что немцам это не удастся.

* * *

Отряд оказался небольшим: комиссар отряда Анисим Тарасович Нестеренко с женой Марией и дочерью Данутой, двенадцать разновозрастных мужчин из села и ближайших хуторов, Двужильный и пятеро его бойцов-окруженцев, кроме них два красноармейца-казаха, которые отстали от части, заблудились в лесу, а позже, прежде отряда Двужильного, присоединились к партизанам. Вместе с Андреем набиралось всего двадцать четыре человека. В отряде Скоморохова приняли хорошо. Уважение вызывали его звание и боевой опыт. Расположение к нему командира, знакомство с дедом Миколой и бойцами-окруженцами тоже сыграли свою роль. Но не всем его появление пришлось по душе. Казимир, парень из местных, назначенный начальником разведки отряда, пограничника невлюбил. И было для этой нелюбви две причины. Первая причина заключалась в том, что Двужильный, после появления Скоморохова, поручил разведку ему, а Казимира сделал его заместителем, чем парень остался очень недоволен. Ведь он был местным и хорошо знал родные места, а разведку возглавил чужак. Второй причиной была Данута – дочь комиссара. Она сразу обратила внимание на молодого красивого младшего лейтенанта. Вскоре её симпатия к пограничнику переросла в любовь. Это не скрылось от глаз Казимира, чьи ухаживания Данута отвергала. Улучив момент, Казимир решил поговорить со Скомороховым.

Андрей сидел на поросшем мхом пне, неподалеку от лагеря, наблюдал за размеренной жизнью партизанского стана. Лесной лагерь был небольшим – восемь землянок и два навеса. Один навес предназначался для приема пищи в теплое время, другой служил стойлом для пяти

лошадей. Три землянки предназначались под склад, кухню и баньку, еще в трех жили бойцы отряда, одна служила штабом и одновременно местом проживания майора Двужильного и Скоморохова. Комиссар с женщинами занимали отдельную землянку. Недавний разговор с его дочерью Данутой заставил Андрея уединиться. Девушка подошла к нему, когда он кормил лошадь, и призналась в своих чувствах. Андрей ответил, что сейчас не время для любви, чем расстроил девушку. Данута ушла в слезах, оставила в душе Андрея осадок горечи. Разве мог он объяснить ей причину своего отказа? Разве мог рассказать о душевной боли, порождённой смертью Вари? Разве мог забыть свою первую настоящую любовь?

Тяжелая ладонь легла ему на плечо. Скоморохов обернулся. Рядом стоял рослый и крепкий парень в стеганой фуфайке, это был его заместитель Казимир. Светло-серые глаза недобро смотрели на Андрея.

– Вставай.

Скоморохов поднялся. Он был на полголовы ниже, а потому на собеседника пришлось смотреть снизу вверх. Казимир крепко схватил его за отворот белого овчинного полушубка, подаренного дедом Миколой.

– Ты зачем Дануту обидел и до слез довел?! Веремейчик мне рассказал, что ты к ней приставал.

Андрей вспомнил, что во время их с Данутой разговора мимо них прошмыгнул Веремейчик – боец отряда из местных, неприятный ему малорослый человек лет тридцати пяти с худым остроносом лицом и водянистыми голубыми глазами. Взгляд Андрея посуровел, спокойным, но строгим голосом он произнес:

– Убери руку!

Казимир шмыгнул плосковатым носом, крепче сжал пальцы, потянул Скоморохова на себя.

– Это моя дивчина! Понял! Если между нами мешаться будешь я тебе...

Договорить он не успел. Андрей ухватил его за запястье и вывернул руку, освобождаясь от захвата. Казимир оказался на коленях с заломленной назад рукой. Он тщетно пытался вырваться, но хватка Скоморохова была крепкой. Не повышая голоса, Андрей сказал:

– Дануту я не обижал, между вами вставать не собираюсь, а тебе посоветую впредь с уважением относиться к старшим по возрасту, званию и должности.

Скоморохов отпустил руку Казимира. Тот поднялся, пригладил кудреватые светло-русые волосы, поднял серую ушанку, надел на голову, медленно побрел к лагерю. Андрей сел на пень. «Ну вот, второго человека

за день обидел». От этой мысли на душе стало еще горше.

* * *

Время шло, закончилась зима, пролетела весна, наступило лето. Через людей комиссара, связанных с подпольем, узнавали новости о положении на фронтах, а они были разные. Радостная весть о том, что немцев отбросили от Москвы, сменилась горечью весеннего поражения и окружения частей Красной армии под Харьковом. Андрей, как и другие, переживал летнее отступление к Волге, а ведь там, на берегах великой реки, стоял его родной город Астрахань. Сердце сжималось от мысли, что немцы могут войти и туда, но всё, что он мог сделать, это бороться с врагами здесь, в белорусских лесах.

За истекшее время отряд пополнился еще двумя бойцами, молодым парнем из города и бывшим полицейским, но количество осталось прежним, так как весной в перестрелке с полицейскими были убиты двое партизан. Бойцы Двужильного делали редкие вылазки к дороге, обстреливали машины с немецкими солдатами, обозы. Один раз удалось отбить телеги с продуктами, которые полицаи отобрали у селян для немцев. Тогда же завладели пятью винтовками, но оружия и боеприпасов для более активных действий всё равно было мало, что вызывало немалое недовольство майора. Помог дед Микола. В один из дней он явился в отряд, зашел в землянку к Двужильному и доложил:

– Я километрах в пяти от моей хаты в глухом лесу случайно ящики нашел. Там неподалеку грузовик стоит. Его еще в августе красноармейцы бросили, когда отступали. Наверное, что-то с машиной случилось, поэтому они ящики из кузова вытащили, в ложбинку перетащили и ветками закидали. От немцев, значит, спрятали. Ну а я, получается, нашел.

От обычной сдержанности Двужильного не осталось и следа. Он торопливо надел шинель.

– Пойдем. Покажешь. Скоморохов, возьми с собой двух бойцов.

Дед Микола подсказал:

– Телегу возьмите. Я объясню, как проехать. Если в ящиках нужное окажется, сразу их и заберете.

На телеге доехали до грузовика. Полуторка стояла с раскуроченным двигателем, сломанным рулем, спущенными колесами и пустым баком. Похоже, что отступающие бойцы решили идти лесом, через болота, где на машине не проехать, или у них кончился бензин, поэтому техника была

преднамеренно испорчена, а груз спрятан до лучших времен. В ложбинке под ветками и брезентом, оружия, к большому разочарованию Двужильного, не обнаружили. Находки указывали, что спрятанное добро принадлежало саперам. В ложбинке нашли топор, двуручную пилу, щупы, миноискатель. Дошла очередь и до деревянных ящиков. В первом ящике, который они открыли, были противогазы, во втором – провода, минные шнуры, ножницы для резки колючей проволоки. Содержимое остальных ящиков порадовало партизан больше. Там оказались взрывчатка, противопехотные и противотанковые мины. Всё это срочно перевезли в партизанский лагерь. Теперь на вооружении отряда были не только винтовки, охотничьи ружья, автомат Дегтярева, пистолет, пара гранат, но и мины с взрывчаткой. Нашелся и сапер. Главным в отряде по взрывному делу назначили Казимира. Войну он встретил в Красной армии сапером, попал в окружение под Минском, но сумел не попасть в плен и пробраться в родное село, откуда вскоре пришлось бежать в лес вместе с семьей парторга колхоза Нестеренко. Новое назначение примирило бывшего сапера со Скомороховым, тем более что Андрей стал замечать благосклонное отношение Дануты к Казимиру. Боевые задания, на которые они зачастую ходили вместе, еще более их сблизили. На минах, которые они вместе поставили на дороге, подорвался грузовик с солдатами. Через два дня они взорвали железнодорожный путь. Осенью немцы и полицаи сделали облаву, но отыскать партизан не смогли. Двужильный приказал на время затаиться.

– Пусть думают, что мы ушли в другие леса.

Бездействие было временным. Энергичная натура Двужильного не давала ему сидеть на месте. В начале зимы он стал обдумывать с соратниками план подрыва немецкого эшелона. Майор решил заложить взрывчатку рядом с охраняемым железнодорожным мостом через реку в надежде, что взрывом удастся пустить под откос эшелон, повредить пути и мост. Казимир, как знаток подрывного дела, возражал, говорил, что зимой ставить мину на железнодорожных путях рискованно, так как на снегу будут заметны следы, но переубедить майора ему не удалось. За день до того, как Скоморохов и Казимир должны были осуществить задумку командира, в отряд наведалься дед Микола.

В командирской землянке собрались майор Двужильный, комиссар Нестеренко, дед Микола и Андрей Скоморохов. Весть, которую принес лекарь, требовала обсуждения. По просьбе Двужильного старик пересказал о том, что случилось.

– Дело такое. Вчера, когда охотился, встретил в лесу вооруженных

людей, человек пятнадцать. Одеты так же, как и вы. Кто в обычной одежде, кто в военной форме. Спрашивали, есть ли поблизости партизаны. Я смолчал. Тогда их старший говорит: «Ты, дед, не таись, мы про ваш геройский отряд знаем, слышали про его дела, а потому предлагаем объединиться. Если встретишь партизан, скажи, мол, малыми отрядами противостоять фашистам тяжело, а большими силами можно значительный урон немцу нанести».

Майор задумчиво произнес:

– Это как сказать, под Уманью у нас это не очень получилось. Но правда в этих словах есть. Бойцы нам нужны. Где эти люди сейчас?

– Недалеко от того места, где мы ящики нашли, лагерь разбили.

Двужильный окинул взглядом присутствующих.

– Что делать будем?

Первым отозвался комиссар Нестеренко.

– Треба с этими хлопцами прежде побалакать, узнать, кто такие, откуда, а уж потом решать, соединяться с ними или нет. Но люди нам бы не помешали. Я уже говорил, верный человек из подпольщиков сообщил, что есть решение создавать крупные партизанские соединения для борьбы с врагом. Мы с командиром отряда, товарищем Двужильным, обсуждали возможность присоединения к такому соединению, но было бы неплохо войти в него более многочисленным составом. Однако считаю необходимым прежде внимательно приглядеться к тем, с кем мы собираемся плечом к плечу воевать против оккупантов.

Скоморохов комиссара поддержал:

– Надо тщательно все проверить, допросить их, документы посмотреть, если есть, а вдруг они немцами подсланы или дезертиры?

Двужильный неодобрительно посмотрел на Андрея:

– Твоя подозрительность, младший лейтенант, мне понятна, служба в пограничных войсках НКВД не прошла даром. Только ты, наверное, забыл, как мы сами еще недавно из окружения выходили. У многих из нас документы имеются?

Скоморохов промолчал.

– То-то и оно. А ты: проверить документы. Как проверить, как узнать, что это за люди? Ладно. Сделаем так. Я сам пойду в их лагерь, поговорю с ними.

Комиссар возразил:

– Отряд не может рисковать командиром. Предлагаю свою кандидатуру. Я местный, область знаю, смогу выяснить, кто они и откуда.

– А если это окруженцы? – Двужильный огладил бороду. – Значит,

пойдем вдвоем. Мы с тобой командиры, нам и решать. За старшего оставим Скоморохова. Для прикрытия возьмем двух бойцов. Оставим их неподалеку от места, где гости остановились, а сами к ним наведемся.

Скоморохов возразил:

– Если это подосланные немцами люди, то они могут взять вас в плен. Мне приходилось в начале войны встречаться с немецкими диверсантами, переодетыми в красноармейскую форму.

Двужильный возмутился:

– Что же ты, понимаешь, заладил: диверсанты, диверсанты! Думаю я, Скоморохов, что твоя подозрительность чрезмерна. Даже если это и так, то от нас с Анисимом Тарасовичем они мало чего добьются, а наш отряд под твоим руководством будет продолжать бороться с немцами.

Возражать Двужильному было бесполезно. На следующий день, утром, майор и комиссар ушли в стан незнакомцев.

В лагерь они вернулись с пополнением. Со слов Двужильного, отряд «гостей» состоял из бывших военнослужащих Красной армии, попавших в окружение. Он рассказал, что они безуспешно пробивались к линии фронта, потом партизанили, затем пришлось уходить от карателей, а теперь решили присоединиться к их отряду. Группу окруженцев возглавлял крепкий широколицый старшина по фамилии Макаров. Опрос его бойцов и проверка документов ничего подозрительного не выявила. Вечером, в одной из землянок, по поводу соединения отрядов было устроено застолье. Мария и Данута накрыли на стол, ради такого случая поставили бутылки с самогонем. После первой кружки хмельного напитка послышались разговоры и смех, однако Скоморохову, Казимиру и одному из бывших красноармейцев, казаху Ерболу, было не до веселья, им предстояло важное задание.

* * *

Рядом с железной дорогой оказались после полуночи. Темнота, лес и густой снегопад скрывали их от глаз солдат вермахта, охранявших мост. Им повезло, сейчас снег был союзником партизан, он должен был замести следы их работы и взрывное устройство. Подобраться к рельсам сразу не смогли, помешала дрезина с немецким патрулем. Луч прожектора обшарил железнодорожные пути и подходы к ним, затем метнулся к лесу, где затаились Андрей Скоморохов, Казимир и Ербол. Партизаны уткнулись лицами в снег. Дрезина промчалась мимо. Когда она исчезла за снежным

занавесом, Скоморохов и Казимир ринулись к рельсам. Ербол с автоматом Дегтярева и гранатой остался прикрывать товарищей. Подбежали к стыку рельса, упали на колени, разгребли щебень, заработали саперными лопатами. Мерзлый грунт вперемежку со щебнем поддавался плохо, ветер бросал мокрый снег в лицо, но он же относил звуки возни к лесу, а значит, их не слышали немцы. Время шло, однако и упорство партизан приносило свои плоды. Когда ямка под рельсом была выкопана на глубину штыка лопаты, Казимир остановил Скоморохова. В ямку положили толовые шашки, закидали землей. Казимир вытащил из вещмешка мину, стал монтировать ее к рельсу. Пока сапер колдовал над взрывным устройством, Скоморохов убрал часть грунта в мешок, в котором прежде лежали толовые шашки. Казимир подул на замерзшие пальцы, надел варежки, замаскировал мину землей, щебенкой, присыпал снегом. Остальное должна была сделать метель. Казимир бросил взгляд на Скоморохова, тихо сказал:

– Уходим.

Через две минуты они были под защитой леса. Теперь можно было возвращаться в лагерь с надеждой, что устройство сработает и нанесет врагу ущерб. Однако добраться до лагеря быстро не удалось. Метель заставила партизан остановиться, глубокий, по колено, снег не давал двигаться быстро, забирал силы. Привал устроили в небольшом овражке. Хлебнули воды из фляжки, пожевали ржаного хлеба. Казимир мечтательно произнес:

– Эх, закурить бы!

Скоморохов, прикрываясь от порыва ветра, приподнял воротник полушубка.

– Доберёмся до лагеря, там и покуришь. Это от тебя не уйдет. Сейчас главное, чтобы мина сработала.

– Сработает, не волнуйся.

– Хорошо было бы дождаться поезда и рвануть. Тогда бы результат наших трудов увидели.

– Хорошо бы. Только знать бы, когда эшелон проедет. Через час, через два, а может, через день? Таких сведений у нас нет, а зимой долго ли в лесу пролежишь? Да и подрывной машинки саперы нам в тайнике не оставили. Опять же риск немалый, а мне это ни к чему, я собираюсь Дануте предложение сделать.

Андрей промолчал. Ему вспомнился последний разговор с начальником заставы Ковальчуком. Тогда он тоже говорил другу, что хочет жениться на Варваре, но война распорядилась иначе.

Казимир кашлянул, пристально посмотрел на Скоморохова:

– Ты что, не одобряешь?

Андрей поднялся.

– Пора.

Партизаны пошли дальше, туда, где их ждала горячая пища, теплая землянка, а Казимира – любимая Данута. Сердце сапера переполнялось радостью от предвкушения предстоящей встречи, но вскоре в него вселилась тревога. Следующий привал сделали, когда до лагеря оставалось не более десяти километров. Решили набраться сил перед последним переходом. Метель уgomонилась, а значит, ветер и снег больше не мешали им двигаться. Отдых оказался недолгим. Едва они расположились под разлапистой елью, как до них долетели отдаленные глухие звуки взрывов. Ербол вопросительно посмотрел на товарищей:

– Поезд взорвался?

Скоморохов отрицательно помотал головой.

– Нет, Ербол, это не поезд. Звук с другой стороны.

Казимир быстро поднялся, взволнованно произнес:

– Вставайте! Это в лагере! Там, в землянке! Взрывчатка, мины!

Беспокойство за товарищей придало силы. Теперь во главе группы шел Казимир, за ним Ербол. Скоморохов отставал, подводила левая нога. Былое ранение еще напоминало о себе. В километре от лагеря Скоморохов остановил товарищей:

– Стой! Слушайте мою команду. В лагерь без разведки не соваться.

Казимир недоуменно посмотрел на Андрея:

– Почему?

– Боюсь, что этот взрыв может быть связан с появлением в отряде новых бойцов.

* * *

Солнечные лучи ласкали верхушки деревьев, когда они ползком подобрались к лагерю. В стане партизан стояла непривычная для утренней поры тишина. Не слышно было ни голосов людей, ни храпа и ржания лошадей, но люди и лошади были. Их недвижимые тела лежали на снегу между землянками. Вместо одной из землянок зияла черная яма, рядом валялись бревна, комья земли, поваленные навесы. Было понятно, что в лагере произошло что-то страшное. Казимир дернулся, чтобы встать, но Скоморохов его удержал, прижал к себе, прошептал на ухо:

– Тихо. Здесь кто-то есть.

Теперь и Казимир чувствовал едва уловимый запах табачного дыма. Спустя минуту его чуткое ухо уловило тихий кашель. Не ускользнул этот звук и от его товарищей. Их ждали. Кто? Свои или враги? Скоморохов вспомнил первые дни войны, лейтенанта госбезопасности НКВД Шиловостова, и их встречу с диверсантами в лесу подо Львовом. Андрей глянул на товарищей, едва слышно сказал:

– Будьте готовы. Если крикну: «Огонь!» – стреляйте.

Медленно, вжимаясь в снег, Скоморохов отполз в сторону. Когда расстояние между ними стало не менее пяти метров, он встал, пошатываясь, направился к землянкам. Его слабый голос прервал нависшую над лагерем тишину:

– Помогите!

Ответа не последовало. Андрей сделал еще пару шагов в направлении землянки Двужильного и рухнул на снег. Падая, он заметил неподалеку от землянки тело командира отряда в окровавленной гимнастерке. Через минуту дверь землянки открылась, из нее, озираясь, вышел один из вновь принятых в отряд бойцов с немецким автоматом в руках. Он подошел к Скоморохову, толкнул его в бок носком сапога.

– Вставай.

Андрей тяжело поднялся, растягивая слова, вымолвил:

– Задание не выполнили. Нарвались на немецкий патруль. Казимира и Ербола убили. Где командир? Надо доложить.

Боец с автоматом ухмыльнулся.

– Сейчас, будет тебе командир.

На тихий свист отозвались. Из землянок стали выходить вооруженные люди. Скоморохов мысленно считал: «Один, два, три, четыре и тот, который вышел первым. Всего пятеро. Все вновь принятые в отряд бойцы. Значит, я все-таки был прав – это подосланные немцами люди». К нему подошёл долговязый парень, одетый в солдатскую шинель и шапку-ушанку.

– На ловца и зверь бежит. Можно Макару доложить, что мы весь партизанский отряд уколошили. С этим что будем делать? В расход его или в полицейский участок?

Боец с автоматом кивнул на убитых партизан.

– Пусть с этой падалью остается, возиться с ним не надо будет.

Долговязый парень в солдатской шинели вперил взгляд в Скоморохова:

– Сдавай, сволочь, оружие и полушубок снимай, мне в самый раз будет.

Андрей улыбнулся и с криком: «Огонь!» – бросился на долговязого. Секунда, и он повалил противника на снег. В тот же миг раздалась очередь

из автомата Дегтярева и выстрелы из винтовки. Два немецких пособника были убиты сразу. Еще двое выстрелили в ответ из винтовок и метнулись к землянке Двужильного, но пули настигли их у раскрытой двери. Ербол и Казимир подбежали к Скоморохову. Андрей лежал на долговязом парне, крепко прижимая его к земле. Тот не пытался сопротивляться и лишь испуганно таращил глаза. Скоморохов поднялся, холодно посмотрел на предателя:

– А теперь говори, кто вы такие? И что здесь случилось?

Долговязый приподнялся, встал на колени, дрожащими руками поднял шапку, быстро заговорил:

– Всё, всё скажу, только не убивайте! Нашу группу собрали из военнопленных, кто с немцами сотрудничать согласился. Специально, чтобы вливаться в отряды партизан или окруженцев, а затем их уничтожать самим или с помощью германских солдат и полицаев. Немцы поручили нашей группе обнаружить отряд, который произвел взрывы автомобилей и железнодорожных путей в этом районе.

– Что здесь произошло ночью?

– Мы дождались, когда все уснули, убили часового, а потом...

Долговязый всхлипнул, пригладил жидкие рыжеватые волосы. Скоморохов нетерпеливо спросил:

– Что было дальше?

– Некоторые сопротивлялись, – долговязый взглядом указал на Ербола, – его земляк забежал в землянку, стал отстреливаться, мы его ранили, хотели живым взять. Когда двое наших в землянку ворвались, там рвануло. Мы и не знали, что это склад, где взрывчатка с минами хранилась. Нам об этом один из пленных рассказал, маленького роста. Фамилия у него такая...

– Веремейчик?

– Да. С ним мы еще одного взяли раненого и женщину, жену комиссара.

Казимир отодвинул Скоморохова.

– Где они? Где Данута?

Долговязый испуганно отшатнулся.

– Девка здесь, в землянке, где комиссар жил. Остальных увезли на санях, как только светать начало, а нас оставили вас дожидаться.

Казимир бросился к землянке. Вскоре оттуда раздался пугающий крик. Скоморохов кивнул Ерболу на пленника:

– Посмотри за ним.

Когда он вошел в полутёмную землянку, Казимир стоял на коленях

перед обнаженным телом Дануты и гладил растрепанные окровавленные волосы девушки. Рядом лежал её отец. Андрею хватило одного взгляда, чтобы понять, что девушку сначала изнасиловали, а потом убили выстрелом в голову. Казимир оглянулся. Его взгляд был пугающе безумным. Он взял винтовку, медленно поднялся и вышел из землянки. Скоморохов снял шапку, он словно замороженный не мог оторвать взгляда от Дануты. На миг ему показалось, что перед ним лежит Варя, он прикрыл глаза, стиснул зубы, чтобы отогнать видение. Истошный крик и выстрел заставили его прийти в себя. Андрей выбежал из землянки. Казимир, опустив голову, стоял у распростертого на снегу тела долговязого предателя.

Убитых партизан похоронили в воронке, которая образовалась после взрыва склада боеприпасов. Когда земля скрыла тела убитых, Ербол, держа открытые ладони перед собой, начал вполголоса произносить незнакомые Казимиру слова. Скоморохова поведение казаха не удивило. В Астрахани ему приходилось видеть, как хоронят покойников мусульмане. Он понял, Ербол читает молитву, провожая земляка и друга в последний путь...

Ночь пришлось провести в землянке Двужильного. Когда Скоморохов проснулся, Казимир был уже на ногах. Бледное лицо и красные воспаленные глаза говорили о том, что он провел бессонную ночь. Разговор сапер начал с упрека:

– Вчера мы должны были их догнать, отбить пленных и отомстить за наших товарищей.

– Вчера, после перехода, мы бы этих немецких прихвостней не догнали. Но мы обязательно им отомстим. А сейчас надо уходить. Отсутствие дружков снова приведет их сюда, и, думается, не одних, а с подмогой.

– Куда пойдем?

Скоморохов, встал, надел полушубок, шапку, взял в руки трофейный немецкий автомат.

– К деду Миколу. Ему надо срочно уходить.

– Может, он уже ушел? Взрыв был слышен далеко.

Скоморохов задумчиво сказал:

– Вот это мы и проверим.

* * *

На остров пробрались благодаря Казимиру, которому не раз

приходилось наведываться к лекарю. То, что они увидели, повергло их в уныние. Вместо дома деда Миколы они увидели пепелище. Рядом лежали убитые собаки. Тел деда Миколы и его жены они не нашли. Скоморохов сел на обгорелое бревно, обхватил руками голову. К нему подошел Казимир.

– Это дело Веремейчика, он знал, как пройти на остров. Похоже, они взяли стариков с собой.

Ербол огорченно спросил:

– Почему не ушли? Зачем здесь остались?

Казимир посмотрел на болото.

– С острова путь один, по нему эти нелюди сюда и пришли. Деду Миколе деваться некуда было. Да и куда ему с больной женой? Опять же, характер у него. – Казимир вновь обратился к Скоморохову: – Что будем делать, командир?

– Ночью пойдем в село. Надо поговорить с Ярыной, узнать, где находятся старики и остальные пленные, а также выяснить, где расположился этот паскудник Макар со своими ублюдками. Надеюсь, что они еще в селе.

Казимир и Ербол согласились с решением Скоморохова. Ночью все трое подобралось к дому Ярыны. Женщина впустила их в жилище, со слезами рассказала, что стариков, жену комиссара и раненого партизана вечером повесили рядом с полицейским участком.

Когда Скоморохов спросил:

– Где Веремейчик? – Ярына ответила:

– У пастарунку, ен цапер разам з палицаямі, і тыя, што партызанамі прыкідываліся, таксама там. Стараста Богдан да мяне прыходзіу, сказау, што пяцера з них партызаны учора забілі.

Выяснилось также, что днем на железной дороге у моста взорвался поезд, а потому людей Макара оставили в селе, чтобы найти виновных. На помощь им в село прислали грузовик с немецкими солдатами. Скоморохов посмотрел на Казимира:

– Помнится, ты хотел отомстить за Дануту.

– Хотел.

– Тогда веди.

Темными улицами села подобралось к участку. Свет в окнах одноэтажного деревянного здания бывшего сельсовета был погашен. Полицаи и люди Макара спали. У дверей, кутаясь в тулуп, стоял часовой с винтовкой. Ясная луна освещала его сутулую фигуру. Казимир взял полицая на прицел. За углом соседнего дома с немецким автоматом в руках притаился Скоморохов. Он внимательно наблюдал, как Ербол подбирается

к зданию с другой стороны. Еще минута, и его силуэт мелькнул у одного из окон. Удар прикладом, звон разбитого стекла, взрыв гранаты. Полуодетые полицаи и бойцы Макара с криками выбегают на улицу, выпрыгивают из окон и тут же падают на снег, сраженные выстрелами партизан. Скоморохов снова и снова давит указательным пальцем на спусковой крючок автомата. «За убитых товарищей! За Дануту! За комиссара!» Быстро меняет опустевший магазин и снова стреляет: «За Двужильного! За деда Миколу!» На другом конце улицы появляются бегущие силуэты немецких солдат. Скоморохов громко свистнул. Пора уходить...

Уходили вдвоем. Ербол, убитый пулей в голову, остался лежать рядом со зданием полицейского участка. Дворами и проулками выбрались на окраину села, побежали к лесу. Вслед раздались выстрелы, но спасительные деревья были уже близко. Скоморохов подбежал к одному из них, прислонился к шершавому стволу. Рядом на снег повалился Казимир. Передохнув несколько секунд, Андрей склонился над Казимиром, похлопал по спине.

– Вставай. Надо уходить.

Ладонь наткнулась на что-то липкое и теплое. Это была кровь. Скоморохов перевернул Казимира на спину. Он попытался что-то сказать, но вдруг дернулся и замер. Андрей пощупал пульс на шее, Казимир был мертв. Теперь из всего отряда остался только один...

Сентябрь 1944 года. Специальный проверочно-фильтрационный лагерь НКВД

Шилохвостов закурил очередную папиросу.

– Интересная история получается. Значит, говоришь, из всего отряда только ты один остался? И кто же может подтвердить твоё пребывание в партизанском отряде? Засланные немцами в отряд люди и предатель Веремейчик скорее всего погибли при вашем нападении на полицейский участок, а иных свидетелей, я так понимаю, нет?

Скоморохов задумался, но вскоре обрадованно произнес:

– Есть! Есть свидетели! Родственница старика-лекаря Ярына и её сын Юрась. Они меня видели.

– Что ж, будем искать твоих Ярыну с Юрасем. А теперь расскажи, что было с тобой дальше.

– А дальше вы слышали, когда пришли на допрос. Скитался некоторое время в лесу, потом решил пробираться к линии фронта. Думал, в расположение наших войск выйду или к партизанам попаду, а попал к немцам. А ведь до фронта рукой подать оставалось. Весной они меня, оголодавшего и обессиленного, голыми руками взяли, когда я в стоге сена

спал. Похоже, что кто-то из местных меня увидел и сообщил. Там неподалеку железнодорожная станция была, где в это время наших военнопленных в вагоны грузили и в лагеря отправляли, наверное, это сборно-пересыльный пункт был. За день до моей поимки некоторые из пленных бежали, вот меня за одного из них и приняли, из-за военной формы. Потом лагерь для военнопленных под Гродно. Условия скотские, думал, не выживу. В начале июля сорок четвертого узнал, что наши войска близко. Помогло знание немецкого языка. Охранники, не подозревая о моих способностях, между собой разговаривали, а я подслушал. Из их разговора понял, что часть из нас планируют отправить дальше, в Германию, а часть уничтожить. Я рассказал об этом товарищам. Мы решили бежать. Воспользовались тем, что нас время от времени задействовали для строительства оборонительных сооружений, а иногда и как сельскохозяйственных рабочих. Мы бежали, когда нас вывели для работы в поле. Лучшего случая могло не представиться. Мы решили рискнуть. Нас было восемь человек. – Скоморохов вопросительно посмотрел на Шиловостова. – Фамилии называть?

Старший лейтенант затушил папиросу в пепельнице, отрицательно покачал головой:

– Не надо. Я слышал на допросе, да и стенографист всё, что ты говорил, на бумаге запечатлел.

– В полдень, когда охранников разморило на солнце, мы решились. При побеге разбежались в разные стороны, чтобы сбить с толка погоню. Не знаю, удалось ли уйти другим, а мне повезло. На пути попался ручей, я по нему пошел, наверное, этим сбил со следа овчарок. Мне на границе приходилось с ними работать, я собачьи повадки хорошо изучил. Чтобы еще больше запутать преследователей, пошел не на восток, а на запад. Ночью добрал до какого-то хутора, день просидел в сене в коровнике, а следующей ночью пошел на восток. На этот раз мне повезло, через четыре дня мучений вышел в расположение одной из частей Красной армии. Теперь вот перед вами.

Шиловостов задумчиво произнес:

– Понятно. С твоим делом крепко разбираться придется, когда что-то прояснится, я тебя вызову, а пока иди.

Скоморохов попрощался, вышел из кабинета. Теперь ему оставалось покорно ждать своей участи.

Один за другим потянулись изматывающие душу дни ожидания. На смену сентябрю пришел октябрь. Деревья начали сбрасывать разноцветные наряды, осыпая листвой землю. Скоморохов все чаще смотрел в серое неласковое небо на стаи перелётных птиц, летящих на юг, туда, где находился его родной город. Короткие дождливые дни казались Андрею неимоверно длинными и тягучими. Он ждал, что Шиловостов со дня на день вызовет его на допрос, но ожидания оказались тщетными. Долгожданный день пришел в ноябре. Как и в прошлый раз, за ним пришел усатый старшина.

Старший лейтенант встретил его в хорошем расположении духа:

– Садись, Скоморохов. Тут вот такое дело. Мне присвоено звание капитана...

– Поздравляю.

– Спасибо. В ближайшее время отбываю на фронт, но по твоему делу я кое-что еще могу сделать. Сведения о твоём пребывании в лагере военнопленных и побеге подтвердились, но с партизанским отрядом пока не всё ясно. Нет свидетелей. Немцы сожгли село, в котором проживали Ярына и Юрась, о которых ты говорил. Где они и живы ли – пока неизвестно. Так что достоверных сведений о том, что ты был в партизанском отряде, нет. Если бы они подтвердили твои показания, тогда дело пошло бы иначе, а теперь... Ты слышал про отдельные штурмовые стрелковые батальоны? – Шиловостов взял со стола бумагу, протянул Андрею. – Если не слышал, то читай. Только никому не говори, что я тебе давал эту бумагу в руки. Это всё, что я могу для тебя сделать. Думаю, так будет лучше, чем ГУЛАГ или штрафной батальон.

Скоморохов взял в руки листок, начал читать. Это был приказ народного комиссара обороны Иосифа Виссарионовича Сталина командующим войсками Московского, Приволжского и Сталинградского военных округов о формировании отдельных штурмовых стрелковых батальонов, от первого апреля сорок третьего года. Сердце лихорадочно забилося, ведь от того, что в нём написано, возможно, будет зависеть его дальнейшая судьба. Скоморохов стал жадно вчитываться в каждую строчку приказа:

«В целях предоставления возможности командно-начальствующему составу, находившемуся длительное время на территории, оккупированной противником, и не принимавшему участия в партизанских отрядах, с оружием в руках доказать свою преданность Родине приказываю:

1. Сформировать к 25 августа сего года из контингентов командно-начальствующего состава, содержащегося в специальных лагерях НКВД:

1-й и 2-й отдельные штурмовые стрелковые батальоны – в Московском военном округе, 3-й отдельный штурмовой батальон – в Приволжском военном округе, 4-й отдельный штурмовой стрелковый батальон – в Сталинградском военном округе».

Теперь глаза выхватывали из текста главное:

«Батальоны предназначаются для использования на наиболее активных участках фронта.

2. Укомплектование формируемых штурмовых батальонов произвести:

а) должностей командиров батальонов, заместителей командиров батальонов по политической части, начальников штабов, командиров рот – за счет лучшего, тщательно отобранного и хорошо подготовленного начальствующего состава, имеющего боевой опыт;

б) рядового, младшего начальствующего и остального начальствующего состава – за счет среднего и старшего начальствующего состава спецконтингентов...».

«Назначение на должности начальствующего состава как младшего, так и среднего произвести после тщательного отбора командиров из спецконтингентов...».

Скоморохов утер ладонью выступившую на лбу от волнения испарину, его взгляд наткнулся на самое важное:

«3. Срок пребывания личного состава в отдельных штурмовых стрелковых батальонах установить два месяца участия в боях либо до награждения орденом за проявленную доблесть в бою, до первого ранения, после чего личный состав при наличии хороших аттестаций может быть назначен в полевые войска на соответствующие должности командно-начальствующего состава».

Далее следовало:

«Всему личному составу, назначенному из спецлагерей НКВД, установить форму одежды соответственно занимаемым ими должностями в штурмовом батальоне».

Скоморохов дочитал приказ, перевел взгляд на Шилохвостова. Теперь уже капитан указал на приказ.

– Ну как? Все понятно? Или разъяснить?

– Понятно.

– Думаю, для тебя это выход. Скоро начнется формирование такого батальона. А значит, ты будешь снова в строю. Опять же оклады содержания по занимаемым должностям да плюс к тому семьям личного состава, назначенного в батальоны из спецлагерей, предоставляются все права и преимущества, определенные законом для семей начальствующего

состава.

– Я из детдома, и семьи у меня нет.

Шилохвостов вздохнул, понимающе кивнул.

– Но самое главное, что, пробыв в батальоне два месяца, ты, как и раньше, будешь командиром Красной армии, восстановленным в правах офицером. Если, конечно, останешься живым. В таких батальонах больше месяца наступлений мало кто выживает. Впрочем, и в других частях бойца в лучшем случае на два-три хороших боя хватает. С августа сорок третьего штурмовых батальонов, мне думается, не один десяток сформировано. Но у тебя есть хороший боевой опыт, в том числе и уличных боев в Перемышле и Львове, а это сейчас необходимо. Мы наступаем, всё чаще приходится брать крупные населенные пункты, а молодое пополнение зачастую к этому не готово. Так что твои навыки могут очень пригодиться, а потому постарайся остаться живым. – Шилохвостов встал.

Андрей тоже поднялся. Капитан протянул руку, крепко пожал ладонь Скоморохова.

– Ну, бывай, младший лейтенант. Меня направляют в ту же дивизию, куда и штурмовой батальон, в котором тебе предстоит служить. Так что, надеюсь, вскоре опять увидимся.

* * *

Батальон формировали здесь же, в специальном лагере НКВД, частично пополнили рядовым составом из контингента других лагерей округа, прислали командиров. Появление командира батальона, плотного сложения гвардии майора с крупным волевым лицом, ознаменовалось получением обмундирования и распределением рядового состава из спецконтингента по подразделениям батальона. Скоморохов попал в роту автоматчиков вместе с Арсением Голотой. Арсений надеялся, что после спецлагеря его снова направят в танковую часть, но случилось иначе, чему изрядно обрадовался Скоморохов. За время пребывания в специальном лагере он подружился с одесситом и убедился, что на него можно положиться. К тому же своим задорным неуёмным характером он не давал унывать и отвлекал от тяжёлых дум. Вот и сейчас он развлекал бойцов роты анекдотами.

– Идут, значит, по улице два одессита. Один каждую минуту вздыхает. Другой его спрашивает: «Абраша, в чем дело? Шо же ты так тяжело вздыхаешь?» Абрам отвечает: «Иду на работу и думаю, а вдруг к моей

Сарочке сосед придет переночевать!» Второй одессит говорит: «Как же он может переночевать, ведь сейчас день?» А Абрам ему: «Вы не знаете моего соседа, этот может и днем переночевать!»

Дружный хохот разлился по коридору. Веселье прервал рослый, сурового вида офицер:

– Отставить смех! Построиться в две шеренги!

Когда команда была исполнена, он продолжил:

– Я командир роты автоматчиков, старший лейтенант Филимонов. Сейчас вы последуете за мной для получения красноармейских книжек, а затем будете распределены по взводам. Налево! За мной, шагом марш!

Пока шли к кабинету, где выдавали красноармейские книжки, Скоморохов успел шепнуть Голоте:

– Надо проситься в один взвод.

Арсений сделал ехидное лицо.

– Я тебя умоляю, не надо меня уговаривать, я и так соглашусь. Ты же без меня с тоски помрешь.

Скоморохов улыбнулся:

– Куда без тебя, язвы, денешься.

– Это верно, и я тебя уважаю, хотя уже забыл, за что.

Получение книжек красноармейцев тоже не прошло без шуток Голоты. В графе «Звание и должность» у него было написано «красноармеец», а рядом – «младший лейтенант». У других бойцов роты из спецконтингента были такие же записи с указанием их прошлых званий.

– И как, скажите, вам это нравится? Это как же теперь мне честь отдавать командирам – как красноармеец или как лейтенант?

Ему ответил сухощавый подтянутый младший лейтенант со шрамом на правой щеке.

– Как, красноармеец, ваша фамилия?

– Голота.

Младший лейтенант достал из командирской сумки листок, пробежал глазами по списку.

– Арсений Михайлович?

– Так точно.

– Вы назначены в мой взвод.

– Товарищ младший лейтенант, а Скоморохова в вашем списке нема?

Младший лейтенант глянул на листок.

– Скоморохова нет.

Арсений сделал умоляющее лицо, указал на Андрея.

– Товарищ младший лейтенант, а можно его в ваш взвод? Мы с ним

неразлейвода. Он же без меня пропадет.

Младший лейтенант окинул внимательным взглядом Скоморохова.

– Хорошо. Попробую.

* * *

Младший лейтенант, фамилия которого, как выяснилось позже, была Рукавицын, сдержал слово, Скоморохов и Голота оказались в одном взводе. Кроме того, Андрея, по рекомендации капитана Шилохвостова, назначили командиром отделения с присвоением звания сержанта, чем был не очень доволен бывший майор интендантской службы по фамилии Трошкин, попавший к нему в подчинение. Вечером того же дня более девяти сот красноармейцев и командиров построили в просторном дворе спецлагеря. Бойцы ёжились от пронзительного холодного ветра, переступали с ноги на ногу. Свежий снег приятно хрустел под подошвами новых кирзовых сапог. Время от времени слышались перешептывания и смешки. Но вот появились старшие командиры, или, как теперь их следовало называть, – офицеры. Среди них Скоморохов увидел капитана Шилохвостова. Команда «смирно!» заставила всех подтянуться, лица стали серьезнее. К бойцам сформированного подразделения обратился командир батальона гвардии майор Миронов. В морозном воздухе его голос звучал резко и торжественно:

– Завтра наша воинская часть отправляется на фронт! Вам, бывшим командирам Рабоче-крестьянской Красной армии, оказана высокая честь доказать свою преданность Родине! Но запомните! Для вас на фронте сладкой жизни не будет! Особые штурмовые стрелковые батальоны созданы, чтобы воевать на самых опасных направлениях. Их задача: первое – проведение разведки боем с целью выявления огневых точек и рубежей противника. Второе – прорыв линии обороны врага для овладения стратегически важными рубежами, высотами и плацдармами. Третье – штурм линий обороны противника с целью совершения отвлекающих маневров и создания благоприятных условий для наступления на других направлениях. И четвертое – выполнение боевых задач в составе арьергарда для прикрытия частей Красной армии при отходе их на ранее подготовленные позиции. Вам, как бывшим командирам, должно быть понятно, что задачи эти – не легкие, требующие жертв, но выполнимые. Поэтому мы должны быть готовы осуществить их любой ценой!

Ночью следующего дня батальон погрузили в вагоны, и эшелон направился на запад. В теплушке, куда определили отделение Андрея Скоморохова, расположилось человек сорок красноармейцев. Утомленные и продрогшие на ветру и холоде бойцы быстро развели огонь в буржуйке, разлеглись по трехъярусным нарам. Вскоре со всех сторон послышались сопение, храп и сонное бормотание. К запаху сена и конского навоза добавился запах пота и сохнущих портянок. Скоморохов натянул стеганую телогрейку на голову. Теперь он оказался в своем маленьком мирке, где можно было на время относительно уединиться, подумать, помечтать. Так он делал и в детстве. В детдоме у него не было своего угла, а потому он с удовольствием ждал часа, когда перед сном, на короткое время, можно будет накрыться с головой суконным одеялом, отделиться от окружающей обстановки и отправиться в мир собственных мыслей и грез. Вот и сейчас после суматохи дня появилось время спокойно подумать. Мысли текли в такт мерному стуку колес: «На фронт – на фронт! На фронт – на фронт! На фронт – на фронт!» Судьба снова бросала его туда, где ожидали смерть, боль, страх, грязь, кровь, жестокость. Андрей знал, что там же встретятся предательство, подлость, глупость, разгильдяйство и несправедливость. И всё же на душе было некоторое чувство удовлетворения, ведь теперь, словно груз с плеч, спало неимоверное напряжение, которое он испытывал все дни пребывания в спецлагере. Теперь, пусть даже ценой своей крови или самой жизни, он сможет снять с себя незаслуженные подозрения. С этими мыслями Андрей повернулся спиной к буржуйке, от которой пошло приятное озябшему телу тепло, и погрузился в глубокий и безмятежный сон.

Утром его разбудил густой едкий дым махорки и громкий голос Арсения Голоты. Одессит, как всегда, балагурил и развлекал красноармейцев анекдотами.

– Сема, я слышал, вы женитесь! – Таки да! – И как вам ваша будущая супруга? – Ой, Беня, сколько людей, столько мнений. Моей маме нравится, а мне – нет!

Хохот разбудил Скоморохова окончательно. Андрей слез с нар, растер руками лицо, стал слушать очередной «шедевр» Голоты.

– Мадам, а шо, ваша дочь Циля выходит замуж? – Да, но понемножку...

Так с анекдотами, шутками, песнями, горькими думами и разговорами

ехали мимо разрушенных станций и городов, обезлюдивших сел, сожжённых деревень, радовались, глядя, как на запад один за другим идут эшелоны с танками, орудиями, боеприпасом и бойцами. Катилась в сторону Германии сила, способная сокрушить любого врага. За разговорами лучше узнавали друг друга. В неторопливых душевных беседах Скоморохов познакомился с судьбами некоторых бойцов своего отделения. Теперь он знал, что интеллигентный ленинградец Владимир Милованцев, двадцати двух лет от роду, худощавый, невысокого роста парень с темно-русыми волосами, родинкой на щеке и большими выразительными карими глазами прежде имел звание лейтенанта. Милованцева призвали со студенческой скамьи в первые дни войны. Владимир отличился в боях за Смоленск, испытал на себе всю тяжесть отступления, а в октябре сорок первого, во время переформирования его части, был направлен на трехмесячные курсы младших лейтенантов, после чего попал на Волховский фронт, где заслужил звание лейтенанта и стал командиром роты. Затем было зимнее наступление Второй ударной армии, Любанский котел, плен и лагерь для военнопленных. Белорус, бывший военветфельдшер Наум Щербеня, розовощекий, губастый увалень лет двадцати пяти с наивными, словно у ребенка, светло-кариими глазами попал в плен в первый месяц войны, во время окружения частей Красной армии под Белостоком. Науму повезло, немцы отпустили его домой. Родное село было недалеко от лагеря для военнопленных, и ему удалось послать весточку родителям, а они сумели подкупом и мольбами выволить свое чадо из немецкого плена. Щербеня так и прожил в родительском доме до прихода Красной армии. Армянин, старший техник-лейтенант Сурен Карапетян, горбоносый, с крупными чертами лица и широко расставленными черными глазами, спрятанными под густыми бровями, обладал недюжинной силой и бычьей шеей. Сила не помогла ему, когда он в начале сорок четвертого по приказу командования сопровождал машины с грузом в село, где должно было находиться подразделение Красной армии, но вместо своих колонну встретили немецкие пехотинцы и танки. Почти безоружным водителям пришлось сдаться. Ошибка командиров стоила Сурену полугодового нахождения в лагере военнопленных. Федор Еремеев, тридцатилетний молчун, сухопарый, жилистый, с рябым лицом, высоким морщинистым лбом и зеленоватыми печальными глазами, был старшим политруком. В сорок втором госпиталь, в котором он лежал после ранения, не успели эвакуировать, его захватили немцы. Еремееву, как «комиссару», грозила смерть, но одна из санитарок успела спрятать документы госпитализированных. Она же достала Федору гражданскую одежду и

сумела вывести из госпиталя, куда немцы стали привозить своих раненых. На следующий день тяжелораненых красноармейцев расстреляли, а остальных бойцов отправили в пересылочный лагерь. Еремееву удалось скрываться в доме влюбленной в него санитарки до прихода Красной армии. Как-то незаметно втерся в их компанию и пронырливый, деловитый Тихон Мокеевич Трошкин, бывший майор интендантской службы, лет сорока, выше среднего роста, массивного телосложения, с небольшим утиным носом, продолговатым лицом, маленькими прищуренными серыми глазами и ежиком седоватых волос на голове. Тот самый, который проявил недовольство назначением Скоморохова на должность командира отделения. Майора захватили в плен немецкие разведчики недалеко от его же части, но через месяц он был освобожден из плена и отправлен для проверки в спецлагерь НКВД.

С такими людьми Скоморохову предстояло вскоре окунуться в горнило войны...

* * *

Состав замедлил ход, дернулся, остановился. Кто-то шутливо крикнул: «Вылезай, приехали!» Открылась дверь, красноармейцы повалили из душного, со спертым воздухом, вагона наружу. Многие прихватили с собой котелки, чтобы набрать воды. Андрей надел шапку, накинул на плечи ватник и последовал за остальными. Очередная станция мало чем отличалась от других: маленькое невзрачное одноэтажное здание из красного кирпича, толпа гражданских и военных людей, крики, гомон, свистки паровозов. Скоморохов глотнул свежего воздуха с легким запахом креозота, исходящего от шпал, свернул «козью ножку», закурил. К нему присоединились Голота и Федор Еремеев. Не успели они выкурить самокрутки, как перед ними появился Трошкин с небольшой зеленой пачкой в руке.

– Вот, курите. Сигареты немецкие.

Голота удивленно спросил:

– Откуда?

– Откуда да откуда. Много будешь знать, быстро состаришься. Выменял у одного поляка.

– Смотрю я, ты, Тихон Мокеевич, хорошо грамотный. Не зря в интендантах ошивался.

Трошкин недовольно буркнул:

– Не ошивался, а служил.

Голота хлопнул себя по ляжкам.

– Ой! И шо вы такое говорите! Расскажешь бабушке про свою службу... – Арсений хотел добавить, но Скоморохов перебил:

– Ты говоришь, у поляка пачку обменял?

– Да. Польша-то рядом, до границы рукой подать.

Память вновь явила Андрею заставу, первые дни войны, оборону Перемышля, отступление. От смешанного чувства радости и горести защемило сердце, ком подкатил к горлу. Скоморохов взял из пачки сигарету, прикурил, нервно затянулся, отошел в сторону.

Трошкин пихнул Голоту плечом.

– Чего это с ним?

– Он от этой границы в июне сорок первого ушел, а теперь вот вернулся.

Команда «По вагонам!» прервала разговор. Скоморохов бросил недокуренную сигарету на землю, задавил каблуком сапога, неторопливо зашагал к вагону.

Через два часа эшелон снова остановился. Теперь уже на территории Польши. Здесь батальону было приказано выгружаться и пешим порядком следовать к месту назначения. Польской деревни достигли уже к вечеру. Бойцов расположили в деревянных бараках, которые прежде служили казармами солдатам одной из частей вермахта. В двух километрах от деревни находилась линия укреплений, брошенная ими при отступлении. Туда-то и направилась рота автоматчиков на следующий день. Началась подготовка к боевым действиям. Командир взвода младший лейтенант Рукавицын бойцов не щадил. К месту учений добирались бегом, по глубокому рыхлому снегу. Остановились в ста метрах от оврага, за которым начинались брошенные немцами укрепления: две линии проволочных заграждений и окопы. Не успели отдышаться, как поступила новая команда от комвзвода:

– Приказываю: преодолеть линию обороны противника, занять окопы, отразить атаку танков.

Трошкин не утерпел:

– Чем отражать? У нас ведь ни патронов нет, ни гранат. Да и какие танки? Говорят, что немцы отсюда далеко.

– Не так далеко, как вы думаете, красноармеец Трошкин. А танки наши. Стоят здесь на ремонте, вот мы и попросили их по окопам поездить, чтобы из вас танкобоязнь выбить, кто в этом нуждается. А подбивать их за неимением гранат вы будете снежными комьями.

Теперь возмутился Голота:

– Мы шо, дети, в снежки играть, или новобранцы необученные? Тут все командиры, хоть и бывшие. Некоторые с первых дней войны воюют.

К нему присоединились другие бойцы:

– Верно!

– Чего резину тянуть, отправили бы сразу на передовую!

– Скорее отличимся или ранение получим, скорее в строй вернемся в прежнем звании!

Лицо младшего лейтенанта словно окаменело, шрам на лице побагровел, голос сорвался на крик:

– Или пулю в лоб! Вы командиры! А потому должны воевать в два раза лучше! Многие из вас потеряли навыки, находясь в плену и на оккупированной территории, не участвуя при этом в боевых действиях. Для меня вы красноармейцы, которых я должен обучить! И я буду вас учить, невзирая на ваши прежние звания и заслуги! Потому что нам в скором времени предстоит вместе идти в бой, и от того, будем ли мы к нему готовы, будет зависеть наша жизнь! – Рукавицын снял шинель, повесил на сук дерева. – А теперь слушай мою команду! В атаку! За мной! Ура!

Командир взвода первым побежал по склону оврага. За ним с криками «ура!» устремились штурмовики.

Со склона скатились легко, утопая в снегу, миновали ложе оврага, с трудом преодолели подъем и уткнулись в колючую проволоку. С собой ни ножниц для разрезания «колючки», ни лопат и ножей, чтобы перерубить деревянные колья и проделать проход в заграждении. Помог боевой опыт и знания бывших командиров. Одни побросали на «колючку» ватники и шинели, другие стволами автоматов приподняли низ проволоки, помогая товарищам проползти под ней, а те, в свою очередь, оказавшись с другой стороны заграждений, проделали то же самое. Подобными способами преодолели второе проволочное заграждение и с ходу заняли окопы, на которые уже напоззали три тридцатьчетверки, тяжелый танк ИС-2, трактор и одна самоходная артиллерийская установка ИСУ-152. Она-то и двинулась на отделение Скоморохова.

Голота сдвинул шапку-ушанку на затылок.

– Ща «зверобой» нас утюжить начнет.

Скоморохов бросил удивленный взгляд на одессита:

– Кто?

Голота усмехнулся.

– Ну ты, сержант, и темнота. Засиделся ты в плену и в партизанах, от жизни отстал. Хотя верно, откуда тебе знать, когда ты в Красной армии

находился, таких машин еще не было. Впрочем, я и сам их после плена увидел и кое-что об них узнал. И вот шо я тебе скажу: эта самоходка лучшие фрицевские танки со звериными названиями, всякие там «Тигры», «Пантеры» и «Элефанты», как сэмачки лузгает. За то её и прозвали «зверобой», а немцы «консервным ножом» называют.

Скоморохов внимательно посмотрел на бронированную машину, жерло мощного ста пятидесятидвухмиллиметрового орудия грозно взирало на бойцов в окопе.

– Сейчас мы с ней поближе познакомимся, – сказал Андрей и громким голосом добавил: – Приготовиться к отражению атаки!

Отделение задачу выполнило, снежки летели точно в уязвимые места боевой машины, но снежные комья не могли её остановить. САУ неторопливо проползла через окоп над местом, где держали «оборону» Трошкин, Скоморохов и ленинградец Владимир Милованцев. Стоило машине миновать окоп, как в неё снова полетели снежные комья. Танки, трактор и САУ развернулись перед колючей проволокой и снова повторили маневр. И в этот раз отделение не дрогнуло. Все, кроме Трошкина. Бледный Тихон Мокеевич сидел на дне окопа с испуганным видом. Скоморохов строго посмотрел на бывшего интенданта:

– Почему не выполнили приказ по уничтожению танков?

Слова Андрея привели Трошкина в чувство. Он встал и несколько высокомерно произнес:

– А ты кто такой, чтобы мне указывать? Я старше тебя по званию и не обязан...

Тихон Мокеевич осекся, когда рядом с ним появился Голота. Арсений ухватил его за ворот ватника, потянул на себя, зашипел:

– Я шо-то не понял. Ты шо, интендант, с мозгами поссорился? Слушай сюда, дядя, ты был майором, а сейчас рядовой боец Красной армии, а потому делай, шо тебе говорят.

Голота уступал Тихону Трошкину в возрасте, телосложении и росте, но пугающий взгляд черных цыганских глаз одессита гипнотически действовал на бывшего интенданта, поэтому тот предпочел промолчать и даже не пытался сопротивляться.

Скоморохов окликнул Арсения, но тот заводился все больше.

– Ты, сявка, на кого хвост поднял? Ты на кого рыпаешься. Щаз я сделаю скандал, и тебе будет весело! Скоморохов опыт боевой имеет, с первого дня воюет, а ты наши харчи жрал, покуда мы кровь проливали. Может ты, крыса тыловая, нас в бой поведешь? Ты же чуть в штаны не наложил, когда самоходка на окоп наехала! Щас я тебя, морда, побью и не

дам плакать.

– Отставить!

Голос командира взвода заставил Голоту отпустить воротник Трошкина. Рукавицын строго глянул на Андрея:

– Скоморохов, что у вас происходит?!

Андрей виновато посмотрел на Рукавицына.

– Извините, товарищ младший лейтенант, больше не повторится. Исправимся.

– Исправляться будете завтра, на занятиях, а сейчас строиться и по моей команде бегом выдвигаемся к казармам.

На следующий день все повторилось. Только теперь в «атаку» шли во всеоружии, с саперными лопатами, ножами, автоматами, боевыми патронами и учебными гранатами. Младший лейтенант разделил взвод на две половины, и пока одна часть бойцов штурмовала линию обороны, другая поджидала её в окопах. Рукавицын предупредил:

– За окоп придется побороться. Тот, кто окажется поваленным на снег, будет считаться убитым в рукопашной схватке.

Отделение Скоморохова попало в отряд нападающих. Препятствие преодолели быстрее, чем в первый раз, но при приближении к окопам их встретили сослуживцы. Андрею достался рослый рыжеусый детина. Противник превосходил Скоморохова в росте и весе, а потому решил, что легко с ним справится. Он попытался ухватить Андрея за ворот ватника, но тот перехватил руку и переброшил его через бедро. Сурен Карапетян тоже оказался опытным борцом. Арсению Голоте повезло, со щуплым пареньком он справился быстро, а вот Владимиру Милованцеву добраться до траншеи не удалось. Его противник, коренастый грузин, неожиданно быстро кинулся ему в ноги и повалил на снег. Тем же приемом он попытался одолеть и Скоморохова, но Андрей вовремя отскочил и подсёк ногу нападающего, грузин уткнулся лицом в снег.

Из отделения Скоморохова до окопа добралась только половина бойцов. Не повезло белорусу Науму Щербене и Федору Еремееву. Трошкин устоял против двоих, пока к нему на помощь не подоспели Голота и Карапетян. Когда отдышались, Арсений обратился к Трошкину:

– А ты, дядя, как я погляжу, крепкий. Такого борова сразу на землю не повалишь. Как же немецким разведчикам удалось тебя упаковать?

Трошкин недовольно покосился на Голоту.

– Тебя прикладом по голове тюкнуть, посмотрел бы я тогда, как ты сопротивлялся.

Голота хотел съязвить, но в это время раздалась команда Рукавицына:

– Танки! Приготовиться к отражению атаки!

Вновь, как в предыдущий день, заревели моторы, заскрежетали гусеницы, бронированные машины поползли к окопу. На этот раз танки «поражали» учебными гранатами. Поразил цель и Трошкин. Урок прошлого дня пошёл ему на пользу. Отделение с задачей справилось, но учение на этом не закончилось. Рукавицын погнал взвод в поле, где заранее были расставлены чучела и мишени для стрельбы. Стреляли лежа, стоя, с колена из ружей и автоматов. После занятий Рукавицын похвалил Скоморохова за меткую стрельбу и приказал позаниматься с Наумом Щербеней и Трошкиным, чьи показатели оставляли желать лучшего. В тот же день обучались владению ножом. Рукавицын объяснил, что им, как штурмовикам, предстоит первыми брать вражеские укрепления и населённые пункты, а посему придется сталкиваться с противником в рукопашной схватке, где умение обращаться с ножом будет необходимо. На этих занятиях отличился Голота. На вопрос взводного, где он этому научился, Арсений ответил:

– Мне, товарищ младший лейтенант, до войны посчастливилось с одесской шпаной водиться, вот они и научили меня пером работать.

* * *

В казармы вернулись далеко за полдень, уставшие и злые. Даже неугомонному Сене Голоте не хватало сил для шуток и анекдотов.

Следующий день был не менее тяжелым. Комвзвода Рукавицын отвел их к полуразрушенным одноэтажным зданиям деревообрабатывающей фабрики, неподалеку от деревни. Здесь предстояло отрабатывать тактику ведения боя в населенных пунктах. Рукавицын рассказывал, как правильно действовать в уличных боях, в зданиях, советовал, передавал свой опыт, обретенный в боях за Сталинград.

– В таких боях надо иметь смекалку и быть предельно внимательным. Сержант Скоморохов!

Андрей шагнул вперед из шеренги.

– Первая задача твоему отделению. Поиграем в прятки. Я спрячусь в этих развалинах, а вы должны меня обнаружить. На поиск выдвигаетесь через две минуты. Помните, каждый должен иметь свой сектор обзора. И еще. Сейчас я для вас враг, который может вас убить, так что действуем, как в боевых условиях. Только не забудьте разрядить оружие, а то пальнете ненароком. Приказ ясен?

– Так точно.

Рукавицын побежал к фабрике. Через две минуты туда выдвинулись бойцы Скоморохова. Андрей разделил отделение на три группы. Две группы пошли на флангах с целью осмотреть строения справа и слева от основного корпуса, а Арсений Голота и Сурен Карапетян двинулись с ним к центральному входу. Подбирались перебежками, как положено в бою. Обитые железом ворота валялись на земле. Скоморохов подбежал к посечённой пулями и осколками стене с правой стороны от широкого и высокого проема, Карапетян и Голота с левой. Андрей быстро заглянул внутрь. Лучи солнца, проникая сквозь выбитые окна, дыры в кровле и стенах, освещали станки, груды древесного мусора, рухнувшие балки, обломки кирпичной кладки. По сигналу Скоморохова ворвались внутрь, прикрывая друг друга, как в бою, используя в качестве укрытия станки и груды кирпича, стали продвигаться внутрь в поисках взводного. Они обшарили каждый метр, но обнаружить младшего лейтенанта им не удалось. Приходилось возвращаться без Рукавицына. Когда подошли к выходу, Голота сказал:

– Похоже, взводный нас на понт взял. Сказал на фабрике искать, а сам сквозняком в лес ушел. Как пить дать, он нас уже на месте давно поджидает. Наверное, посмеивается...

Договорить Голота не успел. Под ноги ему упала граната РГ-42. Инстинкт, выработанный войной, заставил всех броситься на земляной пол. Штурмовики застыли в ожидании взрыва, но его не последовало. Сверху раздался голос Рукавицына:

– Убиты все.

Скоморохов и его товарищи поднялись на ноги. К ним присоединился взводный. Младший лейтенант спрыгнул с балки над входом, поднял гранату.

– Я же вас предупреждал – будьте предельно внимательными, а вы меня не заметили. Немец, как выражается красноармеец Голота, вас на понт брать не будет, но в общем действовали грамотно.

Вечером в казарме Рукавицын вручил Андрею потертую книжицу.

– Вот, держи, почитаете с бойцами. Весьма познавательное произведение.

Скоморохов посмотрел на книгу. На светло-коричневой обложке были изображены трое вооруженных красноармейцев в касках, бегущих по улице мимо трупов поверженных германских солдат. Над ними крупными черными буквами было напечатано название: «Из опыта уличных боев». Выше, в уголке, мелким шрифтом надпись: «Смерть немецким

оккупантам».

Книгу прочитали тем же вечером, невзирая на усталость, а рано утром поднялись по учебной тревоге. И снова, теперь уже всей ротой автоматчиков, совместно с танками шли на штурм укрепленной полосы, резали колючую проволоку, врывались в окопы, метали гранаты, брали «с боем» разрушенную фабрику.

В учениях один день сменял другой, наступил январь нового сорок пятого года. Красная армия один за другим освобождала от фашистов населенные пункты. Голота то и дело повторял:

– Скорее бы на передовую. Чего кашу по столу размазывать. Надоело уже в игры играть. Пока мы тут выжидаем, война таки и закончится.

Трошкин не выдержал, возразил:

– На тот свет торопишься. Чего тебе на передовой, медом намазано?

– Медом, может, и не намазано, но я, в отличие от тебя, не привык за спины других прятаться, у меня, дядя, горор, да и отмыться, и звание себе вернуть было бы неплохо.

– Ну-ну. Погоди, недолго осталось. Скоро посмотрим, какой ты герой.

Бывший интендант не ошибся. В один из дней начала января особый штурмовой стрелковый батальон в составе более девяти сотен бойцов был погружен на грузовики и доставлен к переправе на реке Висла. Выдвинулись ночью, в спешном порядке переправились на плацдарм. Плацдарм был захвачен в августе сорок четвертого года и составлял тридцать километров по фронту и десять в глубину. Здесь и предстояло штурмовому батальону принять свой первый бой. Командование Красной армии готовило крупное наступление. Задача стояла непростая. Частям, сосредоточенным на плацдарме, предстояло сломить сопротивление многочисленных сил германской армии и прорвать несколько хорошо укрепленных линий обороны. Первыми на прорыв должны были пойти штурмовые батальоны.

* * *

В преддверии наступления автоматчиками усилили другие роты штурмового батальона. Взвод Рукавицына попал в подчинение к Коробкову, старшему лейтенанту, прежде служившему в тыловой части. Командир роты в боевых действиях участия не принимал, пороку не нюхал, но зато был строг, гонорист и с недоверием относился к бывшим обитателям спецлагеря, считая их предателями и ненадежными бойцами.

Свое негативное отношение он перенес и на Рукавицына. Участник боев за Сталинград в свою очередь, как, впрочем, и остальные бойцы его взвода, неприязненно поглядывал на «тыловика». Узкое лицо, тонкие губы, холодный, несколько высокомерный взгляд светло-серых глаз не вызывали к ротному доброго отношения среди штурмовиков.

Голота сетовал:

– Нутром чую, этот фраер нас в первом же бою всех положит.

Скоморохов успокаивал:

– Не каркай, мы его в деле ещё не видели. Война людей меняет. Может, после первого боя другим станет. Если живой останется.

Ночью в тесной землянке, где расположились бойцы его отделения, Скоморохову снова пришлось говорить о ротном Коробкове, только теперь с ленинградцем Владимиром Милованцевым. Андрей проснулся по нужде, а когда вернулся, то увидел в тусклом мерцающем свете керосиновой лампы ленинградца. Тот сидел на нарах. Андрей сел рядом, тихо спросил:

– Ты чего не спишь?

– Я все про Коробкова думаю.

– Чего про него думать. Бой покажет, какой он командир.

– Голота сказал, что он нас всех положит. Я не знаю, как он, а я уже положил.

Скоморохов удивленно посмотрел на товарища.

– Кого?

– Бойцов своих. Там, под Любанью, в сорок втором. – Владимир сжал кулаки. – Ведь можно было бы пойти против приказа командования и атаковать немецкие позиции с флангов, а я... Пошли в лоб, огонь шквальный, залегли. Зима, мороз, а головы не поднимешь. Лежим, я в тулупе, бойцы в шинельках, все плохо обученное пополнение, новобранцы чуть младше меня... Пытался поднять их в атаку, самого ранило, и ребят многих погубил. Дождались темноты, отступили. От роты и половины не осталось. Многие там, на поле, так и замерзли... А на тех, которые в живых остались, страшно было смотреть. Израненные, с отмороженными щеками, носами, пальцами на руках и ногах. И лица у них почерневшие с красными глазами. Они мне часто снятся. Молчат, смотрят с упреком. На мне вина. Я же тогда только о себе думал, боялся, чтобы не расстреляли за невыполнение приказа. Если кого из них встречу, как в глаза буду смотреть? Лучше бы меня тогда убили.

Скоморохов свернул самокрутку, закурил.

– Могли и убить. Только бойцам твоим легче от этого не стало бы. В начале войны многие командиры вот так вот первыми под пули шли.

Сколько тогда командного состава, особенно среднего, повыбили? И это тоже одна из причин неразберихи, которая тогда была. А ты себя не кори. Война есть война. Ты приказ получил, а приказы надо выполнять. Будешь много думать, с ума сойдешь. Опять же, ты интеллигент, музыкант, у тебя натура тонкая, вот совесть и мучает. – Андрей попытался перевести разговор в другое русло: – У меня, может, тоже натура тонкая. Может, я вообще из графского сословия, к нам в Астрахань после революции кого только не ссылали, из Москвы и тогдашнего Петрограда. И бывших купцов, и дворян, и офицеров. Я одного дворника знал, так он говорил, что он графских кровей...

Милованцев неожиданно вскинулся:

– А тебя совесть не мучает? Бездарно и бездумно людей губить, это правильно? Я видел, как солдаты от голода, от дизентерии, от болезней, раненые, без помощи умирали. Перевязочного материала нет, вокруг крики, стоны, грязь, вонь, вши, а некоторые командиры в это время чай с баранками пили, папиросы дорогие курили и спиртное колбасой заедали, а ночью женщин в постели тискали. А у голодных бойцов в голове только одна мысль: «Жрать, жрать, жрать!» Духовного ничего, одно скотское. Мародерством не брезговали, продукты у убитых немцев забирали, а генералы вперед по нашим трупам шли за орденами и званиями. Это правильно?! В первые дни на войну с песнями и плясками, под гармошку отправлялись, думали, немца быстро разобьем, а оно вон как вышло.

На соседних нарах перевернулся с бока на бок Тихон Трошкин. Скоморохов пихнул Владимира локтем в бок.

– Тихо, ребят разбудишь. Ты, Володя, всех под одну гребенку не греби. Я вот не успел попробовать сладкой командирской жизни во время войны. Все люди разные. Есть и дерьмо, но многие честно воюют, а некоторые уже жизнь свою отдали. За иного командира боец и на смерть готов идти. И прежде такое в разные времена было, вспомни Суворова, Кутузова и других полководцев. Их же солдаты любили и уважали. Мы ведь здесь тоже, может, пока и бывшие, но командиры. Да и мысли свои старайся при себе держать. Забыл, что мы доверие должны оправдать, а с такими речами можно и в ГУЛАг загреметь, а то и под расстрел себя подвести. И стыдить меня не надо. Я ведь тоже много чего повидал – и в котле под Уманью, и в лагере для военнопленных. Войны без жертв не бывает. Война штука злая, а воевать надо и родину защищать надо. Да и не мы эту войну начали, немцы сами к нам пожаловали. Не бежать же от них было. Ты сам видел, что эти сволочи натворили. – Андрей замолчал, перед глазами всплыли страшные картины: похороненная под обломками дома семья Ковальчука,

мертвая Варя, доведенные до скотского состояния советские военнопленные, сожжённые села, разрушенные города.

Милованцев поежился, накинул на плечи ватник.

– Это верно, родину защищать надо. Только не привыкли у нас жизнь солдата ценить. Вот что обидно. Я ведь, как и ты, с простого красноармейца начинал. Все помню. Потом, когда сам командиром стал, посмотрелся. И как по льду Волхова в атаку шли волнами, одна за другой, открыто, словно на расстрел. Кругом смерть: впереди, сверху, под ногами. И как голодные бойцы ремни, траву, дохлых лошадей ели, помню, как из котла прорывались по коридору. Шли толпами и умирали сотнями, там же, под огнем немцев. А потом по трупам и по брошенным раненым бойцам ехали наши же танки, трактора, машины, превращая их в кровавую кашу из мяса и грязи. Сколько их, не похороненных?! – Владимир наклонился, закрыл лицо ладонями. Скоморохов заметил, что тело его сотрясает дрожь. Он положил руку ему на плечо.

– Чего это тебя трясет? Ты, часом, не заболел ли? Может, тебе закурить дать или спиртику у Трошкина спросить?

Милованцев лихорадочным взглядом посмотрел на Андрея.

– Не надо. Это от нервов. Я не болен. Душа болит.

Скоморохов затушил самокрутку.

– У всех болит. Война всех задела. Много от неё горя, много несправедливости, подлости, мерзости и бесчеловечности. Всё на войне бывает, и случаи рукоприкладства, и расстрелы без суда и следствия. Я тебя понимаю, но как иначе? Мы не в силах что-либо изменить. Поэтому и приходится порой побеждать ценой многих жизней и духом. На врага с винтовкой наперевес, ура, коли! Благо сейчас научились с немцем воевать, наступаем, да и со снабжением и вооружением куда лучше, чем в начале войны. Скорее бы она кончилась... Ничего, война пройдет, вернешься домой к родным, а время раны залечит.

– У меня все близкие от голода умерли в Ленинграде, во время блокады.

– А я и семьи-то не видел.

Помолчали, мысленно вспомнили тех, кто ушел из жизни за время войны. Скоморохов прервал тягостное молчание:

– Знаешь, я ведь в то, что мы победим, с самого начала войны верил. Даже когда отступали и когда в плену был. И думается мне, что после победы, после этой мясорубки, после этого ужаса люди станут добрее, честнее, лучше. И не только в нашей стране. Наверное, тогда и жить станет намного лучше.

– Нет, Андрей, это утопия. Ты неплохо знаешь историю и должен понимать, что человека не переделать. Уроки прошлого и многие кровавые войны, к сожалению, ничему не научили человечество. Неистребимое стремление унижить другого, возвыситься, прийти к неограниченной власти, повелевать другими, стяжать себе богатства правдой и неправдой. Ложь, жестокость, жажда наживы и другие пороки всегда будут жить в людях.

– Наверное, ты прав, но всё же хочется верить, что после этой войны мы станем чуточку лучше. Не забывай, что кроме пороков есть и иные чувства: доброта, любовь, дружба...

Милованцев тяжело вздохнул, философски изрек:

– А значит, что война добра и зла будет продолжаться вечно.

Скоморохов зевнул.

– Ну, хватит разглагольствований. У каждого своя правда. Давай спать, надо сил набираться, они нам скоро понадобятся.

* * *

На следующий день Андрея ждал еще один серьезный разговор и неожиданная встреча. В полдень в землянку вошел среднего роста, лысоватый, с крупной лобастой головой сержант, лет сорока. Окинув присутствующих взглядом больших темно-серых навывкате глаз, представился:

– Сержант Проскурин. Кто у вас здесь командир отделения?

Андрей встал с нар, подтянул ремень, негромко сказал:

– Сержант Скоморохов.

Проскурин резко повернулся, прищурился, пытаясь в полумраке землянки лучше разглядеть его лицо. Андрей шагнул к деревянному, сколоченному из досок столу, на котором стояла керосиновая лампа. Тусклый свет упал на его лицо.

– Что, не узнаете, товарищ бывший старший лейтенант?

– Извините, не припомню.

Скоморохов подметил, что голос у него дрогнул. «Значит, все-таки признал». Проскурин продолжил более спокойным голосом:

– Меня прислал командир роты, старший лейтенант Коробков. Нашим отделениям предстоит действовать в наступлении совместно. Старший лейтенант приказал нам явиться к нему для получения задания.

Скоморохов надел ватник, шапку, взял в руки автомат.

– Что ж, пойдём, сержант.

Они не отошли от землянки и десяти шагов, когда Скоморохов остановил Проскурина:

– Постой.

Проскурин остановился. Скоморохов приблизил лицо к его лицу, тихо сказал:

– Значит, говоришь, не помнишь меня? А окружение под Уманью в сорок первом ты помнишь? Как уговаривал всех сдаться в плен? Как струсил во время побега, ты тоже забыл? И ты, гнида, бойцов расстреливал! Ты же Бондаренко вот этими руками... – гнев захлестнул Андрея, ладонь правой руки сжалась в кулак, ему с трудом удалось сдержаться, чтобы не ударить бывшего командира батальона. – Ничего, я тебя, падла, на чистую воду выведу. Такие мрази, как ты, не должны ходить безнаказанно по земле.

Скоморохов отпрянул от Проскурина, пригнулся и двинулся по траншее к блиндажу командира роты. Проскурин последовал за ним.

Не прошло и получаса, как Скоморохов вышел от командира роты. Старший лейтенант Коробков поставил автоматчикам задачу поддержать огнем штурмовые отряды. Автоматчиков разделили на три группы. Двум предстояло действовать на правом и левом флангах, а отделение Скоморохова было придано в помощь передовому отряду, который возглавил ненавистный ему сержант Проскурин. Андрея так и подмывало рассказать командирам о его прошлом и поступках, но ему подумалось, что сейчас не подходящее время, и решил вернуться к этому вопросу после боя, если им суждено будет остаться в живых. В специальном лагере НКВД он не стал рассказывать капитану Шиловостову про Проскурина, сомневался и сейчас, стоит ли докладывать командованию о трусости бывшего комбата, не знал, имеет ли на это право, ведь человек мог искупить кровью свои проступки. Но сейчас его больше тревожила иная задача, и она была не из легких. Скоморохов знал, что значит идти в бой первым... Однако и до боя надо было дожить. На их участке то и дело постреливали снайперы. Их жертвами стали уже двое бойцов из роты. Голота, зная умение Скоморохова метко стрелять, предложил ему поохотиться за немецкими стрелками, но Андрей отказался, полагая, что кроме умения хорошо стрелять в борьбе против опытного снайпера нужны особые навыки...

Его мысли прервали звуки музыки, после недолгого звучания которой хриловатый голос из громкоговорителя, со стороны позиций Красной армии, стал призывать солдат вермахта прекратить бессмысленное сопротивление и кровопролитие, предлагал сложить оружие, сдаваться в

плен и бороться против Гитлера. Тем, кто предпочтет сдаться, гарантировали жизнь и безопасность. На память Андрею пришло окружение под Уманью, когда немцы вот так же предлагали голодным красноармейцам сдаваться...

На призывы из громкоговорителя немцы ответили огнем из пулемета. Тут-то Андрей и увидел Трошкина. Из-за начавшейся на их участке перестрелки Тихон Мокеевич не услышал его приближения. Трошкин находился в карауле, но то, что он делал, Скоморохова удивило. Вместо того чтобы внимательно наблюдать за позициями неприятеля, он вжал голову в плечи и поднял левую руку с надетой на кулак шапкой-ушанкой над бруствером.

«Голосует, сволочь!» – мелькнуло в голове Скоморохова. Он кинулся к Трошкину, сбил с ног, прижал к земле. Над головой запоздало просвистела пуля.

– Ты что, гад, удумал?! Членовредительством занимаешься! В «самострелы» решил записаться?! Под трибунал захотел?!

Трошкин испуганно залепетал:

– Прости! Прости, сержант! Испугался! У меня трое детишек и жена, а войне скоро конец. Мне жить надо!

Голос Скоморохова сорвался на хрип:

– А другим не надо?!

Трошкин сглотнул слюну.

– Не губи! Я тебе спирт, папиросы...

Гнев окатил Андрея, пальцы вцепились в горло бывшего майора интендантской службы.

– Купить меня хочешь, гнида?!

Лицо Трошкина покраснело, глаза закатились, он замотал головой. Скоморохов ослабил хватку. Трошкин вдохнул воздуха, сдавленным голосом произнес:

– Нет, нет! Что ты!

– Искупишь кровью! Завтра, в бою! И не забывай, ранение – спасение, а самострел – расстрел.

– Ладно, ладно! Понял!

Андрей поднялся.

– Вставай!

Трошкин вскочил на ноги, торопливо надел на голову ушанку.

– Искуплю! Всю вину искуплю! Только ты не говори никому. По гроб жизни буду тебе обязан! И я не скажу, о чем вы с Милованцевым в землянке ночью говорили.

– Ну и паскудная у тебя душонка, Тихон Мокеевич. – Скоморохов брезгливо посмотрел на Трошкина, сплюнул себе под ноги, пошел дальше.

У входа в землянку его подждал Арсений Голота.

– Ну шо, командир, какие новости принес? О чем с ротным толковали?

– Сбылась, Сеня, твоя мечта, готовься с немцами потолковать по душам.

Голота потер ладони.

– Это хорошо, у меня давно руки чешутся посчитаться с этими паразитами и за свой экипаж и за Одессу.

Андрей собрался войти в землянку, но Голота остановил его вопросом:

– А шо, знакомый твой так тебя и не признал или ты обознался?

– Не обознался. Помнишь, я тебе рассказывал про командира батальона, который бойца из нашей заставы расстрелял, а потом сам красноармейцев убеждал немцам сдаться.

– Это что, он?

– Он.

– Вот гнида!

– С этой гнидой нам в бой предстоит идти. Придет время, он за свои подлости поплатится, а пока пойдем в землянку, мне надо вам задачу разъяснить.

* * *

Холодное январское утро отделение Андрея Скоморохова встретило в траншее. Час назад им пришлось покинуть теплую землянку и в предрассветной мгле выдвинуться на исходные позиции. Теперь все ожидали сигнала к атаке. Время будто замедлилось, напряжение перед боем чувствовалось в каждом звуке, каждом жесте, каждом взгляде. Милованцев вглядывался в сторону скрытых за туманом немецких позиций, гладил вороненый ствол автомата. Сурен Карапетян тихо, почти шепотом, напевал себе под нос песню на армянском языке. Андрей заметил, как Федор Еремеев тайком достал из-за пазухи фотографию, мельком глянул, сунул обратно. Была ли это фотография санитарки, которая скрывала его от немцев, или фотография семьи, жены и двоих детей, которые находились в Костроме, Скоморохов не знал. У него не имелось фотографий близких людей, а потому он смотрел на товарищей по оружию. Было заметно, что больше всех нервничает белорус Наум Щербеня. Он то и дело утирал пот со лба, тер подбородок, кусал губы. Ему еще не приходилось участвовать в

атаке. Волнение не миновало и самого Андрея, он чувствовал, как часто колотится в груди сердце. На ум снова пришло окружение под Уманью, ведь именно там, летом сорок первого года, ему в последний раз довелось идти в атаку во время прорыва батальона Проскурина. Много воды утекло с той поры. Сейчас бывший командир батальона был рядом, только теперь в звании сержанта. Скоморохов надеялся, что эта атака не приведет их к плену, как в тот раз. Тогда Красной армии приходилось обороняться, биться в окружении и отступать, теперь настал черед немцев. Война штука непредсказуемая, это она в начале войны свела его с Шиловостовым, потом с Проскуриным, затем разбросала по разным сторонам, а теперь вот чудесным образом им приходится воевать в одной части. Андрей перевел взгляд на Трошкина и Голоту. Они сидели на корточках. Арсений, глубоко затягиваясь, курил зажатую в кулаке сигарку. Трошкин, глядя в темное, занавешенное свинцовыми облаками небо, тихо сказал:

– Хреново, в такую погоду авиация нам не поможет.

Голота затушил окурок, поднялся.

– Ничего, и без них справимся.

Словно в подтверждение его слов, по немецким позициям ударила артиллерия. «Бог войны» боеприпасов не жалел. Орудия и минометы обрушили на солдат вермахта шквал огня. Оглушающая канонада разорвала воздух, земля содрогнулась, дрожь от земли передалась людям. Андрей посмотрел в сторону немецких позиций. Такого интенсивного артобстрела он не видел ни в финскую, ни в начале этой войны. Туман смешался с дымом и всполохами взрывов, которые превратились в сплошное огненное зарево. Это был ад. Именно туда им вскоре предстояло идти...

Ожидание изматывало, давило на нервы.

«Скорее бы уже началось», – мелькнуло в голове Скоморохова.

Ждать пришлось недолго. Еще не закончилась артподготовка, а по траншее уже поползло: «Приготовиться к атаке!» Еще минута, и в темно-серое небо взмыли сигнальные ракеты. В атаку пошли штурмовые батальоны. Без криков «ура!» – вперед, бегом за огненным валом, по рыхлому снегу, превращая его в грязное месиво. Впереди минное поле. Штурмовики устремились в проходы, сделанные накануне ночью сапёрами. Некоторые саперы бежали вместе с атакующими, чтобы прийти на помощь в случае надобности. За штурмовиками еще группа саперов. Этим предстоит расширить проходы для наступления основных сил. Справа раздался взрыв мины. Один из бойцов отделения Проскурина увлекся атакой и стал первой жертвой этого боя. Оторванная нога упала

перед Скомороховым. Кровь брызнула на белый снег. Андрей едва не наступил на этот обрывок человеческой плоти, споткнулся, побежал дальше.

Первый ряд колючей проволоки уже обработали саперы, а потому препятствие преодолели с ходу. Еще с двумя рядами «колючки» пришлось повозиться, но недолго. Сказались тренировки на полигоне у польского селения. Подсобили и саперы. Часть заграждений была сметена огнем артиллерии. Штурмовики прорвались сквозь проволочные заграждения, когда раздались редкие запоздалые выстрелы немцев. Слева застрочил немецкий пулемет, но остановить натиск штурмового батальона огонь немецких солдат уже не мог. Вот тут-то и раздалось «ура!». Штурмовики с выпученными глазами и разинутыми в крике ртами ринулись на противника.

В первой траншее немцев оказалось мало, а потому особого сопротивления они не оказали. К тому же воины фюрера были ошарашены столь сильным обстрелом и стремительной атакой. Об этом Скоморохов узнал от пленных, которых Голота и Трошкин вытащили из полуразрушенного блиндажа. Арсений Голота, с трофейным немецким автоматом в руках, подтолкнул одного из них, круглолицего, лет пятидесяти фельдфебеля, к Андрею:

– Принимай, товарищ сержант, подарок. Тявкает, собака, без остановки. Может, объяснишь, шо ему, паразиту, надо. Ты по-немецки разумеешь.

Фельдфебель просил о пощаде для себя и своего подчиненного. Скоморохов посмотрел на второго немца. Совсем юнец, над верхней губой едва заметный рыжий пушок, безумные, полные ужаса светло-серые глаза, бледное лицо. Видимо, ему впервые пришлось узнать, что такое настоящая война. Его тонкие длинные пальцы судорожно вцепились в рукав фельдфебеля, тело время от времени содрогалось, а губы, не переставая, шептали:

– Найн! Найн! Найн!

«Похоже, сопляк умом тронулся», – подумал Андрей и снова перевел взгляд на фельдфебеля. Он продолжал торопливо говорить. С его слов Скоморохов понял, что немцы знали о начале наступления Красной армии и примерном времени артподготовки, а потому, следуя испытанной тактике, отвели основную часть своих солдат из первой траншеи во вторую и третью. Те, кому довелось остаться в первой траншее, переживали артподготовку в укрытиях, в надежде по её окончании, через час или полтора, занять боевые позиции и встретить огнем наступающие цепи

бойцов Красной армии. Расчет не оправдался. Артподготовка продлилась меньше, чем они ожидали, но сила её была сокрушительной. К тому же преждевременная атака штурмовиков оказалась для немецких солдат неожиданностью. Этой неожиданностью стоило воспользоваться. Такого мнения были и командиры. Взводный младший лейтенант Рукавицын хрипло крикнул:

– Сержант! Чего стоим! По данным разведки, впереди еще девять линий немецких траншей. Пленных под охраной отправь на наши позиции, здесь их оставлять опасно, они могут дать ценные сведения, а сам готовь отделение к атаке!

Скоморохов повернулся к Голоте и Трошкину, кивнул в сторону пленных немцев:

– Берите свой «трофей», ведите к нашим. И не задерживайтесь, сейчас каждый человек на счету. – остальным бойцам отделения приказал: – Приготовиться к атаке!

* * *

Атака не заставила себя ждать. Не прошло и пятнадцати минут, как отделение Скоморохова ринулось по ходу сообщения к следующей траншее. Артиллеристы постарались. Ходы сообщения, траншея и укрытия немцев были словно перепаханы вдоль и поперек гигантским плугом. Повсюду лежали, перемешанные с землей и снегом, обезображенные трупы, окровавленные части тел и внутренности солдат вермахта. Тактика ухода в начале обстрела из первой траншеи во вторую и третью на этот раз себя не оправдала. Отсидеться не удалось. Основной удар артиллеристы Красной армии нанесли как раз по второй и третьей траншеям. Взгляд Скоморохова скользнул по безголовому немцу в белом, забрызганном кровью, мозгами и грязью маскировочном костюме. Его руки крепко сжимали снайперскую винтовку, обезображенная голова лежала рядом.

«Может, это тот самый снайпер, который тревожил наши позиции в последнее время? Выходит, получил то, что заслужил», – мелькнуло в голове у Скоморохова.

Снаряды изрядно проредили обороняющихся, но немало осталось и тех, кто был способен держать оружие и драться. С ними-то и вступили в схватку штурмовики.

В месте соединения хода сообщения со второй траншеей их поджидали немцы. Винтовочный и автоматный огонь заставил отделение

остановиться. Пуля скользнула по каске Скоморохова, он присел на колени, выстрелил из автомата. Федор Еремеев бросил гранату и тут же повалился на командира. Огонь со стороны стыка траншеи и хода сообщения прекратился, бросок Еремеева достиг цели.

– Вперед! – крикнул Андрей, освобождаясь от навалившегося на него Еремеева. Бывший старший политрук был ещё жив. Его побитое оспой лицо побледнело, пальцы вцепились в рукав ватника Скоморохова. Андрей положил его на спину, расстегнул ватник. На окровавленной гимнастерке в области живота зияли три пулевых отверстия. Федор посмотрел на Андрея мутным взглядом, слабеющим голосом произнес:

– Командир, я умираю. В кармане письма... отправь...

Это были его последние слова. Глаза Еремеева закатились, тело обмякло, голова безвольно повисла на руке Скоморохова. Он положил её на землю, расстегнул нагрудный карман гимнастерки, вытащил два треугольника. Одно письмо было предназначено семье в Кострому, другое – санитарке в Житомир. Андрей сунул их за пазуху.

Скоморохов не заметил, как в трех метрах за его спиной появился сержант Проскурин. Он огляделся, направил ствол ППШ на Андрея. Его лицо выражало ненависть, а указательный палец готов был нажать спусковой крючок, но в это время рядом раздалась короткая очередь из немецкого автомата. Проскурин дернулся, но выстрелить успел. Пули пролетели над головой Андрея. Он привалился спиной к стене хода сообщения, приготовил автомат к стрельбе. Стрелять не пришлось. Перед ним стоял Голота, позади маячил Трошкин. Рядом, лицом вниз, лежал труп сержанта Красной армии. Голота перевернул его на спину. Это был действительно Проскурин. Скоморохов поднялся, недоуменно посмотрел на Арсения. Одессит кивнул на убитого сержанта:

– Мы пленных отвели и обратно в первую траншею. Гляжу, эта сволочь крадется, по сторонам озирается, явно недоброе дело затеял. Потом тебя увидел, наш разговор вспомнил о Проскурине. Смекнул, решил этот ффаер тебя, как свидетеля своих гнусных дел, убрать. Ну а когда он на тебя ствол направил, я долго думать не стал. Хорошо, успел, иначе ты бы, как Федор. – Голота перевел взгляд на тело Еремеева, потом посмотрел на Трошкина. – А ты забудь, что видел.

Трошкин испуганно изрек:

– Да я это, я никогда.

– Смотри, а то...

Скоморохов прервал Голоту:

– Разговоры потом. За мной!

Арсений обиженно произнес:

– И никакой тебе благодарности. Я ему зараз жизнь спас, а он.

Во второй траншее завязалась рукопашная схватка, в ход пошли штыки, приклады, кулаки, ножи, саперные лопаты. Скоморохов наравлся на рослого немца, выстрелил в упор. Немец рухнул ему под ноги. Андрей споткнулся о труп, упал на дно траншеи. Сверху на него навалился еще один немецкий солдат. Противник оказался щуплым. Сержанту удалось сбросить его с себя и перевернуться на спину, но противник вновь оказался сверху. Крепкие пальцы впились в горло Андрея, дыхание перехватило. С каждой секундой дышать становилось труднее. Немец словно хотел утопить его в жиже из снега, грязи и крови. Он видел перекошенное напряжением лицо солдата вермахта, наполненные злобой светло-серые глаза. На них-то, что было сил, и надавил большими пальцами рук. Немец ослабил хватку, этого Скоморохову хватило, чтобы сбросить его с себя во второй раз. Несколько ударов прикладом автомата, и лицо немца превратилось в кровавое месиво. Когда немецкий солдат затих, Андрей тяжело поднялся на ноги. Борьба с немцем забрала у него немало сил, но схватка с противником еще не закончилась. Взгляд упал на спину немца, который, прижав к земле Милованцева, избивал того кулаками. Удар прикладом в голову сбил его с Милованцева. Короткая очередь, и цепочка пулевых отверстий украсила зеленовато-серую шинель солдата вермахта. Смотреть, в каком Милованцев состоянии, времени не было. Теперь опасность нависла над Голотой. Арсений при помощи ножа расправился со своим противником, но не заметил, как сзади, из блиндажа, выскочил немецкий офицер в фуражке с пистолетом в руках. Окрик Скоморохова «Сеня, сзади!» – заставил Голоту метнуться в сторону. Офицер запоздало выстрелил и промахнулся. Скоморохов промаха не допустил. Немец вскинул руки вверх и упал на своего, поверженного Голотой, подчиненного. Фуражка упала с головы офицера, оголяя лысую, без единого волоска голову. В блиндаж, стреляя из автомата, ворвался Милованцев. Не прошло и полминуты, как он снова появился в траншее.

– Один убитый, больше никого.

Бой закончился, теперь и вторая траншея была в руках штурмовиков. Арсений глянул на убитого офицера, перевел взгляд на Андрея.

– Вот черт лысый! Чуть не уколошил. Спасибо, сержант, вовремя ты долг вернул.

– Как ни вертись, а с должником расплатись, – устало ответил Скоморохов.

Вокруг него собирались его бойцы. Восемь усталых, перепачканных

грязью, гарью, чужой и своей кровью красноармейцев из его отделения. Все, кому повезло выжить в жестокой схватке с врагом. Имелись и раненые. Один из бойцов был ранен в ногу, его следовало отправить в тыл. Голота не смолчал:

– Повезло же тебе, паря, кровью искупил, восстановил-таки доверие, да и война для тебя, считай, закончилась. – Арсений посмотрел на разбитое во время рукопашной лицо Милованцева и на Сурена Карапетяна. – А вам с вашими болячками еще придется немного повоевать. Тебе, Сурен, в особенности, поскольку укус раной не считается. Но к санитару все-таки обратись, вдруг немец этот бешеным был.

Сурен посмотрел на укушенную во время схватки с немецким солдатом кисть руки, потом на Голоту.

– Э-э, сам ты бешеный!

Над окопом разлетелся дружный смех. Смех среди трупов, крови и войны.

Передышка была короткой. В десять часов утра, после непродолжительной, но интенсивной артподготовки, штурмовики снова поднялись в атаку. Многоголосое «ура!» и рев военной техники взорвали воздух. В сражение вступили главные силы. Отяжелевшие ноги снова понесли бойцов к вражеским позициям.

С ходу взять третью траншею не удалось. Роту старшего лейтенанта Коробкова остановили пулеметы. Несмотря на мощный артиллерийский обстрел, на этом участке наступления уцелел дзот и пулеметное гнездо. Командир роты раз за разом поднимал людей в атаку, но огонь пулеметов заставлял штурмовиков снова ложиться на снег. Отделение Скоморохова располагалось в большой воронке: на два десятка метров левее пулеметного гнезда и на десяток метров ближе к траншее противника. Сюда-то и приполз командир взвода младший лейтенант Рукавицын. Утерев рукавом перепачканное грязью лицо, обратился к Скоморохову:

– Как дела, сержант?

– Хреново.

– Вижу. Пока ротный нас всех здесь не положил, надо действовать.

Андрей зло бросил:

– Мы для него штрафники, а штрафников не жалко.

– Бог ему судья, а наше дело выжить. Слушай задачу, сержант. Вы ближе всех к позиции немцев, а потому вся надежда на ваше отделение. Рота поддержит пулеметным и винтовочным огнем и отвлечет ложной атакой. Ваша задача ворваться в траншею противника, добраться до пулеметного гнезда и уничтожить огневую точку. Я следом подниму

автоматчиков. Если всё удастся, рота пойдет в наступление. А теперь ждем. Как Коробков поднимет бойцов в атаку, сразу вперед. Действуем как на учениях.

Не успели они договорить, как застрочили ручные пулеметы со стороны штурмовиков. Коробков поднял роту в атаку. Скоморохов рванулся из воронки, увлекая за собой остальных бойцов отделения.

– Вперед!

Бежали, ведя на ходу непрерывный огонь из автоматов, а когда до траншеи осталось не более двадцати метров, в противника полетели гранаты. Еще рывок, и штурмовики оказались в траншее.

– Сурен! Милованцев! Прикройте! Голота, за мной! – крикнул Скоморохов и устремился к пулеметному гнезду. – Сеня! Гранату!

Голота метнул гранату. Она разорвалась рядом с гнездом. Немецкие пулеметчики, не ожидавшие атаки с фланга, сопротивляться не стали, тем более что на помощь отделению Скоморохова пришли автоматчики Рукавицына. Рота старшего лейтенанта Коробкова продолжала атаковать. Неожиданно замолчал пулемет дзота. Один из бойцов роты лег грудью на амбразуру...

Третья траншея была взята. После полудня взяли и четвертую. Теперь в отделении осталось шесть человек: сам Скоморохов, Карапетян, Щербеня, Милованцев, Голота и Трошкин. Временная передышка позволила привести себя в порядок, пополнить боеприпас, отдохнуть и перекусить. Благо в занятом отделении блиндаже нашлись трофеи: хлеб, консервы, гороховый концентрат, две плитки шоколада и даже сигареты. Пронырливый Трошкин отыскал бутылку шнапса.

– Вот вам подарочек.

Голота взял у него бутылку, покрутил в руках.

– Шнапс – это хорошо, ты вот мне лучше скажи, почему ты позади всех в атаку идешь? За нашими спинами шкуру свою сохранить хочешь?

– Да я... Да ты...

– Да мы с тобой, – продолжил Голота. – В следующей атаке впереди меня пойдешь, или я тебя...

Скоморохов оборвал:

– Будет тебе. Наливай, помянем Еремеева и остальных ребят.

Трошкин отказался:

– Я не буду. Завтра в бой, а в атаку надо идти с трезвой головой. Мне бы бумагу и карандаш, письмо семье написать, пока время есть.

Голота съязвил:

– А я думал, ты завещание изобразить собрался после того, как я тебе

сказал, шо ты впереди меня в атаку пойдешь. Ты, Тихон Мокеевич, не дрейфь, смелого пуля боится.

Трошкин взял протянутые ему Милованцевым бумагу и химический карандаш и со словами «Дурак ты Сеня!» вышел из блиндажа.

Голота проводил его неприязненным взглядом. Карапетян тронул одессита за локоть.

– Э-э, чего ждешь, наливай.

– Я вас умоляю! Не надо меня торопить, я и так потороплюсь, когда это будет надо. А спешка, товарищ Карапетян, нужна при ловле блох, а тута требуется аккуратность, шоб себя не обделить. Хочешь анекдот про спешку?

Сурен согласно кивнул.

– Тогда слушай. Встречаются два одессита на Привозе. Один другого спрашивает: «Абрам Исаакович, а шо там Сема Рабинович?» Другой отвечает: «Умер еще до революции». – Голота сделал удивленное лицо. – «До революции?! А я собрался его навестить». – «Та можете уже не спешить».

Когда смех утих, Голота разлил по кружкам шнапс. Скоморохов первым взял кружку, тихо произнес:

– Ладно, давайте за ребят, и чтобы нам завтра остаться живыми!

* * *

До раннего утра следующего дня подтягивались резервы: пехота, танки, артиллерия. Отделение Андрея Скоморохова пополнилось присланными Рукавицыным бойцами – одним автоматчиком и двумя пулеметчиками с ручным пулеметом. На рассвете наступление возобновилось, предстояло прорвать вторую линию обороны противника. И вновь штурмовые батальоны шли первыми. Снова напряжение перед атакой, снова вперед за огненным валом, снова вокруг кровь и смерть, снова глубоко затаенный страх, стремление выжить и одолеть врага. Одолели! Ближе к полудню взяли пятую и шестую траншеи. В отделении Скоморохова в этот раз обошлось без потерь. Дальше наступать стало сложнее, немцы пришли в себя, уперлись. А старший лейтенант Коробков все гнал и гнал роту вперед, напрямки, не считаясь с жертвами и советами более опытного Рукавицына. В этой атаке был убит присланный командиром взвода автоматчик. От взвода Рукавицына осталось чуть больше половины, но вторая линия обороны еще не была прорвана,

штурмовиков ждала восьмая траншея. Ротному Коробкову не терпелось взять и её. Поторопился. Идти в атаку пришлось через кустарник под огнем немецких дотов, к тому же попали под обстрел своей артиллерии. Отошли на исходные позиции... Без Скоморохова и его бойцов. Отделение находилось на острие атаки, когда артиллерийский огонь заставил их залечь в ложбинке и не дал вернуться. После обстрела артиллерии со стороны немцев полетели мины, а следом появились и солдаты вермахта. Немцы предприняли контратаку. Голота доложил:

– Сержант, две группы человек по пятьдесят, а то и больше, берут нас в клещи.

Скоморохов сплюнул, матерно выругался, приказал:

– Занять круговую оборону. Пулемет направить в сторону неприятельских позиций! Карапетян, Милованцев, на левый фланг! Голота, со мной на правый! Трошкин, Щербеня, помогаете флангам и прикрываете тыл! Огонь открывать по команде!

Трошкин метнулся к Скоморохову, упал рядом, ухватил за рукав, заговорил подрагивающим нервным голосом:

– Ты чего, сержант!? Хочешь, чтобы нас всех здесь положили?! Уходить надо!

Скоморохов отдернул руку, посмотрел на него холодным взглядом, строго сказал:

– Отставить панику! Бежать предлагаешь? Да нас скорее положат, если мы фрицам спины свои покажем!

Голота ткнул в бок Трошкину стволом автомата:

– Ты шо, сука, в штаны наложил, фраер дешевый. Только подумай смыться, я из тебя решето сделаю!

Трошкин зло глянул на Голоту.

– Тебе не впервой в своих стрелять.

Смуглое лицо Голоты побледнело.

– Чего-о! Да я тебя, падла, зараз прикончу!

– Отставить! – сорвался на крик Скоморохов. – Приготовиться к бою!

Все штурмовики заняли свои места, затихли, напряженно взирая, как к ним перебежками приближаются фигурки немецких солдат.

«Опять окружение!» – страшная мысль заставила Андрея содрогнуться. Вспомнились бои в окружении в сорок первом. Голота словно прочитал его мысли:

– Не хватало еще в конце войны снова в плен попасть. Я лучше себя гранатой вместе с этими фраерами подорву, но в плен не сдамся...

Очередь из ППШ заставила их оглянуться. Преждевременный выстрел

произвел Трошкин. Бывший майор интендантской службы занервничал, нажал на курок и тем обнаружил себя и своих товарищей. Теперь ждать подходящего момента смысла не было. Скоморохов скомандовал:

– Огонь!

Отрывисто застрекотал ручной пулемет, в унисон ему застрочили автоматы. Немцы залегли, открыли ответный огонь, им помогли пулеметы дотов. Над головами бойцов засвистели пули, они заставляли прижиматься к земле, не давали поднять головы. Отвечать на выстрелы немцев становилось все труднее. Голота высунулся из-за кочки и тут же уткнулся лицом в грязный пористый снег. Пули взрыхлили кочку, срезали ветку с куста. Голота повернул голову к Скоморохову.

– Похоже, сержант, каюк нам. Головы не поднять, а фрицы совсем рядом.

Немецкие солдаты под прикрытием пулеметов перебежками приближались к ложбинке.

– Трошкин! Куды! Назад, чертяка!

Крик Наума Щербени заставил Скоморохова обернуться. Трошкина рядом с Щербеней не было. Тихон Мокеевич широкими тяжелыми шагами бежал в сторону позиций роты.

«Не выдержали нервы у интенданта! Струсил!» – подумалось Андрею. Трошкин словно услышал мысли сержанта, дернулся, остановился. Но его остановили не мысли Скоморохова, а немецкие пули. В следующий миг его голова, орошая снег мозгом и кровью, разлетелась на куски, подобно разбитому переспелому арбузу. Ноги бывшего интенданта подогнулись, массивное тело повалилось в снег.

– Ой, дурак! – вырвалось у Скоморохова.

Голота сплюнул.

– Собаке – собачья смерть! Хорошо, что не к немцам сдаваться побежал.

Просвистевшая над головой пуля заставила его опустить голову.

– Вот сволочи.

Огонь становился плотнее, немцы всё ближе. Вскрикнул и затих один из пулеметчиков. Скоморохов окинул взглядом тех, кто остался в живых:

– Слушай меня! Приготовить гранаты! По команде, все вместе, бросаем их в немцев и открываем огонь!

Андрей быстро выглянул из-за кочки, прикинул расстояние до немецких солдат. Пора! Гранаты одна за другой полетели в немцев, взрывы сменил огонь из ручного пулемета и автоматов. Немцы попятились, залегли в ста метрах от ложбины, на снегу осталось не меньше десяти недвижимых

тел их сотоварищей, убитых и раненых. Не обошлось без потерь и в отделении – две немецкие пули прошили плечо и грудь Наума Щербени. Пользуясь передышкой, Милованцев успел его перевязать, но боец из него был теперь никудышный. К тому же жуткая боль отправила его в полузабытье.

Отчаянное сопротивление бойцов Красной армии остановило солдат вермахта ненадолго. Не прошло и десяти минут, как немцы снова пошли в атаку, знали, что штурмовиков в ложбине немного, а времени для их уничтожения мало. Горстка красноармейцев задерживала контратаку немцев, нацеленную на возвращение потерянной прежде позиции. Перебежками они приближались к бойцам отделения Скоморохова. Теперь у штурмовиков почти не осталось патронов и гранат. Но их в достатке было у немцев. Один из них метнул гранату. Взрыв оглушил Скоморохова, в ушах зазвенело. Слух вернулся через несколько секунд. Андрей понял, что не слышит стрекота ручного пулемета. Он посмотрел на пулеметчика, тот лежал без движения. Скоморохов вскочил, прыжком бросился к пулемету.

Немцы рванулись к ложбинке, когда пулемет заговорил снова. Меткие очереди заставили их упасть на снег. Они не знали, что это были последние патроны, выпущенные Скомороховым из пулемета. Андрей посмотрел на Голоту. Арсений держал в руках гранату, у него она была тоже последней. Скоморохов вспомнил слова одессита: «Я лучше себя гранатой вместе с этими фраерами подорву, но в плен не сдамся». Похоже, он решил свершить задуманное. Андрей перевел взгляд на Милованцева и Карапетяна. На щеке Милованцева кровавая царапина, в руках, как и у Голоты, граната. Лицо у ленинградца бледное, взгляд решительный. Сурен Карапетян сжимал в правой руке нож, его вид, наоборот, показался Скоморохову несколько отрешенным. Глядя на товарищей, он понял одно – сдаваться никто не будет. Все приготовились к смерти. Рядом постанывал Щербеня. Андрею показалось, что сквозь его стон и звуки выстрелов он отчетливо слышит хруст веток под ногами приближающихся немцев. Это приближалась смерть. Как было обидно умирать, когда до границ Германии оставалось совсем немного. Вдруг ухо уловило быстро нарастающий рокот танковых двигателей и многоголосое «ура!», он шел со стороны седьмой траншеи, занятой их ротой.

«Наши!» – забилась в голове радостная мысль.

– Наши! – громко произнес вслух Голота, и выглянул из-за кочки. – Бегут фрицы, сержант! Бегут, якорь им в дышло!

Батальон, поддержанный танковым десантом, а вместе с ним и рота Коробкова перешли в наступление. Танки быстро уничтожили огневые

точки, а штурмовики заняли восьмую траншею.

Поддержать товарищей у бойцов Скоморохова не было сил. Они так и оставались в ложбинке, пока мимо бежала пехота, проезжали танки и самоходки, пока остальные добивали остатки немецких солдат в траншее. Андрей кинул усталый взгляд на Голоту, кивнул в сторону Трошкина.

– Сеня, посмотри, у него письмо должно быть, он вчера семье написать хотел, по возможности надо будет отправить.

Голота заерепенился:

– Может, еще написать, шо он погиб смертью храбрых?

– Может, и напишем. У него дети, а дети за отца не в ответе, им ещё жить на этом свете. Глянь, может, при нем вещи личные...

Голота нехотя поднялся, побрел к телу Трошкина. Вернулся он быстро, бледный и злой.

– Благодарствую, товарищ сержант. Вы не представляете, сколько мне стоило нервов провести время с этим безголовым Тихоном Мокеевичем. Интендант раскинул мозгами так, шо мне чуть не вывернуло наизнанку. От его головы там одни ошметки остались. Вот вещички его, и когда только успел прибарахлиться, сволочь. Не иначе, этот гад мародерствовал потихоньку.

Голота отдал Скоморохову немецкие часы, зажигалку, пачку сигарет, золотое кольцо, а затем протянул лист свернутой вчетверо желтоватой бумаги, тихо сказал:

– Однако быстро ты, сержант, нажил себе врагов. Один убить хочет, другой доносы строчит. Ты посмотри, шо этот паразит тута изобразил и про тебя, и про меня, и про Милованцева.

Андрей развернул лист, пробежал глазами по строчкам, аккуратно выведенным химическим карандашом. Это был донос. Трошкин подробно докладывал о его разговоре с Милованцевым в блиндаже накануне наступления. От себя добавил, что они охаивали командование и Советскую власть. Написал и о том, что рядовой Арсений Голота убил сержанта Проскурина во время атаки по указке командира отделения Скоморохова, за то что Проскурин якобы владел информацией о непристойном поведении Скоморохова в плену. Чему он, Трошкин Тихон Мокеевич, был свидетелем и за что его угрожали убить, если он кому-либо расскажет об увиденном. В конце бывший майор интендантской службы дописал, что у него есть подозрения, что рядовой Голота и сержант Скоморохов собираются перебежать на сторону немцев.

«Подонки! – подумал Скоморохов. – Вот так он решил убрать свидетеля своей трусости. Боялся, что я доложу о том, как он намеренно

подставлял руку под немецкие пули».

Голота словно прочитал его мысли:

– Я ж сразу догадался, шо этот фраер из себя представляет. Повезло нам, шо он свои художества не успел передать куда следует, а то закончилась бы наша, пусть и не сладкая, жизнь.

Громко застонал Щербеня. Карапетян окликнул Скоморохова:

– Командир! Науму плохо! Бледный совсем!

Со стороны только что взятой у немцев траншеи подбежал автоматчик их роты и громко крикнул:

– Здесь они! Товарищ младший лейтенант! Есть живые!

За автоматчиком к ложбинке подошел взводный Рукавицын. Окинув взглядом оставшихся в живых бойцов, простуженным голосом произнес:

– А я думал, вас всех немцы положили. Ан нет. Молодцы, ребята! Продержались! По возможности доложу о вашей храбрости, а пока извиняйте, времени маловато.

Скоморохов кивнул на Щербеню.

– Нам бы санитара, да и убитых похоронить надо.

– Санитара пришлю, а убитыми похоронная команда займется. Наступать надо, пока немец не очухался.

Милованцев с сомнением в голосе произнес:

– Похоронят ли? В наступлении, как и в отступлении, до убитого солдата не всегда руки доходят, видели мы и такое.

Рукавицын строго посмотрел на Владимира.

– Видели – забудьте, а сейчас берите оружие и следуйте за мной. – автоматчику приказал: – Побудь с раненым, пока санитар не придет.

По пути Скоморохов узнал, что командир роты Коробков был убит во время обстрела, когда повел роту в атаку. Вместо него командование принял Рукавицын, что очень обрадовало Андрея и бойцов его отделения.

В следующую атаку пошли с новым командиром роты. И снова с богом, с матом и уже не за Родину и Сталина, а за победу, чтобы поскорее закончилась опостылевшая война, рванули вперед... К вечеру взяли еще две позиции.

* * *

Недолгим отдыхом воспользовались, чтобы привести себя в порядок, вздремнуть и принять пищу, набраться сил, ведь штурмовому батальону приказано преследовать противника, который отступал к одному из

укрепленных польских городов. Его предстояло взять штурмом. Бойцов ждали тяжелые уличные бои. Для успешного выполнения задачи каждому отделению была придана единица боевой техники – самоходная артиллерийская установка или танк. Отделению Скоморохова, к которому добавили уцелевших бойцов убитого сержанта Проскурина, досталась тридцатьчетверка. На башне машины белой краской было написано «Резвый». Танк стоял неподалеку от штурмовиков, и им хорошо было видно, чем занимается экипаж боевой машины. Голота, уплетая из котелка кашу, косился на танкистов, которые железными крючьями очищали траки от кровавых кусков человеческой плоти. Когда один из танкистов, низкорослый усатый крепыш, выдернул из гусеницы кисть руки, Голота поперхнулся, поставил котелок на землю. Со словами «Твою мать!» он поднялся и быстро направился к танкистам. Жертвой своего безудержного гнева он выбрал низкорослого крепыша:

– И шо же вы тут творите?! Или не видите, шо бойцы через вас аппетит потеряли?! Или им теперь идти в бой с пустым брюхом?

Крепыш нахлобучил густые брови, строго спросил:

– Ты как, красноармеец, разговариваешь с лейтенантом!

– Я вас умоляю! Я таки тоже младший лейтенант, только временно разжалованный, к тому же танкист, как и ты, тоже был командиром тридцатьчетверки, а потому имею просьбу. Скажи своим хлопцам, щоб прекратили пока это грязное дело и дали спокойно доесть кашу. Войди в положение, лейтенант, нам ведь в скором времени вместе под пули немецкие лезть.

Строгость спала с лица командира танка, он повернулся к танкистам, громко скомандовал:

– Отставить очистку траков!

Голота заметил, что кожа на правой щеке и шее лейтенанта сморщена и имеет коричневатый оттенок. «Горел парень», – подумал Арсений. Приказ лейтенанта он воспринял с одобрением:

– Вот это правильно. А ты давно воюешь?

– С лета сорок третьего. Под Курском был ранен, потом госпиталь. В строй вернулся два месяца назад, а ты?

Голота пересказал командиру танка свою невеселую историю. Крепыш покачал головой:

– Да-а, судьба – злодейка, жизнь – копейка.

Рассвет штурмовики встретили на окраине польского города. На его улицах шли бои. О том говорили частые взрывы и выстрелы. Долетали пули и до штурмовиков, это из окон крайних домов стреляли немецкие солдаты. Ответный огонь «Резвого» заставил неприятеля на время замолчать. Пользуясь передышкой, к Арсению Голоте подошел командир танка.

– У тебя закурить есть? А то у нас кончилось.

– Бумага имеется, а вот табака нема. – Голота обратился к Скоморохову: – Товарищ сержант, не будете ли вы так любезны угостить нас с товарищем лейтенантом табачком.

Скоморохов подошел, раскрыл кисет.

– Угощайтесь.

Голота вытащил из кармана ватника, испачканного сажей и грязью, прожженного в нескольких местах, бумагу. Это были листовки. Арсений сунул одну из них Скоморохову.

– В траншее нашел. На немецком написано. Прочитал бы, шо там фрицы изобразили. Ты ведь их язык понимаешь.

Андрей развернул листовку, пробежал глазами по буквам.

– Это наши листовки. Обращение советского командования к солдатам вермахта. Убеждают немцев сложить оружие и сдаваться. Помнится, в сорок первом году они нас такими листовками щедро забрасывали.

Голота скрутил «козью ножку», прикурил, затянулся, с довольным видом изрек:

– То-то, я гляжу, бумага хорошая. Так бы курил и курил. А с немецкими листовками хорошо только по большой нужде ходить.

Покурить в удовольствие не пришлось, на позицию явился новый командир роты младший лейтенант Рукавицын. Не теряя времени, ротный перешел к делу:

– Ну что, братцы, готовы город штурмовать?

Голота ответил за всех:

– Только этого и ждем, товарищ младший лейтенант.

– Это хорошо. Скоро начнем. Продвигаться по городу придется отдельными группами. – Рукавицын бросил взгляд на Скоморохова. – А значит, и решения зачастую надо будет принимать самостоятельно. Тебе, Скоморохов, насколько мне известно, приходилось участвовать в уличных боях, надеюсь на тебя. А вы, бойцы, помните – танк прикрывает вас, а вы танк. И еще: с вами пойдут саперы и огнеметчик, действуйте с ними слаженно. Держите под прицелом окна и двери домов. Не забывайте о чердаках и подвалах. Действуйте быстро, проявляйте смекалку,

прикрывайте друг друга, но прежде надейтесь на себя, на автомат и гранату. Все, как учили. Граната – подруга. Врывайтесь в дом вместе, сначала граната, следом ты. Как у вас с гранатами, Скоморохов?

– Нормально. На каждого по пять гранат. К ним две зажигательных и одна противотанковая.

– Добро. В доме действуйте так же. Метнул в комнату гранату, переждал взрыв и сразу за ней с автоматом. Обработал помещение, пошел дальше. Столкнулся с немцем вплотную – бей, чем получится: кулаком, прикладом, ножом. Всем всё ясно?

Штурмовики разногласия ответили:

– Так точно!

– Хорошо.

Рукавицын кивнул, Скоморохову:

– Пойдем, сержант, обсудим предстоящее дело и уточним задачу твоего отделения в составе передовой штурмовой группы.

Разговаривали недолго. Через пять минут командир роты пожал Скоморохову руку:

– Желаю удачи. Не подведи, пограничник!

Скоморохов подошел к бойцам отделения, чтобы рассказать о разговоре с ротным, но в это время над головой загудело. На город медленно летели красноезвездные бомбардировщики. Андрей заметил, как Милованцев пригнул голову.

– Ты чего? Это же свои.

Ленинградец нервно улыбнулся.

– Черт, никак не могу отвыкнуть. Как самолеты летят, меня начинает к земле тянуть, начинаю укрытие искать.

– Ничего, пройдет. У многих такое.

Скоморохов посмотрел в сторону города. Вскоре бомбардировщики уже начали сбрасывать свой смертоносный груз на фортификационные сооружения, огневые точки, скопления живой силы и техники противника. Не успели самолеты повернуть обратно, как батальон пошел в наступление.

* * *

Небольшой город напомнил Скоморохову Перемышль, который ему приходилось отбивать у немцев в сорок первом году. Здесь были те же двух-трехэтажные старинные дома, величественные соборы и костёлы, неширокие, выложенные булыжником улицы. По одной из таких улиц и

наступали штурмовики. Продвигались в строго определенном порядке. Посередине улицы шел танк, готовый в любой момент подавить огневую точку противника, справа и слева от него, цепочками, прижимаясь к стенам домов, – автоматчики и стрелки. Все в готовности открыть огонь – передние бойцы по целям впереди, остальные по окнам и чердакам противоположной стороны. Следом за ними пулеметчики с двумя ручными пулеметами, огнеметчик и трое саперов. Группа Скоморохова быстро приближалась к перекрестку. Впереди, через улицу, – два угловых дома, удобных для обороны. Тот, что слева, – двухэтажный, справа – трех. Они представляли опасность. Здесь скорее всего можно было ожидать сопротивления немцев. И они дали о себе знать. Пушка, замаскированная на первом этаже углового дома, который находился справа, ударила по танку. Взрыв снаряда повредил гусеницу. Танк остановился. Второй выстрел мог бы уничтожить боевую машину, но танкисты оказались проворнее. Башня развернулась, дуло орудия изрыгнуло пламя. Громоподобный выстрел колыхнул воздух. Оглушительный взрыв на первом этаже дома и ответное молчание возвестили, что цель поражена. Теперь вместо пушки огонь по наступающим штурмовикам открыли немецкие пулеметчики, автоматчики и стрелки. Пули застучали по броне танка, не причиняя вреда машине и экипажу, но это временно. Андрей знал, что стоящий посередине улицы танк – хорошая мишень, в любой момент немцы могли выстрелить по нему из миномета или из фаустпатрона, но сейчас у танкистов не было возможности покинуть машину. Штурмовики открыли ответный огонь, но этого было мало, требовалось выбить немцев из домов, а заодно дать танкистам возможность починить «Резвого». Прежде требовалось добраться до домов и желательно без больших потерь. Взгляд Скоморохова упал на крышку канализационного люка на краю тротуара. Ему вспомнились рассказы младшего лейтенанта Рукавицына об уличных боях в Сталинграде, которые немцы называли «крысиной войной», и использование канализаций нашими штурмовыми группами. Он подбежал к люку откинул крышку, заглянул вниз. На него пахнуло сыростью. Недолго думая, Андрей спустился вниз по ржавой железной лестнице. Глубина колодца оказалась около двух с половиной метров. Канализационный коллектор вел в сторону домов, где засели немцы. Скоморохов посмотрел вверх, крикнул:

– Голота! Похоже, что ход ведет в сторону дома справа. Зайди в дом, глянь через улицу, не видно ли возле фрицев люка.

Когда Арсений доложил, что рядом с домом, где находилась немецкая пушка, есть люк, Андрей поднялся. Решение быстро созрело в его голове,

он скомандовал:

– Сурен! Бери четверых бойцов и сапера. Используйте дымовые гранаты. Ваша задача выбить фрицев из дома слева.

Карапетян кивнул.

– Понял, сержант.

Через минуту штурмовая группа Сурена Карапетяна исчезла в оконном проеме дома, у которого остановился танк.

Теперь Андрей обратился к Голоте:

– Сеня, оставляю тебе троих бойцов и один пулемет. Прикроете нас и танкистов. Только нас не ухлопайте. Смотри за люком, когда мы появимся, прекращайте огонь. И скажи танкистам, чтобы еще стрельнули по фрицам, надо проделать брешу в первом этаже. Второй пулемет, саперов и огнеметчика беру с собой. Милованцев, Петров, Терентьев, Зарипов! За мной! – Скоморохов бросил взгляд на саперов и огнеметчика. – Вы тоже!

Группа Скоморохова спустилась в колодец. По канализационному ходу шли в полусогнутом положении, в темноте, почти по колено в холодной воде и вонючей грязевой жиже. Вода затекала в сапоги, затрудняла движение, но штурмовики упорно продолжали двигаться вперед. Скоморохов время от времени поднимал руку, останавливая группу, прислушивался. Остановился он и у пересечения двух коллекторов. Не зря. Чуткий слух бывшего пограничника уловил тихие голоса. Говорили по-немецки. Голоса раздавались справа, из бокового отвода канализационного коллектора в шаге от Скоморохова. Немцы приближались. Луч немецкого фонарика, разрезая темноту, скользнул по влажным каменным стенам. Андрей прижался к стене, вынул из ножен нож, повернулся к Милованцеву, прошептал:

– Приготовиться.

Когда из-за угла появился первый немец, Скоморохов захватил правой рукой его голову, потянул на себя и ударил ножом в горло. Милованцев уже был рядом. Он открыл по немцам автоматный огонь из-за угла. К нему присоединился Зарипов. Спустя минуту треск автоматных очередей прекратился, в коллекторе наступила тишина. Ответного огня немцев не последовало. Прижимаясь к склизким каменным стенам, с автоматами на изготовку штурмовики пошли по боковому отводу канализации. Когда они вернулись, Милованцев доложил:

– Четверо убитых, при них три винтовки и два ящика с взрывчаткой. Не иначе, фрицы хотели, что-то взорвать.

– Хорошо. Взрывчатку саперы позже заберут, если всё пройдет гладко, а пока за мной.

Штурмовики продолжили движение вперед. Скоморохов осторожничал, действовал, как и прежде, время от времени подсвечивал себе фонариком. Но вот луч метнулся вверх, осветил металлическую крышку люка. Андрей осторожно поднялся по металлическим скобам, уперся головой в крышку. Она поддалась. Скупые лучи света разрезали темноту колодца. Через щель он увидел, что группа оказалась в тылу противника. В пяти метрах от люка заметил дверь, она вела в дом. Это была удача. Скоморохов уперся в крышку затылком и плечами, осторожно сдвинул в сторону, рывком выбрался на улицу, взял автомат на изготовку, прикрывая товарищей. Штурмовики последовали за ним. Не дожидаясь, пока все вылезут, сержант устремился к двери. В дом он ворвался вместе с Милованцевым. Сразу перед ними находилась деревянная лестница, которая вела на верхние этажи, слева вход в подвал, справа две квартиры. Дверь в одну из них едва держалась на петлях, сквозь дверной проем виднелась комната с частично обрушенной стеной и потолком. Судя по широким окнам-витринам, многочисленным полкам, вешалкам и разбросанным вещам – это был магазин одежды. У одной из витрин стояло немецкое орудие, рядом, под обломками кирпичей и мешками с песком, лежали трупы солдат вермахта – результат выстрела Т-34. Пушка при выстреле уцелела, но расчёт орудия был почти уничтожен. Уцелели двое, но и они погибли от выстрелов Скоморохова. Не зевал и Милованцев, ленинградец метнул гранату во вторую квартиру, откуда слышалась стрельба и голоса немцев. Пыль от взрыва еще не успела осесть, когда Скоморохов кинулся к дверному проему и открыл огонь из автомата. На помощь уже спешили остальные бойцы группы, но и немцы приготовили сюрприз. Из подвала раздался выстрел. Боец Терентьев выпустил из рук автомат, схватился за живот. Штурмовики ответили очередями из автоматов и винтовок, стрелок затих, но это не значило, что он один. Дело завершил огнеметчик. Огненная струя ударила в черную пасть подвала. Истошные крики, подтвердили, что штурмовики были правы. Скоморохов увидел рядом со ступенями, ведущими в подвал, пожарный кран, командовал:

– Откройте!

Андрей знал, что вода доделает то, что не доделал огонь. Не теряя времени, он, увлекая за собой остальных штурмовиков, побежал на второй этаж. Путь, как наставлял младший лейтенант Рукавицын, пробивали гранатами. После броска одной из них Скоморохов бросился в квартиру, но столкнулся в дверях с немцем. Солдат вермахта чудом спасся от осколков, но избежать смерти ему не удалось. Оглушенный взрывом, он напоролся на Скоморохова. Рослый немец вцепился в Андрея, навалился грудью, не

давая ему возможности применить автомат. Ждать помощи от Милованцева не приходилось, он с двумя бойцами «обрабатывал» соседнюю квартиру. Противники схватились в рукопашной. Немец боднул головой, Скоморохов едва успел откинуть голову назад. Удар пришелся в подбородок, железная каска рассекла губу. Андрей ответил. Колено врезалось в пах немца, затем в живот. Солдат вермахта согнулся от боли, ослабил хватку. Этого Скоморохову было достаточно. Он вырвался. Удар прикладом автомата свалил немца на пол. Андрей нажал спусковой крючок. В следующую секунду из соседней комнаты выбежал немец в кепи, его винтовка готова была изрыгнуть смерть, но судьба снова уберегла сержанта. Вовремя подоспевший Милованцев опередил немца, срезав того очередью из автомата.

Третий этаж взяли без боя. Внезапное нападение с тыла и напор штурмовиков сделали свое дело. Пятеро безоружных немцев сами вышли из квартир с поднятыми вверх руками. Скоморохов приказал одному из бойцов отвести пленных в тыл, остальным занять оборону на всех этажах. Он собрался спуститься на второй этаж, когда Милованцев позвал его в одну из квартир:

– Сержант! Немцы!

Скоморохов метнулся в квартиру, подбежал к окну, где стоял ленинградец. По улице, которая проходила перпендикулярно той, по которой они наступали, двигалась большая группа немцев. Их было не менее двадцати. Двое из них несли полутораметровые трубы со щитками. Это были гранатометы. Милованцев с тревогой посмотрел на сержанта.

– У них миномет и два «Панцершрека»! Надо их задержать! Если они откроют огонь по танку...

Скоморохов не дал Владимиру договорить, опыт Перемышля снова пригодился, решение мгновенно созрело в его голове.

– Давай вниз! Выкатывайте немецкое орудие на улицу, разворачивайте на фрицев. Готовьтесь их встретить. Я на крышу.

Он рванул к лестнице, которая вела на чердак, оттуда через слуховое окно вылез на крышу. Скат крыши оказался пологим, но черепица была скользкой от снега. В создавшейся обстановке осторожничать не приходилось. Андрей побежал. Следующая крыша, покрытая жестью, была на полметра ниже, а скат круче. Скоморохов прыгнул, поскользнулся, упал на живот, стал съезжать вниз. Ладони тщетно цеплялись за гладкую поверхность. Край крыши неуклонно приближался, еще миг, и он мог оказаться распластанным на брусчатке улицы в пятидесяти метрах от немецких солдат. Неожиданно стопа левой ноги уперлась во что-то твердое.

Спасением оказался раструб жестяной сливной трубы. Сердце под гимнастеркой бешено колотилось. Андрей кончиками пальцев вцепился в едва заметный выступ стыка жестяных листов кровли. Однако положение оставалось опасным, правая нога по колено свисала с края крыши. Скоморохову оставалось надеяться, что немцы не обратят на него внимания. Пронесло. Нависшая над городом канонада заглушила звуки на крыше, а внимание солдат вермахта было приковано к штурмовикам, которые уже выкатывали орудие на середину улицы. За ними поднималась белая пелена дыма. Это, используя дымовые гранаты, пошли на штурм бойцы Карапетяна. Андрей, цепляясь пальцами за стык и упираясь в раструб, осторожно подтянул правую ногу. Неторопливо он перекинул ППШ за спину, осторожно пополз вверх, используя для опоры стыки кровли, стену соседнего дома и трубы каминов. По коньку он добрался до соседней крыши, здесь скат был более пологим. Скоморохов подобрался к краю, глянул на улицу. Немцы были под ним. Они рассредоточились и были готовы атаковать штурмовиков. Один из немцев даже успел выстрелить из «Панцершрека» в пушку, второй приготовился это сделать. Андрей дрожащими от перенапряжения руками достал из подсумка гранату. Спустя полминуты она полетела вниз, за ней последовала вторая. Следом за гранатами в немцев полетели пули, выпущенные Скомороховым из автомата.

Когда Андрей вернулся, немцев уже не было. Наличие орудия, отпор штурмовиков, взрывы гранат и неожиданное нападение с крыши заставили фрицев ретироваться. Их преследованием занялись бойцы основной штурмовой группы под командованием Рукавицына, которая пришла на помощь передовой группе Скоморохова. Младший лейтенант похвалил штурмовиков группы за решительные правильные действия, за пленных, а затем обратился к Скоморохову:

- Что с танком?
- Гусеница повреждена. Думаю, что скоро починят.
- Добро. Впереди слева переулочек, прочешите его, и за нами...

Основная группа ушла вперед, а Скоморохов стал готовить группу для прочесывания переулочка, но выполнение задания пришлось на время отложить. В тылу, со стороны Т-34, раздалась стрельба. Андрей с несколькими бойцами бросился к танку. У боевой машины его встретили Арсений Голота и низкорослый командир экипажа. Рядом с гусеницами лежали два танкиста, у стены – раненный в ногу боец штурмового батальона. Скоморохов вопросительно посмотрел на Голоту:

- Что случилось?

– Фриц, паскуда, неизвестно откуда взялся. Вон оттуда, – Арсений указал на открытое окно на втором этаже, – из автомата полоснул, падлюка. Танкисты как раз гусеницу починили, инструмент собирали. Тут эта сволочь.

Командир танка добавил:

– Теперь от нас помощи немного. Пулеметчик и механик-водитель убиты, я ранен, – командир показал окровавленную кисть правой руки, – сейчас от «Резвого» одно название.

Голота предложил:

– Может, я пригожусь? Я ведь еще не забыл, как танком управлять.

Глаза командира танка загорелись.

– А ведь дело боец говорит. Выручай, сержант. Как замена придет, я его верну.

Скоморохов махнул рукой.

– Валяй! – глянул на Голоту, спросил: – Немец где, который стрелял?

Голота опустил голову.

– Ушел, гад. Похоже, через черный ход, а после скрылся в канализации или в подвале.

– Ничего, далеко не уйдет. Скоро им всем конец будет.

К вечеру город был полностью очищен от немцев.

* * *

Красная армия наступала и с каждым днем приближалась к границам Германии. В память сержанта отдельного стрелкового штурмового батальона Андрея Скоморохова врезались названия рек Висла, Пилица, Варта и освобожденных польских городов Радом, Томашув, Яроцин – нелегкие воспоминания о тяжелых днях, кровопролитных боях и погибших соратниках. Уже были взяты Варшава и Лодзь, а армия всё двигалась вперед. Шел вперед и штурмовой батальон – передовой отряд корпуса. Андрей Скоморохов с удовлетворением смотрел на оставленную немцами технику. Смотрел и вспоминал тяжелый сорок первый год, отступление Красной армии. Теперь всё изменилось. Теперь они били и преследовали отступающего противника, не давая опомниться, закрепиться и оказать активное сопротивление. И всё же оно, по мере приближения к границе Германии, с каждым днем нарастало. Несмотря на это бойцы штурмового батальона, измученные боями, на танках и на грузовых автомобилях, опережая основные силы дивизии и корпуса, продвигались вперед.

Продвигались, строго следуя приказу: не ввязываться в затяжные бои по уничтожению крупных гарнизонов и опорных пунктов. Это должны были сделать подразделения, которые шли следом. А потому рвали оборону немцев и коммуникации в их тылу, создавали для частей вермахта угрозу окружения, врываются в населенные пункты и шли дальше.

Одним из населенных пунктов стала польская деревенька. Маленькое поселение, дворов в двадцать пять, расположилось в лесу, на пологом холме, у подножия которого текла извилистая речка. Дальше, в километре от хутора, неподалеку от реки, на взгорке, находилась усадьба. Небольшой двухэтажный особняк из красного кирпича с хозяйственными постройками и невысоким, полутораметровым каменным забором. Чуть дальше, на холме, у леса виднелись развалины старинного замка из красного кирпича и кладбище. Расположение этого населенного пункта было стратегическим. Здесь проходили две дороги, которые пролегали через два каменных моста. Один у деревеньки, другой рядом с усадьбой. Малочисленный немецкий гарнизон к внезапному нападению был не готов, а потому не оказал особого сопротивления. Солдаты вермахта частью разбежались и скрылись в лесу, частью сдались в плен. Батальону достались трофеи: две пушки, три пулемета, машина, стрелковое оружие, шесть фаустпатронов и оборонительные сооружения: окопы, пулеметные гнезда у мостов и дзот. Отделению Скоморохова, усиленному пятью красноармейцами, двумя расчетами с пулеметами ДШК, было приказано расположиться в усадьбе. Один пулемет и часть бойцов заняли позицию в брошенной немцами огневой точке у моста, другой пулемет и наблюдателя разместили на чердаке особняка. Остальные бойцы расположились во дворе усадьбы. Там же стоял американский грузовик «студебеккер», на котором передвигалось отделение. По соседству, в развалинах, стояла тридцатьчетверка знакомого им лейтенанта с громким названием «Резвый». После штурма города его экипаж пополнили, и теперь Голота снова был в отделении Скоморохова. Андрей знал, что кроме тридцатьчетверки с ними соседствуют три самоходки ИСУ-152. «Зверобой» притаился в лесу неподалеку от развалин замка. Расслабляться не стоило. Немцы могли появиться в любой момент. Стремительное наступление создало ситуацию «слоёного пирога». Части Красной армии рвались вперед, стараясь окружить противника, а немцы, оказываясь в «блуждающих котлах», пытались вырваться из окружения. Некоторые населённые пункты порой переходили от немцев к Красной армии и наоборот. Такое происходило и в сорок первом году, когда Скоморохов пробивался из окружения. Это и стало причиной остановки штурмового батальона в польском селении. Ждали прояснения обстановки,

вскоре командир роты Рукавицын разъяснил ситуацию:

– Положение серьезное. Одна из теснимых нашей дивизией немецких частей, избегая окружения, движется в нашу сторону. Перед нами стоит задача удержать противника. Задача усложняется тем, что, по данным разведки, им навстречу выдвинуты силы для содействия вывода группы немецких войск из котла. Так что, сержант, мы, получается, находимся между молотом и наковальней. Комбат уже выдвинул часть батальона им навстречу. Придется нам прикрывать их тыл, а им наш.

Скоморохов почесал затылок.

– Получается, мы сами оказались в положении окруженных?

– Можно считать и так. Точных данных о численности противника мы не имеем. А вот противник может знать, что мы заняли деревню, как и то, какими силами мы располагаем. Скорее всего, бежавшие из деревни немцы уже успели доложить о нас. Думаю, что силы противника превосходят нас, но мы не должны дать им соединиться. Если они оседлают мосты, дороги и сумеют закрепиться на данных позициях, то нашим частям придется туго, а значит, наступление замедлится. Чего мы допустить не можем. Надеяться на быструю помощь особо не приходится. Сейчас мы в отрыве от основных сил не меньше чем на пятнадцать километров, между нами враг, а потому придется держаться. Немец, конечно, может выбрать и другой путь, но, скорее всего, пойдет на нас по основной дороге, через мост, на деревню, но и здесь зевать не стоит. Комбат приказал нашей роте закрепиться у моста. Левее, ближе к лесу, рота Перепелкина, справа в деревне лейтенант Жилинский. Я с ротой буду ждать немцев на позициях у моста. Твое отделение остается в усадьбе. В случае прорыва противника через наши позиции вы встанете на его пути. Вторая ваша задача – это прикрытие нашего тыла. Даю вам два трофейных фаустпатрона, еще один ручной пулемет и двух бойцов с противотанковым ружьем. И еще с вами на чердаке останется корректировщик.

Скоморохов и его бойцы задачу уяснили, к обороне приготовились, теперь оставалось ждать появления солдат вермахта. В ожидании, не в ущерб службе, отсыпались, приводили себя в порядок, отдыхали после непрерывных боев и бросков. Бойцы отделения частью расположились в дворовых постройках, частью на первом этаже господского дома, обитателями которого оказались высокий хромой старик, который жил в каморке под лестницей на том же первом этаже, и стройная красивая блондинка лет тридцати, в черном одеянии. Она являлась хозяйкой дома и занимала апартаменты на втором этаже.

Скоморохов, Голота, Карапетян и Милованцев заняли просторную

длинную комнату. Судя по длинному деревянному столу, множеству стульев и старинному резному шкафу с посудой, это была столовая. На стенах комнаты были развешаны охотничьи трофеи: головы, клыки и рога животных. Одну из стен украшала большая картина, на которой была изображена сцена охоты всадников с собаками на оленя. Комнату Андрей выбрал не случайно, из её окон были хорошо видны мост, позиции роты перед ним, берег и лес на противоположной стороне. Каждый коротал время, как мог: Скоморохов задумчиво смотрел на картину, Карапетян чистил автомат, Милованцев зашивал гимнастерку, Голота время от времени подбрасывал поленья в камин и развлекал всех анекдотами:

– Идут по вечерней Одессе отец и сын. Сын спрашивает: «Папа, а что от нас дальше, луна или Киев?» Папаша отвечает: «Шо ты мене морочишь голову! Глянь на небо, ты луну видишь?» – «Вижу». – «А Киев?» – «Нет». – «Так скажи мене, что дальше?»

Насладившись смехом товарищей, продолжил:

– А вот еще, мне танкисты вчера рассказали. Итальянский офицер объясняет: «Нами получена новая немецкая модель танка. Она специально переделана для итальянской армии. У неё четыре задние скорости и одна передняя. Вопросы есть?» Тут один из итальянских солдат спрашивает: «Господин офицер, а зачем нужна передняя скорость?» Офицер отвечает: «На тот случай, если противник ударит с тыла».

Голота заерзал на стуле, вытащил из ножен нож, почесал спину между лопатками. Блаженно закатив глаза, произнес:

– Помыться бы. А то с этим непрерывным наступлением передыха нет. Я так думаю, шо если мы еще неделю таким галопом наступать будем, то немцы скоро не от нас, а от наших вошей побегут. Эти паразиты на грязном теле ой как быстро заводятся. Я во дворе помещение приметил, и очень оно напоминает мене баню. Таки, может, сходить к панночке и спросить её разрешения на помывку? Как думаешь, сержант?

Скоморохов оторвался от созерцания пейзажа в окне, медленно поднялся со стула с высокой резной спинкой.

– Дельное предложение. Пойду поговорю с хозяйкой.

Голота возмущенно хлопнул себя по бедрам.

– Я вас умоляю! Это шо же такое получается? Как сообразить насчет бани, так это Голота, а как закадрить польку, то извините, Сеня, погуляйте в другой раз! Я так не согласен!

Скоморохов отрезал:

– По праву старшего договариваться пойду я. К тому же ты не знаешь польского языка.

Голота не сдавался:

– Может, нам вдвоем к панночке наведаться? Похоже, эта фифа безотказная, не зря у неё тут фрицевские офицеры квартировались.

Перед Андреем встал образ молодой хозяйки усадьбы: темные брови, точёный нос, открытый высокий лоб и печальные миндалевидные голубые глаза. Они запомнились ему больше всего. Он вспомнил, с каким вниманием она посмотрела на него, когда они ворвались в усадьбу в поисках немецких солдат. Скоморохов неодобрительно посмотрел на Голоту и со словами «Балабол ты, Сеня», вышел из комнаты.

Он схватился за поручень деревянной лестницы, которая вела на второй этаж, когда из каморки вышел старик. Лысоватый, с подкрученными вверх седыми усами и внимательными серыми глазами, в жилетке и круглых очках, он имел благородный вид. Поначалу Скоморохов принял его за хозяина, но старик объяснил, что он исполняет обязанности управляющего. Андрею ничего не оставалось, как обратиться к старику, хотя ему очень хотелось увидеть хозяйку и полюбоваться её красотой. Он объяснил суть проблемы. Старик просил подождать и сказал, что сам поднимется к хозяйке и переговорит с ней. Не прошло и пяти минут, как он вернулся. Согласие на помывку было получено. Андрей собрался сообщить приятную новость товарищам, но старик его остановил:

– Я понимаю, что вы здесь за старшего. Хотел бы вас просить не обижать пани Катаржину.

В голове Скоморохова промелькнуло:

«Значит, её зовут Катаржина».

Старик продолжал:

– Она очень несчастна, на неё обрушилось много горя, а совсем недавно она потеряла отца своего мужа.

– Даю слово командира Красной армии, что ни я, ни мои подчиненные её не обидят.

Сопровождаемый словами благодарности, Скоморохов направился в столовую. Когда он открыл дверь, Голота рассказывал очередной анекдот из своего неиссякаемого запаса:

– Один одессит спрашивает другого: «Яша, ну и как Роза в постели?» Тот отвечает: «Шо значит как, помещается!»

Когда смех затих, Арсений Голота обратился к Андрею:

– А чего так быстро? Или панночке не понравился наш бравый товарищ сержант?

– К панночке я не попал, к ней ходил старик управляющий, он сказал, что она дала добро на помывку.

– И то ладно, с любовью не повезло, зато помоемся.

Не прошло и двух часов, как штурмовики, помытые, побритые и довольные, вновь сидели в столовой. Голота расслабленно развалился на стуле перед камином и, затягиваясь трофейной немецкой сигаретой, дюжину пачек которых оставили офицеры вермахта во время бегства, пускал изо рта кольца дыма, не забывая при этом подшучивать над Карапетяном.

– Слушай, Сурен. Я вот в бане на твою растительность на теле посмотрел и прикинул. Если тебе к волосам, которыми ты, как медведь оброс, пришить погоны, то и гимнастерки не нужно.

Карапетян огрызнулся:

– Э-э, ты лучше свой язык пришей, чтобы туда-сюда не болтался.

Голота хихикнул, перевел внимание на Скоморохова:

– Сержант, я так себе мыслю, шо не мешало бы нам панночку поблагодарить за баню. У нас в заначке две банки тушенки и плитка фрицевского шоколада. Может, ей отнести? Я могу.

– Переможешься. Я сам схожу.

– Я так понимаю, это вторая попытка?

– Правильно понимаешь, Сеня.

Андрей подошел к столу, вытащил из вещмешка банку тушенки, плитку шоколада и вышел из столовой. Он быстро поднялся по лестнице и остановился у дверей комнаты, в которой находилась хозяйка. Им внезапно овладела робость, ведь прошло много времени с тех пор, когда ему в последний раз приходилось близко общаться с противоположным полом. Переборов робость, он постучал. За дверью послышались неспешные шаги, скрипнула половица, щелкнула щеколда. Когда дверь распахнулась, Скоморохов оказался лицом к лицу с Катаржиной. Хозяйка дома одарила его неприветливым взглядом, спросила на польском языке:

– Что вам надо?

При виде красоты молодой женщины Андрей на миг смутился, но всё же взял себя в руки и ответил по-польски:

– Я хотел бы поблагодарить вас, пани, за то, что вы позволили нам помыться.

Катаржина с некоторым удивлением посмотрела на Скоморохова.

– Вы говорите на польском языке?

– Да. До войны с Германией я служил на границе, рядом с Перемышлем, и изучал польский и немецкий языки. – он протянул шоколад и банку тушенки. – Это вам, в знак благодарности.

Полька отстранилась.

– Меня незачем благодарить. Вам не нужно было спрашивать у меня разрешения. Вы здесь хозяева.

– Почему вы так говорите?

– Почему?! Вы утром ворвались в мой дом и сейчас ведете себя здесь как хозяева. Впрочем, вам не привыкать. Солдаты вашей армии грабят дома, насиляют женщин и убивают тех, кто им сопротивляется!

– Кто вам это сказал?

– Малгожата, моя служанка. Ее сын Бронислав сражался с немцами в Армии Крайовой в Варшаве, а после подавления восстания пробрался в деревню, навестил мать и снова ушел в лес. Он плохо отзывался о солдатах Войска Польского и вашей армии.

Чувство обиды резануло Скоморохова по сердцу.

– Я не думаю, что это правда. Не могу сказать за всех, но наш батальон уже вторую неделю наступает, и нам некогда было заниматься грабежами и насилием, поскольку мы пришли освободить вашу землю от немцев. И многие мои товарищи полили её своей кровью. В ваш дом мы ворвались потому, что здесь находились немецкие солдаты и офицеры. Или вам с ними жилось лучше?!

Катаржина опустила глаза.

– Простите, если я вас обидела. Мой муж тоже погиб от рук немецких солдат.

– Он был в Армии Крайовой?

Катаржина сделала пригласительный жест рукой.

– Проходите.

Скоморохов зашел в комнату. Она оказалась просторным кабинетом. Предзакатный розоватый свет, который проникал сквозь большие арочные окна, и огонь трех свечей в бронзовом подсвечнике позволили лучше рассмотреть обстановку. Рядом с дверью стояли доспехи рыцаря с алебардой во весь рост и тумбочка, на которой стоял подсвечник. У окна находились кресло с высокой резной спинкой и письменный стол. Место справа от стола занимал массивный шкаф с книгами, стена была увешана старинным оружием: арбалетами, палашами, саблями, пистолетами и мушкетами. Напротив стоял большой кожаный диван, накрытый шкурой бурого медведя. Стену над ним украшала галерея из десяти портретов. На всех были изображены суровые мужчины с бородами, вислыми и лихо закрученными вверх усами, в богатых одеждах, доспехах, униформе разных времен, в шлемах, шапках-рогатынках, украшенных перьями и драгоценными пряжками, треуголках, киверах, конфедератках. Все они были воинами: гусарами, драгунами, уланами. Катаржина заметила его

внимание к портретам.

– Это предки моего мужа. Мне кажется, что они охраняют меня, поэтому я живу в этой комнате. Мне здесь спокойнее. Им принадлежал замок рядом с усадьбой, но во время одной из войн он был разрушен. Из кирпичей замка была построена эта усадьба. А это его отец, пан Болеслав. – она указала на изображение пожилого человека в форме польского офицера. – Он служил при Юзефе Пилсудском и умер месяц назад.

Катаржина подошла к письменному столу, взяла с него фотографию в рамке, показала Скоморохову. Он подошел ближе. С фотографии на Андрея смотрел молодой подпоручик в конфедератке.

– Это мой муж Анджей. Он служил в кавалерии и погиб в сентябре тридцать девятого года, в окружении под городом Радом.

– Моя невеста тоже была убита немцами. Это случилось в начале войны, летом сорок первого года в Перемышле. А в Радоме мне недавно пришлось побывать, когда мы освобождали его от немецких солдат. Кстати, и в окружении я тоже побывал, только в сорок первом, в Украине.

Катаржина тяжело вздохнула.

– Война приносит много бед. Вскоре после того, как мы узнали о смерти Анджея, пана Болеслава парализовало, и у него отнялись ноги. Ведь Анджей остался у него единственным родным человеком после смерти жены, матери моего мужа. Он так надеялся, что мы с Анджеем подарим ему внука – продолжателя древнего рода шляхтичей, но бог не дал нам детей. – Катаржина смахнула слезу. – Сердце пана Болеслава не вынесло утрат. Мне бы пришлось трудно, если бы не селяне: конюх Тадеуш и его жена Малгожата – наша служанка и, конечно же, Гюнтер...

– Гюнтер?

– Да, старик управляющий. Он немец. Гюнтер воевал в германской армии еще при кайзере Вильгельме. В восемнадцатом году он возвращался после войны из России. Судьба занесла его в наши края. Наша служанка Ядвига нашла его лежащим у моста. У него был жар и опухла нога. Пан Болеслав велел принести его в дом. Нам удалось его вылечить, но за то время, пока он находился в усадьбе, между Ядвигой и ним возникла любовь. Он остался в усадьбе, женился на Ядвиге, выучил польский язык. Добрый нрав и ум сделали его уважаемым человеком в деревне. Пан Болеслав сделал его управляющим. Однако его счастье было недолгим, Ядвига умерла через полтора года при родах, не оставив ему детей. Он так и остался жить у нас, чтобы быть рядом с могилой возлюбленной... – После полуминутного молчания она продолжила: – Когда немцы захватили

Польшу, Гюнтер стал нашим защитником. Перед вашим приходом на первом этаже усадьбы жили два офицера и несколько солдат. Мы не могли им отказать, иначе нас могли ждать неприятности. Возможно, они и позволили бы себе некоторые вольности по отношению ко мне, но уважение к Гюнтеру – фельдфебелю германской армии, награжденному железным крестом, уберегло меня от их посягательств на меня и наше имущество. К тому же Гюнтер сказал им, что я ношу траур по мужу, погибшему в тридцать девятом году. Теперь у меня нет человека ближе, чем он. Ближе был только мой муж – Катаржина бросила взгляд на фотографию. – Вы так на него похожи. Когда вы появились в доме, я подумала, что вернулся мой Анджей.

Скоморохов еще раз посмотрел на фотографию. Действительно, некоторое сходство между ним и покойным мужем Катаржины несомненно было. Она положила фотографию на место, подняла голову, посмотрела ему в глаза.

– Как вас зовут?

– Андрей.

Не сводя глаз с его лица, она взяла из его рук плитку шоколада и банку тушенки, поставила на письменный стол, произнесла:

– Андрей, Анджей, у вас даже имена схожие. Анджей – значит мужественный. Анджей был мужественным человеком, как и вы. А еще это имя в переводе с греческого языка означает «ангел», – Катаржина неожиданно перешла на «ты». – Я думаю, что ты и есть ангел, который спустился ко мне с небес в образе Анджея.

Её тонкие пальцы коснулись его свежевыбритой щеки. В голове Скоморохова зашумело, как от изрядной порции спиртного, его сильные руки охватили податливое тело женщины, но она вдруг освободилась из крепких объятий.

– Подожди.

Катаржина подошла к двери, закрыла её на щеколду, затем затушила свечи в подсвечнике. Солнце уже ушло за горизонт, а потому в комнате стало темно. Андрей услышал шорох одежды. Когда Катаржина снова подошла к нему, на ней была только ночная рубашка. Пахнущее духами и женщиной тело прильнуло к его груди. Он поднял ее на руки, понес к дивану. Спустя минуту их два стосковавшихся по ласке тела слились в одно...

Из комнаты Скоморохов вышел только через полтора часа. В темной столовой его поджидал Голота, Милованцев и Сурен Карапетян уже спали. Разглядев в темноте одессита, Андрей шепотом спросил:

– Ну как у вас, тихо?
– У нас тихо, а вот вы там наверху развлекались так, ше весь дом дрожал.

Скоморохов подошел к столу, взял свой автомат, направился к двери.

– Пойду, остальных проверю.

Голота вышел из комнаты вместе с ним, ухватил за рукав.

– Ну, как полька в постели?

Андрей выдернул руку из цепких пальцев одессита.

– Отстань.

– Я же тебе говорил, она безотказная, наверное, фрицев каждый день ублажала.

Скоморохов схватил Голоту за грудки, прижал к стене.

– Не говори про неё так. У неё немцы мужа убили в тридцать девятом.

– Полегче, сержант, я всё понял. И не надо делать нервов, я не барышня, чтобы мне у стенки тискать. Помнешь лапсердак, и как тогда Сене Голоте показаться фрицам на глаза?

Скоморохов ослабил хватку, примирительно сказал:

– Извини.

– О чем речь, сержант, Сеня добрый, Сеня всё прощает. – Голота взялся за дверную ручку. – Пойду Карапетяна с Милованцевым охранять, чтоб фрицы им спать не помешали.

Скоморохов миновал прихожую, вышел на улицу. Порыв холодного ветра ударил в лицо, но Андрею показалось, что на него обрушился поток безмерного счастья. Он всё еще ощущал теплоту её тела, запах волос, слышал её страстные слова: «Анджей, любимый! Ты мой ангел!» Он не знал, кому предназначались слова Катаржины, ему или её покойному мужу, но знал, что в его очерстневшую от невзгод душу снова вернулась любовь.

* * *

Перед рассветом его разбудил Милованцев:

– Андрей! Похоже, что немцы уже рядом. Наблюдатель доложил, что заметил движение в лесу. За лесом стреляют. Скорее всего, наши подперли немцев, теперь они попрут на нас. В тылу тоже постреливают.

Скоморохов вскочил с пола, схватил автомат.

– Всем по местам! Я сейчас!

Он выбежал в прихожую, по лестнице взбежал на второй этаж, постучал в знакомую дверь. Когда она отворилась, перед ним стояла

полусонная Катаржина в черном платье. Андрей обнял её за талию, быстро заговорил по-польски:

– Вам с Гюнтером надо спрятаться, скоро здесь может начаться бой!

– Хорошо, мы спрячемся в винном погребе под домом. Там крепкие каменные стены.

Скоморохов крепко прижал женщину к груди, горячо прошептал:

– Спасибо, ты сделала меня счастливым. Теперь и умирать не страшно.

Освободив её от объятий, он побежал вниз по ступенькам. Его снова ждал бой.

Немцы появились с рассветом. Неожиданности в этом не было. Их ждали. Чтобы предупредить появление неприятеля, за реку были отправлены разведчики. Они первыми столкнулись с передовым отрядом немцев и после короткой перестрелки отступили, чтобы предупредить своих. Следом за ними на окраине леса за рекой появились солдаты вермахта, но быстрой атаки не последовало. Милованцев предположил:

– Может, не рискнут идти на прорыв.

Скоморохов не согласился:

– Мы же в начале войны шли, а немцы вояки не хуже нас, хотя уже не те, что в сорок первом.

– Надо было взорвать мосты.

– Нельзя, нашей дивизии еще по ним наступать придется. Думаю...

Договорить Андрею не дал минометный обстрел немцев. Немцы били по позициям у моста и усадьбе. Три мины упали во дворе усадьбы. Первая «гостыя» вреда не нанесла, а две других угодили в одну из хозяйственных построек и «студебеккер». Еще две мины взорвались рядом с особняком. Осколки ударили в стены и окна столовой. Звук взрыва и разбитого стекла заполнил комнату. Скоморохов, Милованцев и Карапетян успели пригнуться и спрятаться за мощной кирпичной кладкой стен, Голоте не повезло. Осколок угодил ему в грудь и голову. Андрей бросился к одесситу. Арсений лежал на спине с полузакрытыми глазами. Пробитая осколком шапка-ушанка валялась рядом. Скоморохов заметил, что крови ни на голове, ни на груди Голоты нет. Он встал на колени, склонился над товарищем. Арсений открыл глаза, пощупал грудь, голову, улыбнулся:

– Это ж надо, как мне крупно повезло. Не зря таки я одел на себя это железо.

Голота расстегнул ватник. К своему удивлению, Скоморохов увидел под ним старинную, местами тронутую ржавчиной кавалерийскую кирасу. Осколок мины застрял в металлическом нагруднике прямо напротив сердца.

– Повезло тебе, Сеня. Откуда у тебя кираса?

– На чердаке нашел, решил по назначению использовать. Как видишь, не зря. Я думал, мне хана, но, похоже, Господь Бог решил, что Сене Голоте еще стоит пожить на белом свете. Я-то что, а вот картину жалко. – Голота посмотрел на полотно со сценой охоты, пробитое осколком. – Такую красоту фрицы испортили.

– Давай подымайся, любитель живописи. Разлеживаться некогда, сейчас немцы в атаку пойдут. Видимо, до этого ждали, пока подойдут основные силы.

Скоморохов не ошибся: не успел закончиться минометный огонь, как немцы ринулись в наступление. Из леса выкатились четыре танка и тяжелый броневомобиль «Пума». Два «Тигра», две «Пантеры» и «Пума» устремились к мосту. За ними следовала пехота. Когда первый танк подъехал к реке, на мосту неожиданно, словно вырос из-под земли, появился Гюнтер. Старик был в форме немецкого солдата времен Первой мировой войны, с боевыми наградами на груди. В его правой, поднятой вверх руке, была белая тряпка. Старый вояка шел прямо на танк, время от времени что-то выкрикивал на немецком языке. Похоже, что он уговаривал солдат вермахта сдаться и не проливать крови понапрасну. Ему ответил пулемет «Тигра». Гюнтер упал на настил моста. Танк, не сбавляя скорости, проехал по телу старика. Скоморохов стиснул зубы, он вспомнил, как Катаржина рассказывала, что там же, у моста, его нашла и спасла служанка, а теперь отыскивала смерть.

Будто бы в отместку за смерть старика громыхнули гаубицы «Зверобоев» и пушка «Т-34», их поддержали огнем штурмовики. Первым загорелся «Тигр» на мосту. Бронированная махина замерла, преграждая путь другим танкам. Следом за ней от попадания крупнокалиберного снаряда сорвало башню с «Пантеры». Два остальных танка и броневомобиль «Пума» предпочли скрыться в лесу. Вслед за «зверинцем» подались и немецкие пехотинцы. Два десятка гитлеровских вояк осталось лежать на льду речки.

Бой на участке роты Рукавицына затих, теперь, получив отпор здесь, немцы рвались через мост у деревни, но и там им не удалось прорваться. Судя по тому, что канонада в тылу окруженной немецкой группировки становилась всё ближе, и там дела у них обстояли не самым лучшим образом. Но и собственный тыл у штурмовиков был не безопасен.

Следующую попытку противник предпринял через полчаса. Все повторилось, только теперь к минометам прибавился огонь немецких пушек. Немецкие наблюдатели видели, что из усадьбы не стреляли, а

потому сосредоточили огонь на позициях роты у моста, развалинах замка и укрытых в лесу самоходках. Черный столб дыма в лесу указал, что немецким артиллеристам удалось поразить одну из самоходок. Немало досталось и штурмовикам. Скоморохов видел, как вместе с пулеметом ДШК был уничтожен его расчет, как перевернуло от взрыва трофейную немецкую пушку, как гибли у реки его товарищи.

– Пристрелялись, собаки! – зло произнес Карапетян и выругался по-армянски.

Голота скрипнул зубами:

– Ничего, Сурен, мы им ответим!

И ответили. В этот раз немцы пошли в атаку большими силами. Теперь, изрядно потрепанному непрерывными боями батальону, было не просто противостоять противнику, который численно его превосходил. Теперь многое зависело от того, к кому скорее придет помощь, к окруженным немцам или к штурмовому батальону. Дивизия Красной армии оказалась проворнее. Андрею Скоморохову показалось чудом, когда неожиданно для своих и чужих из-за деревни ударили «катюши». Залп следовал за залпом. Берег реки превратился для солдат вермахта в ад. «Катюши» поддерживали огнем самоходки и штурмовики. Немцы в панике бросились к лесу, оставляя у реки горящую технику и множество убитых и раненых солдат. Но смертоносный испепеляющий огонь гвардейских реактивных минометов достал их и здесь. Короткий, но интенсивный обстрел заставил немцев прекратить атаки. Теперь им самим пришлось обороняться от непрестанно нападающих на них подразделений дивизии Красной армии. Но несмотря на упорное сопротивление, кольцо окружения сжималось всё больше. Через час стрельба неожиданно прекратилась, из леса вышли два офицера вермахта и солдат с белым флажком. Неспешным шагом они направились к мосту. Стало понятно – немцы сдаются. Еще через пятнадцать минут из леса потянулись группы немецких солдат и офицеров. Они складывали оружие на берегу и с поднятыми вверх руками переходили по мосту на другую сторону, где строились в колонну. С каждой минутой колонна пленных становилась все больше и растянулась от моста до усадьбы. Скоморохов стоял у ворот, курил и глядел на немецких солдат, но перед глазами стояла совсем иная картина, воспоминания отбросили его в лето сорок первого. Он вновь шел по пыльной дороге в нескончаемой колонне красноармейцев под Уманью. Пальцы сильнее сжали автомат, нестерпимо захотелось нажать на спусковой крючок... Один из пленных, молодой немец в пилотке, с перепачканными сажей руками и лицом, вышел из колонны, подошел,

жестом попросил закурить. Рука Скоморохова непроизвольно потянулась к пачке трофейных немецких сигарет. Он достал одну, протянул немцу. Немец прикурил, закашлялся, поблагодарил по-немецки, вернулся к товарищам. Скоморохов снова оказался под Уманью и снова увидел мордастого немца на танке, который разбрасывал, словно собакам, куски хлеба голодным красноармейцам на обочине... От воспоминаний его отвлек младший лейтенант Рукавицын:

– Что, Скоморохов, немцами любишься?

– Чего ими любоваться, фрицы не девки.

– Это верно. У нас с ними, в отличие от девок, разговор иной, а потому собирай своих бойцов, нам дан приказ идти на помощь части батальона, которая сдерживает немцев у нас в тылу. Отсюда недалеко, километров пять будет.

– Как добираться? Пешим порядком? Немцы наш «студебеккер» угробили.

– Сейчас к вам танк пришлю, сажай бойцов на него и вместе с ротой вперед.

Стоило Рукавицыну уйти, Скоморохов побежал в дом. Дверь в винный погреб находилась рядом с каморкой Гюнтера. Андрей вошел в погреб.

Она сидела одна, в темноте и сырости, на старом бочонке из-под вина. Луч фонарика осветил её фигуру в сером пальто и платке, её испуганное лицо. Андрей подошел к Катаржине, поднял за плечи. Ее тело сотрясала дрожь. Чувство нежности и жалости охватило его душу. Он крепко прижал её к себе, тихо произнес на русском языке:

– Хорошая ты моя! – по-польски добавил: – Ну, что ты? Успокойся, все уже закончилось.

Катаржина ответила дрожащим голосом:

– Мне было страшно. Я осталась совсем одна. Утром Гюнтер надел свою старую военную форму, фуражку, награды и ушел. Он сказал, что так надо, и велел мне сидеть тихо и не выходить из погреба, пока он не вернется.

– Он больше не вернется. Никогда. Гюнтера больше нет в живых. Он хотел предотвратить бесполезное кровопролитие, но его убили немецкие солдаты. Там, на мосту.

Катаржина горько зарыдала. Когда к ней вернулось спокойствие, она грустно произнесла:

– Теперь я совсем одна.

– Тебе надо перебраться в деревню. Оставаться одной в доме опасно.

– Я знаю. Теперь меня ничего здесь не держит. Я попрошу Тадеуша,

чтобы он завтра же отвез меня к родственникам, в соседнюю деревню. Дом временно останется под присмотром Тадеуша и Малгожаты, если они согласятся.

– Ты приняла правильное решение... Прости, но мне надо идти. Нам приказано двигаться дальше. Я хочу, чтобы ты знала, что я не забуду тебя никогда и буду помнить, пока живой!

– Я тоже.

Скоморохов поцеловал её в губы, взял за руку.

– Пойдем.

Когда они по каменным ступенькам выбрались из погреба, рядом с воротами раздалось рычание танкового двигателя. Андрей ещё раз поцеловал Катаржину и, бросив по-польски «Прощай!», не оборачиваясь, вышел на улицу.

* * *

Знакомый танк Т-34 стоял у ворот, выплевывая из выхлопных труб клубы дыма. Из открытого люка «Резвого» показалась голова усатого лейтенанта с обожженным лицом.

– Садись, пехота, прокатим с ветерком!

Голота залез на броню танка, поздоровался с командиром, назидательно сказал:

– Мы не спешим, так что езжай аккуратно, не тряси, а то нас укачивает. К нам тут полевая кухня приехала, с опозданием на целый день, ну и пришлось сразу и завтрак, и обед, и ужин в себя запихивать. Теперь вот боимся, шоб это добро назад из нас не вылезло.

Танкист засмеялся.

– Не бойсь, пехота, довезем в лучшем виде.

Когда штурмовики расселись на броне танка, лейтенант спросил:

– Как вы тут? Без потерь?

Скоморохов махнул рукой в сторону сгоревшего грузовика.

– «Студебеккер» немцы раздолбали, да еще Сеню чуть осколком не убило.

Голота подтвердил:

– Хотели фрицы в моей геройской груди дырку сделать, но не вышло, Сеня Голота умнее оказался. А вы как? «Трезвый» не пострадал? Видел я из окна, что вас немцы тоже вниманием не обделили.

– Не обделили. Но мы тоже не дураки, на рожон не лезли. Место

удачное выбрали. В развалинах замка полуподвал с толстыми стенами, похоже, прежде каземат был. Вот мы им и воспользовались. Стрельнем и обратно танк туда загоняем. Немцы долбят впустую, а мы ждем, пока успокоятся, потом снова им гостинца посылаем.

Голота артистично произнес:

– Вы не поверите, товарищ лейтенант, но я искренне восхищаюсь вашим полководческим талантом.

Командир танка улыбнулся.

– Брехун ты, Сеня. Ну ладно, поехали.

Танк заревел, дернулся и, перемешивая снег с грязью, двинулся в сторону новой боевой позиции роты. Здесь с этих позиций батальону предстояло перейти от обороны к наступлению. Для этого подтягивали артиллерию, бронетехнику и резервы. Атака была назначена на утро. Скоморохов стоял в траншее, вглядывался в позиции немцев и думал. Ему, командиру отделения, полагалось бы думать о завтрашнем наступлении, но думалось о другом. Мысли влекли его к усадьбе, туда, где была Катаржина, они же заставляли сердце биться сильнее. Переживания Андрей пытался успокоить курением, но это мало помогало. Когда он закурил очередную сигарету, к нему подошел Голота:

– Шо это ты, сержант, такой смурый? Уж очень мне не нравится этот кислый вид. Ты, может, не поверишь, но я не могу без слез глядеть на твой печальный портрет. Сдается мне, дорогой мой товарищ Андрей, что причина твоему паскудному настроению есть польская пани из усадьбы. Или Сеня Голота не прав?

Скоморохов вздохнул.

– Прав. Засела она у меня в голове, только о ней и думаю. Как она там одна? Хоть бы ещё раз её увидеть. Словно пьяный хожу.

– От такой красоты не только опьянеть, но и больным на голову стать можно. Я так понимаю, шо наступление раньше рассвета не начнется, так шо бери ноги в руки и бежи до панночки. Часа два, может, три тебе хватит, а мы тут тебя прикроем.

Скоморохов задумался, но раздумье было недолгим.

– Пойду. Кто знает, сколько нам до смерти осталось...

Ночь помогла опытному пограничнику и воину добраться до усадьбы незаметно. Во дворе никого не было, ворота не заперты. Скоморохов зашел, задвинул засов, прислушался. В особняке тоже была тишина, свет в окнах не горел. Он подошел к двери, подергал за шнур. В доме зазвенел колокольчик. Андрей сбежал со ступенек крыльца, посмотрел вверх. Занавеска в окне второго этажа, где находился кабинет, отодвинулась. В

свете луны он разглядел лицо хозяйки дома, помахал рукой. Катаржина тоже его узнала. Спустя минуту она отворила дверь, бросилась в его объятия, заплакала. Скоморохов, поцеловал её в лоб, погладил шелковистые светло-русые волосы.

– Ну, будет тебе, будет.

Она подняла голову, вопросительно посмотрела на него заплаканными воспаленными глазами. Андрей заговорил по-польски:

– Успокойся, пойдем в дом.

Они зашли внутрь, он закрыл дверь на защёлку и поднялся вместе с Катаржиной на второй этаж, в уже знакомую ему комнату. В освещенном светом свечей кабинете Катаржина вновь бросилась к нему на грудь, обвила шею руками и, подняв лицо, быстро заговорила:

– Как хорошо, что ты пришел. Если бы ты знал, как мне было страшно одной в доме. Днем к воротам дома два раза приходили ваши солдаты, но в дом они не зашли. Потом пришел офицер, на польском языке он объяснил мне, что в доме остановится высокий офицерский чин. Кажется, он говорил слово «генерал», но я могу ошибаться. Он смотрел на меня, как на продажную женщину. Позже он привел солдат. Они прибрались на первом этаже и заколотили окна столовой досками. Потом пришли Тадеуш и Малгожата. Они рассказали, что останки Гюнтера похоронили вместе с немецкими солдатами, его убийцами. Я попросила их отвести меня к родственникам и присмотреть за домом. Они согласились.

– Когда ты уезжаешь?

– Тадеуш сказал, что придет завтра рано утром и отвезет меня и мои вещи на повозке. Скорее бы закончилась эта ночь. Время так тянулось, а мне было так страшно. Я взяла из погреба бутылку вина и пила из нее, чтобы прогнать страх. А потом пришел ты, мой ангел хранитель. Мой Анджей! Теперь, вместе с тобой, мне будет спокойно. Ты выпьешь со мной вина?

– Выпью.

Они подошли к столу, она налила бокал, протянула Андрею.

– Пей.

Жадными глотками он осушил бокал, поставил на стол. В голове зашумело, крепкое вино обострило чувства. Скоморохов потушил свечи в канделябре, как в прошлый раз поднял её на руки и отнес на диван. Она не сопротивлялась. Они снова утонули в своих чувствах и потеряли счёт времени, однако усталость и переживания взяли свое. Андрей и Катаржина не заметили, как сон овладел ими.

Звон колокольчика вырвал их из постели. Катаржина быстро надела

платье, поспешила к окну.

– Наверное, это Тадеуш.

Скоморохов с ужасом подумал:

«Неужели уже утро?! Мне давно пора быть на позиции!»

Катаржина приоткрыла занавеску, со страхом в голосе произнесла:

– Это не Тадеуш. Там ваши солдаты. С ними офицер, который приходил днем и разговаривал со мной по-польски.

– Если они меня увидят...

– Тебе надо спрятаться в погребе.

Андрей надел ватник, шапку, перекинул через шею ремень автомата, подошел к окну. Во дворе стоял грузовик и легковой автомобиль ГАЗ-67, прозванный на фронте «козлик». Рядом с ними сустились солдаты и два офицера.

– Мне надо быть на месте, иначе меня расстреляют.

В дверь заколотили кулаком. Катаржина, подрагивающими руками зажгла канделябр, кинулась к двери.

– Я открою, а ты иди в соседнюю комнату, она не заперта, это гостевая. Там окна открываются. Прощай!

Катаржина торопливо побежала по лестнице на первый этаж, Андрей метнулся в соседнюю комнату. Окно боковой стены особняка выходило во двор. Скоморохов отодвинул запор, открыл створку. Створка предательски скрипнула. Во дворе еще темно, значит, шанс добраться до позиций к рассвету, до начала наступления, еще был. При свете луны он рассмотрел несколько деревьев. Одно стояло в двух шагах от окна, и его можно было использовать при спуске со второго этажа. Дальше, метрах в десяти от стены виднелся невысокий забор. Андрей забрался на подоконник, прыгнул, уцепился за ветку. Она хрустнула, обломилась. Скоморохов полетел вниз. Снег смягчил падение. Андрей поднялся на ноги. Всего десяток шагов отделяли его от забора, за которым он мог скрыться и продолжить путь к месту расположения батальона. Два черных силуэта вынырнули из-за угла, свет фонаря ударил в глаза. Не повезло, скрип створки, хруст ветки и падение привлекли бойцов. Громкий хриплый крик предупредил:

– Стой! Стрелять буду!

Скоморохов понял, что добежать до забора и скрыться, скорее всего, не успеет, да и перспектива быть убитым своими в конце войны его не прельщала. Андрей обреченно поднял руки вверх. Пока один из красноармейцев держал его на прицеле винтовки, другой, с автоматом в руках, подошел ближе.

– Оружие на снег!

Скоморохов снял с шеи ППШ, положил на снег, за автоматом последовал нож. Солдат с автоматом приказал:

– Два шага назад!

Андрей отошел, автоматчик собрал оружие, зашел за спину, ткнул стволом ППШ между лопаток:

– Вперед!

Его привели к парадному входу особняка, у которого стоял высокий командир в шинели. В свете автомобильных фар Скоморохов разглядел капитанские погоны. Заметил он и стоящую в дверях с канделябром Катаржину. Солдат с автоматом подошел к капитану.

– Товарищ капитан, вот задержали. Из окна выпрыгнул.

Капитан шагнул к Скоморохову, строго спросил:

– Кто такой?

– Сержант особого штурмового стрелкового батальона Скоморохов.

– Почему не в расположении батальона?

– Товарищ капитан, я...

Договорить Андрей не успел. Через открытые ворота во двор заехал накрытый брезентовым тентом «виллис». Хлопнула дверь, из автомобиля вышел круглолицый генерал-майор, подошел к парадному входу, остановился, посмотрел на капитана, спросил:

– Что у вас здесь происходит?

Капитан доложил:

– Задержан сержант особого штурмового стрелкового батальона. Скрывался в доме. Как мне известно, батальон занимает позиции в пяти километрах отсюда и готовится к наступлению, назначенному на утро.

Генерал-майор вперил взгляд в Скоморохова.

– Ты, что же, сержант, порядка не знаешь! Твое место на позиции, а ты бросил подчиненных, своих товарищей! А если сейчас бой!

Андрей попытался оправдаться:

– Товарищ генерал-майор, разрешите...

– Ах ты, стервец! От него еще и винищем за версту разит! – генерал-лейтенант перешел на крик. – Распустились! – Глянув на капитана, бросил: – Расстрелять к чертовой матери!

Генерал-майор шагнул к входу в дом, но оттуда выбежала Катаржина. Она упала перед ним на колени, быстро заговорила по-польски. Генерал-майор остановился, сделал шаг назад, удивленно спросил:

– Кто это?

Ему ответил капитан:

– Это та самая хозяйка дома, о которой я вам рассказывал.
Генерал-майор внимательно посмотрел на Катаржину.
– И вправду красивая. Подымите ее и спросите, чего она хочет?
– Просит пощадить сержанта.
– Такой женщине трудно отказать. Ладно, – генерал-майор перевел взгляд на Скоморохова. – Тебя бы под трибунал отдать, подлеца, но нам сейчас бойцы нужны, чтобы немца добить. Скажи спасибо ей, – генерал-майор кивнул в сторону Катаржины. – Только не надейся, что я тебя без наказания оставлю. Будешь в штурмовом батальоне до конца войны свою вину искупать. – Генерал-майор обратился к капитану: – Дедовский, проследишь за исполнением.

* * *

В распоряжение батальона Скоморохов успел перед началом наступления. Разговор с командиром роты Рукавициным получился коротким. Кричать младший лейтенант не стал, с упреком сказал:

– Учудил, пограничник. По твоей милости мне комбат шею намылил. Как же так, ты же бывший командир, с финской воюешь, должен знать, что главное в армии дисциплина! А ты... Эх! Я, конечно, понимаю, столько времени без бабы, а тут полька красавица, но служба есть служба, а бабами займемся после того, как войну закончим и Гитлера за причинное место на фонарном столбе повесим. Тебе еще повезло, легко отделался, могло быть хуже. Можно сказать, в рубашке родился. Сам знаешь, что бывает за самовольный уход из части. Сейчас не до тебя, но после наступления комбат собирался с тобой потолковать по душам, так что не расслабляйся. Пока же, извини, приказано тебя разжаловать в рядовые. Командовать отделением будет Милованцев. Но ты не расстраивайся, проявишь себя в боях – вернешь звание.

– Мне, товарищ комроты, все равно, в каком звании и в какой части с фрицами воевать.

– Вот это правильно мыслишь, а сейчас иди, готовься к атаке.

Атака началась через двадцать минут после разговора. Еще через час немцев выбили с позиций, пошли дальше. На исходе дня уже продвигались по земле Германии. Первым населенным пунктом на немецкой территории оказался небольшой городок. Его штурмовикам пришлось брать с боем. На пути у батальона встали солдаты вермахта и бойцы фольксштурма – ополченцы Третьего рейха. Батальоны последних были созданы в конце

сорок четвертого года по приказу Гитлера и состояли из мужчин от шестнадцати до шестидесяти лет, не состоявших на службе в армии. Им и предстояло остановить штурмовиков, однако мощная огневая поддержка и напор красноармейцев сломили сопротивление и патриотический порыв немецких добровольцев и солдат германской регулярной армии. Артиллерия постаралась на славу. По позициям немцев на окраине городка прошла огненная буря, а потому штурмовики не встретили организованного отпора. На позиции они застали только трупы фольксштурмовцев, одетых кто во что горазд. Они были в пальто, шинелях, плащах, шляпах, фуражках, кепках. Некоторые из вояк фюрера были в касках. Одинаковыми были только повязки с надписью на немецком: «Deutscher Volkssturm Wehrmacht». Здесь же валялось их оружие: ручные пулеметы, датские и французские винтовки, немецкие карабины, фаустпатроны и панцерфаусты. Те, кому повезло уцелеть, отошли к центру городка. Бойцам отделения Скоморохова были видны крыши нескольких каменных трехэтажных домов и шпиль кирхи. Но туда надо было еще добраться. Каждый дом на подступах к центральной площади мог таить опасность. Поэтому мимо двух-трехэтажных, по большей части каркасных особнячков с выступающими наружу балками и раскосами, мансардами и двускатными, крытыми черепицей, крышами, огороженных аккуратными заборчиками, продвигались с осторожностью. Шли, сохраняя обычный порядок. Посередине улицы ехала ставшая родной тридцатьчетверка «Резвый», прозванная с легкой руки Голоты «Трезвый». Впереди и по обеим сторонам от танка шли штурмовики с автоматами на изготовку. Позади боец с ручным пулеметом и еще двое с трофейными фаустпатронами, которые подобрали на позициях фольксштурма. Шли и, глядя на ухоженные дома немцев, вспоминали разоренные и сожженные русские деревни, белорусские села, украинские хутора и разрушенные города...

К удивлению штурмовиков, к площади приблизились без столкновений с противником, надеялись, что немцы покинули городок, но впереди, перед площадью, путь им преградила баррикада из мешков с песком и битого кирпича. Мешки с песком Скоморохов заметил и на балконе одного из трехэтажных домов, построенного из красного кирпича. Именно оттуда открыл огонь немецкий пулеметчик. Дуло тридцатьчетверки хищно нацелилось на балкон. Выстрел «Резвого» прозвучал одновременно с выстрелом из фаустпатрона. Арсений Голота первым заметил движение в окне кирпичного двухэтажного особняка справа и даже нажал спусковой крючок автомата, но было поздно... Граната, выпущенная из фаустпатрона,

пробила броню «Резвого», тридцатьчетверка загорелась. Из машины повалил дым, послышались крики горящих заживо танкистов. Через несколько секунд сдетонировал боезапас, оглушающий взрыв бросил штурмовиков на заснеженный тротуар. Один из бойцов попытался встать, но был сражен выстрелом из винтовки. Та же участь постигла еще одного штурмовика. Стрелок оказался опытным и бил из окна второго этажа каменного особняка, того самого, откуда прилетела граната, выпущенная из фаустпатрона. Скоморохов забыл, что не является командиром отделения, командовал:

– Огонь по окнам! Сурен, фаустпатрон!

Следом за ним команду продублировал новый командир отделения Владимир Милованцев. Но штурмовики и без команды открыли ответный огонь из автоматов. Многоголосо зазвенели разбитые стекла особняка. Сурен Карапетян прицелился, выстрелил из фаустпатрона. Граната влетела в окно на втором этаже, из которого секундой назад стреляли из винтовки. Взрыв вынес раму, из оконных проемов вырвались клубы пыли и дыма. Одновременно со взрывом в доме звуки взрывов послышались и со стороны баррикад. Одна из штурмовых групп батальона приступила к захвату площади городка. Теперь можно было сосредоточить больше внимания на злосчастном доме. Милованцев крикнул:

– Прекратить огонь! Скоморохов, Голота, Карапетян за мной! Остальные прикрывают!

Через минуту бойцы штурмового батальона были под окнами особняка. Сурен Карапетян и Скоморохов подсадили в окно более легких Голоту и Милованцева, затем Милованцев, пока Голота его прикрывал, помог взобраться Скоморохову. Как только бойцы скрылись в окне, Карапетян побежал к дверям.

Сопrotивления на первом этаже дома штурмовики не встретили. Не было его и на втором. Голота первым забежал в комнату, откуда стреляли из винтовки и фаустпатрона. В просторной полуразрушенной комнате Арсений обнаружил двоих. У окна, в луже крови, присыпанный кирпичной пылью, лежал пожилой мужчина в черной шляпе и сером пальто. Арсений заметил на левом рукаве повязку фольксштурма. В этой же руке убитый держал охотничью винтовку. Это был стрелок, убивший двоих бойцов. Рядом, в глубине комнаты, прислонившись спиной к стене, сидела молодая рыжеволосая симпатичная женщина лет тридцати, в армейских, мшистого цвета галифе и камуфлированной с капюшоном куртке. Окровавленное кепи военного образца она прижимала к правому боку. Женщина была ранена. Бледное лицо, прикушенная губа и тяжелое прерывистое дыхание

говорили о том, что её терзает нестерпимая боль. О ранении говорил и кровавый след, который вёл от окна к стене. На левом рукаве девушки тоже была повязка фольксштурма, рядом валялся ствол фаустпатрона с надписью красными буквами на немецком языке «Осторожно, огненная струя». Голота посмотрел на женщину безжалостным взглядом, процедил сквозь зубы:

– Сука!

Когда в комнату забежали Милованцев и Андрей Скоморохов, он нажал спусковой крючок. Автоматная очередь прошила тело девушки, оно дернулось, обмякло, рыжеволосая голова упала на грудь. Милованцев гневно блеснул глазами в сторону Голоты, возмущенно крикнул:

– Кто позволил?! Зачем! Это же раненая женщина!

Голота побледнел, пошел на Милованцева.

– Ты на кого пену гонишь, командир хренов?! Интеллигент ты наш сердобольный, бабу пожалел, а ребят, которые заживо по её милости в танке сгорели, тебе не жалко?! Эти стервы своим мужьям победы желали, когда они наших убивали, грабили, насиловали, а сейчас в нас стреляют! А эта тварь знала, как стрелять. Стояла напротив коридора, чтобы седалище себе не подпалить выхлопной струей!

Скоморохов встал между ними.

– Будет вам. Надо другие комнаты проверить и подвал. Может, здесь еще какая-нибудь сволочь затаилась.

Милованцев и Голота бывшего командира отделения послушались. Выходя из комнаты, Андрей снова бросил взгляд на убитую немку. Ему вдруг представились руины дома старика Михаэля Шмуклера и торчащая из них холодная рука его девушки Вари...

Скоморохов забежал в соседнюю комнату. На кровати лежал юноша в черной форме патрульной службы «Гитлерюгенда» с перевязанной головой. Он был мертв. Андрей подошел к письменному столу, смахнул с него бронзовый бюстик Адольфа Гитлера. Фюрер с грохотом ударился головой об деревянный пол. Скоморохов остановил взгляд на стене. Его внимание привлекли несколько фотографий в деревянных рамках. С одной из них, на фоне Эйфелевой башни в Париже ему белозубо улыбался немецкий пехотный офицер. Он же глядел на него и с другой фотографии. Только теперь у него за спиной был православный храм. Рядом висела фотография молодого рослого лейтенанта Люфтваффе рядом с самолетом «мессершмитт». Еще на одной фотографии Андрей увидел счастливое немецкое бюргерское семейство: отец, мать, две девушки, рыжая и русоволосая в модных шляпках. В рыжеволосой Андрей узнал женщину-

фаустника. Рядом с девушками стояли два офицера и светловолосый юноша в шортах, форменной рубашке с повязкой на рукаве и галстук. В углу фотографии надпись на немецком языке: «Дрезден. 10 мая 1941 года». Взгляд Скоморохова упал на раскрытую тетрадь на столе. Похоже, что это был дневник. Последняя запись в нем датировалась сегодняшним числом. Было указано и время. Скоморохов посмотрел на настенные часы. Получалось, что последние строки в дневнике были написаны пятнадцать минут назад. Любопытство бывшего пограничника НКВД взяло верх. Андрей быстро пробежался глазами по строчкам. Они гласили:

«Я, Мартин Фридрих Шульц, член Национал-социалистической немецкой рабочей партии с 1933 года, пишу свои последние слова, так как готовлюсь отдать жизнь за Великую Германию. Её враги отняли у меня всю семью. Мой старший сын, гауптман Зигфрид Шульц, погиб в Сталинграде в сорок втором году, средний сын Готфрид, лейтенант Люфтваффе, был сбит в небе над Киевом в сорок третьем. В сорок четвертом году во время бомбардировок Берлина самолетами американцев погибли моя жена и дочь. Сегодня русские варвары пришли к нам. В бою был смертельно ранен мой последний сын Вернер. Он умер десять минут назад. Нас осталось двое – я и Эльза, жена старшего сына Зигфрида. Она, как настоящая арийка, тоже хочет отомстить русским за мужа. Эльза оделась в мужскую одежду, так как женщин пока еще в «Фольксштurm» не принимают, и вышла с нами на позиции. Ранение Вернера заставило нас вернуться домой, но нам не удалось его спасти. Бедный мой мальчик! Мы отомстим за тебя! Правильно писал мой сын Зигфрид с Восточного фронта о том, что русское население заслуживает только полного уничтожения. Жаль, что этого не случилось, и вот теперь русские солдаты приближаются к нашему дому, но они еще не знают, что здесь их поджидает смерть.

Да здравствует наш фюрер Адольф Гитлер! Да здравствует Великая Германия!»

Похоже, что автором письменной исповеди был пожилой немец в пальто, тот самый стрелок, тело которого сейчас лежало в соседней комнате. Скоморохов закрыл тетрадь.

«Фанатик, он искренно верил в непогрешимость идей Гитлера, наверное, тоже по-своему любил свою страну и готов был отдать за неё жизнь, как многие тысячи наших людей без раздумий отдавали жизни за свою родину».

В комнату вошел Голота, в его руках Андрей увидел массивный инкрустированный эмалью портсигар, изящные женские часики и два золотых колечка и цепочку с кулоном.

– Вот, экспроприировал у гадов. Портсигар батю подарю, часы мамаше, а цацки сестрам.

Скоморохов неодобрительно покачал головой.

– Зря ты, Сеня, это взял.

– Еще один правдолюбец жалостливый выискался. Эти падлы фашистские у меня в долгу, они наш дом в Одессе вдребезги разнесли, ничего не осталось, а ты: зря. Если не мы, то тыловики заграбастают. Добро это, как я понимаю, теперь брошенное. – Голота сунул добычу в карман галифе. С первого этажа раздался голос Владимира Милованцева:

– Скоморохов! Голота! Сюда!

Андрей и Арсений сбегали вниз, Милованцев командовал:

– За мной!

Они бегом вернулись к изуродованному взрывом танку, где оставались остальные бойцы штурмовой группы. Когда отделение добралось до баррикад, там уже было всё кончено. На площади стояли краснозвездные танки и самоходки, на кирхе развевался красный флаг, по улице вели фольксштурмовцев, тех, кто не был убит и не успел бежать из городка. В основном это были юноши и мужчины пожилого возраста. Великая Германия расходовала свой последний людской резерв.

* * *

Наступление на этом участке великой битвы, протянувшейся на многие тысячи километров, приостановилось из-за тактических соображений. Части Красной армии в упорных боях освободили Польшу, вошли на территорию Германии, вышли к реке Одер и, форсировав её, захватили плацдармы у Франкфурта и Кюстрина. Но успех достался нелегко. Потери в личном составе, усталость солдат, измотанных непрерывными боями, отставание тыловых частей снабжения армий, оттепель начала февраля, превратившая дороги в непролазное грязевое месиво, а реку Одер в водную преграду, явились частью причин приостановки наступления. Теперь подразделения Красной армии приводили себя в порядок, подтягивали отставших, пополнялись резервами, техникой, набирали силу для последнего, смертельного удара по врагу. Приводил себя в порядок и отдельный штурмовой стрелковый батальон. Штурмовики достигли немецкой деревеньки на берегу Одера, где и были остановлены по приказу командования. Отделение, которым теперь командовал Владимир Милованцев, расположилось в доме, где проживали

пожилая мать-немка и семнадцатилетняя дочь. Большинство жителей поспешили покинуть деревню, опасаясь зверств солдат Красной армии и мести поляков. Этому немало способствовала пропаганда Третьего рейха. В деревне штурмовикам попались на глаза несколько плакатов, на которых были изображены звероподобные красноармейцы. Нашли и листовки, в которых описывались насилия, которые они применяют к немцам на захваченных территориях, не щадя женщин, детей и стариков. Повлияла пропаганда и на хозяев дома. Из деревни они не уехали, но из осторожности хозяйка спрятала дочь в подвале, пока её при осмотре дома, в котором штурмовикам предстояло встать на постой, случайно не обнаружил Скоморохов. Девушка сидела в подвале не одна. Когда Андрей спустился по ступенькам, то услышал злобное рычание. Он направил луч фонаря в ту сторону, откуда оно доносилось. Свет упал на русоволосую девушку с перепуганным настороженным лицом, у ног которой сидела немецкая овчарка. Девушка держала её за поводок, но было видно, что пёс не шевельнётся, пока не услышит команду.

«Хорошая дрессировка», – подумал Андрей. Он, как бывший пограничник, знал, на что способна хорошо обученная собака, а потому заговорил спокойным голосом, на немецком языке:

– Фройляйн, успокойтесь, я не сделаю вам ничего плохого. Я зашел, чтобы проверить, нет ли в вашем доме вооруженных людей. А теперь возьмите собаку и спокойно выходите из подвала. Вам не стоит здесь находиться. Идите к своей матери, никто вас не обидит. Я вам обещаю.

Скоморохов, пятясь задом, поднялся по лестнице. Девушка сержанту поверила. Когда она, дрожащая от холода и страха, вышла из подвала вместе с овчаркой, к Андрею кинулась хозяйка дома. Она со слезами просила пощадить дочку и рассказала, что её отец высказывался против войны и правящей власти, за что был посажен в тюрьму, где находился по сию пору. Она успокоилась лишь тогда, когда Андрей пообещал, что гарантирует ей и её дочери безопасность, пока он и его товарищи находятся в их доме.

Дом был скромных размеров, а поэтому большинство бойцов отделения разместились на первом этаже, в столовой и мастерской, где хозяин до того, как отправился в застенки гестапо, занимался изготовлением курительных трубок. Милованцев, Скоморохов и Голота расположились на временное проживание на втором этаже, в уютном зале с диваном, небольшим столиком, двумя стульями и креслом-качалкой. Украшением зала служило старинное пианино. У Милованцева при виде инструмента загорелись глаза. Когда ватник, шапка, автомат и вещмешок

ленинградца оказались на диване, он пододвинул один из стульев к пианино, сел на стул, открыл крышку. Его длинные тонкие пальцы коснулись клавиш и звуки «Венского вальса» Иоганна Штрауса заполнили дом. Музыка завораживала. Скоморохов и Голота так и остались стоять посередине зала одетые, с вещмешками за плечами и оружием в руках. Очарованные игрой, они не заметили, как в зал забежала немецкая овчарка. Собака села рядом с Милованцевым и стала внимательно на него смотреть. Владимир заметил собаку, прекратил играть. Голота усмехнулся:

– Похоже, псине тоже твоя музыка понравилась.

Милованцев настороженно, с неприязнью посмотрел на собаку.

– Ей, может, и нравится, только мне не очень. Мне после плена до сих пор эти овчарки снятся. Как вспомню их пасти оскаленные... Меня ими два раза травили, ноги и руки после их зубов в шрамах. На всю жизнь память осталась. Убрали бы вы её, ребята.

Прогонять пса не пришлось, он будто понял, о чем говорили штурмовики, обиженно посмотрел на Милованцева и выбежал из комнаты. Владимир продолжил играть. В дверях появилась дочь хозяйки дома. Она вошла в комнату с подносом в руках. Когда прозвучали последние аккорды вальса, девушка подала голос:

– Битте. Брецель.

Штурмовики обернулись. На подносе стояли три чашечки суррогатного эрзац-кофе, рядом с ними лежало несколько штук ржаного, похожего на галеты печенья и стеклянная вазочка с вишневым вареньем. Несмотря на карточную систему и тяжелое положение с продуктами на территории Германии, хозяйка, в ущерб собственным припасам, решила ублажить русских солдат в надежде на их ответное доброе отношение. Но Милованцева и Голоту больше заинтересовала сама девушка. Стройная фигура, густые русые волосы, серые выразительные глаза невольно притягивали внимание. Арсений не удержался от комплимента:

– Вы поглядите, какая цыпа, шоб она мне во сне снилась!

Девушка подошла к столу поставила поднос. Скоморохов поблагодарил по-немецки:

– Данке шон.

Девушка собралась уходить, но Милованцев попросил Скоморохова её остановить.

– Андрей, спроси, как её зовут и чьё это пианино.

Скоморохов задал вопрос. Девушка ответила, что её зовут Марта и это её пианино. Она вновь попыталась уйти, но Милованцев явно этого не хотел и попросил через Скоморохова что-нибудь сыграть. Девушка не

отказалась, и в доме вновь зазвучал вальс Штрауса, только теперь это был вальс «Сказки Венского леса». И вновь музыка оплела всех своими невидимыми сетями, увлекла за собой, в далекую мирную, довоенную жизнь...

Звуки вальса затихли, девушка встала, добродушно посмотрела на Милованцева, мило улыбнулась и вышла из комнаты. Голота проводил девушку нагловатым взглядом, напевая слова известной песни:

Утомленное солнце
Нежно с морем прощалось,
В этот час ты призналась,
Что нет любви.

Милованцев покраснел, улыбка девушки ввела его в смущение. Внимание девушки к Милованцеву задело Голоту, после последней ссоры между ними росла неприязнь, и это очень не нравилось Скоморохову. Одессит не замедлил подначить нового командира отделения:

– Ишь, раскраснелся, как рак в кипятке. Ты бы еще этой фрицевской стерве ручку поцеловал.

Милованцев вскочил со стула, гневно глянул на Голоту.

– Не смей! Если надо, и поцелую. Такая игра на инструменте того стоит. – он снова сел к пианино, пробежался пальцами по клавишам.

Скоморохов снял шапку, ватник, сел на диван, устало произнес:

– Хватит вам лаяться, потерпите до марта, когда нас, по окончании срока, раскидают в разные части. И не забывайте, что нам вместе в бой идти. И еще: девку не трогайте! Володя правильно говорит: мы Красная армия и должны вести себя достойно, не уподобляться фашистам. Надо думать о том, что о нас после напишут, каким словом вспомнят.

Голота достал из вещмешка бутылку шнапса, глотнул из горлышка, заел ржаным печеньем и лишь потом ответил:

– А ты меня не учи, что делать, я ученый. Фрицы наших девок трогали, а нам, получается, нельзя? Опять же, у тебя, Скоморохов, полька была, и мне немку охота.

Андрей промолчал, ведь доля правды в словах Арсения всё же была. Скоморохову отчего-то вновь вспомнилась Варя. Воспоминания о ней сменила картина изнасилованной в партизанском стане приспешниками

фашистов девушки Дануты. И всё же...

Милованцев, чтобы не слышать слов Голоты, заиграл громче. Арсений снова отпил из бутылки, подошел к Милованцеву, примирительно сказал:

– Что ты всё тренькаешь, лучше вот эту изобрази. – переминаясь с ноги на ногу и поводя плечами, запел:

С одесского кичмана
Сорвались два уркана,
Сорвались два уркана в дальний путь.
В вапняновской малине
Они остановились,
Они остановились отдохнуть...

Ночью штурмовиков разбудил протяжный вой собаки в доме. Хозяйка и её дочь пытались успокоить овчарку, но вой не прекращался. Спустя некоторое время Скоморохов услышал, как хлопнула входная дверь, он понял, что хозяева выпустили пса на улицу. Теперь собака выла под окнами комнаты, где расположились штурмовики. Затем случилось то, чего никто не ожидал. Голота выругался, встал с кресла-качалки, на котором спал, открыл окно и выстрелил из автомата. Вой сменился жалобным визгом, который вскоре затих. Скоморохов, Милованцев и Марта выбежали на улицу, но овчарка была мертва.

Выстрел разбудил не только обитателей дома, но и командира роты Рукавицына. Голоте удалось избежать серьезного наказания. Одессит объяснил свое поведение так:

– Увидел, что кто-то подбирается к дому, открыл окно, спросил, кто идет? Когда мне не ответили, я выстрелил.

Скоморохову и Милованцеву, чтобы не подводить товарища, пришлось подтвердить его слова. На упреки Милованцева он ответил:

– Эта псина своим воем беду нам могла накликать. Ты же сам говорил, шо собак не любишь. Так шо тебе из-под меня надо!

После этого случая отношения между Голотой и Милованцевым испортились еще больше. Не стали они лучше и с хозяевами дома. Да и с чего? Скоморохов видел, что Марта весь следующий день ходила с заплаканными глазами и старалась не выходить из своей комнаты.

Время шло, а наступление на Берлин всё не начиналось. Впрочем, и боевые действия не прекращались. Немцы предпринимали безуспешные попытки скинуть с плацдармов в Одер части Красной армии, а в тылу еще оставались очаги сопротивления немцев. 23 февраля пришло сообщение, что пала превращенная немцами в крепость Познань. На следующее утро Голота принес ещё одну новость. Он вошёл в комнату, где сидели за столом Скоморохов и Милованцев, в возбужденном состоянии и с порога принялся излагать суть причины, которая вывела его из равновесия:

– Слушайте сюда! Я сейчас ходил отправлять посылки родителям, и, шо вы себе думаете, я услышал? – не дожидаясь ответа, он продолжил: – А услышал я то, шо несколько человек из других рот будут досрочно выведены из состава батальона за проявленную в бою исключительную доблесть. Спрашивается вопрос. Это как изволите понимать, господа хорошие? Они, значит, герои, а мы, выходит, дерьмо собачье?! Как вам это нравится? Чего молчите?! Разве мы мало фрицев положили и в плен взяли, а сколько трофеев?! Это шо, справедливо?

Андрей встал из-за стола.

– А так, Сеня, и понимай. Во-первых, воюем мы не только за то, чтобы поскорее офицерские погоны получить. Во-вторых, вполне могла случиться какая-нибудь путаница в документах или представление затерялось. В-третьих, кому сейчас прикажешь о нас хлопотать? Первый командир роты старший лейтенант Коробков убит, второй, Рукавицын, ранен и вернется в батальон или нет, неизвестно.

Голота не утерпел:

– И в-четвертых, можете, уважаемый Арсений Семёнович, утереться и не пускать слюну до самого пола. – Голота подошел к дивану, вытащил из-под него бутылку шнапса, откупорил, сел в кресло-качалку, сделал глоток.

Скоморохов неодобрительно посмотрел на товарища.

– Прекращал бы ты это дело, уже который день к бутылке прикладываешься. Смотри, так и до неприятностей недалеко.

Голота оскابился, достал из кармана папиросы, закурил. Выпустив изо рта кольцо дыма, ответил:

– Ой, только не надо делать мне беременную голову. Шоб ты знал, этот чудодейственный нектар лечит мне нервы, а они у меня уж очень стали чувствительные.

В комнату вошел Карапетян:

– Андрей, Володя. Вас комбат вызывает.

Голота встал с кресла-качалки, обиженно произнес:

– Ну вот, похоже Сеня Голота опять лишний.

Ему никто не ответил. Андрей Скоморохов и Милованцев быстро собрались, вышли из комнаты. В глубине души у Скоморохова затеплилась надежда, может, его простили, может, и на их роту есть приказ об отчислении его и его товарищей из батальона и восстановлении в прежних званиях за доблесть.

Надежда не оправдалась. Разговор с комбатом был непродолжительным. Майор Миронов пожурил Андрея Скоморохова за проступок и выразил надежду, что больше такого не повторится, после чего сказал, что он вновь назначается командиром отделения, а Милованцеву предложил временно заменить командира роты Рукавицина, выбывшего на неопределенный срок по причине ранения. Решение командира – закон, с тем и вернулись обратно.

В доме их встретил плач матери-немки и её дочери Марты. Девушка жалась к матери и стыдливо прикрывала разорванным платьем обнаженную грудь. Андрей постарался узнать у хозяйки дома, в чем дело, но в ответ услышал упреки. Он попросил её успокоиться, но в это время наверху раздался грохот. Разговор с немкой отвлек Скоморохова, и он не заметил, как Милованцев быстро поднялся на второй этаж. Андрей кинулся следом. Когда он забежал в комнату, Голота вставал с пола. Из его носа текла кровь, затуманенные спиртным глаза с ненавистью смотрели на Милованцева. Владимир стоял в двух шагах от него, у пианино. Его искаженное гневом лицо побледнело, суставы на сжатых в кулаки пальцах побелели. Голота вскочил, выхватил из ножен нож.

– Ну всё, фраер, тебе конец.

Скоморохов, зная умение Голоты владеть ножом и его взрывной характер, понял, что Милованцеву грозит смертельная опасность. Андрей бросился между противниками, перехватил занесенную для удара руку Голоты, повалил его на пол. Арсений пытался вырваться, но на помощь Скоморохову пришел прибежавший на шум Сурен Карапетян. Они отняли у одессита нож, посадили на диван, заставили успокоиться. Скоморохов с укором посмотрел на Голоту, по-отечески сказал:

– Что ж ты так?!

Голота молчал. Скоморохов обратился к Карапетяну:

– Ты присмотри, чтобы они опять друг на друга не набросились, а я пойду хозяйку успокою.

Ни хозяйки, ни её дочери Марты Скоморохов в доме не нашел. Они

вернулись через час, вместе с бойцами «СМЕРШа». В их командире Андрей узнал капитана Шиловостова. По его приказу и указке хозяйки дома Голоту взяли под арест. Со словами: «Товарищ капитан, я не виноват! Я ей ничего не сделал! Я только хотел удержать, а она рванулась и платье...» – он бросился к Шиловостову, но его сбили с ног, связали руки. Во время возни на полу у Голоты из кармана выпал портсигар. Его поднял капитан Шиловостов. Ловким движением пальцев открыл крышку. В портсигаре вместо сигарет оказались женские часики и золотые украшения.

Капитан «СМЕРШа» вперил холодный взгляд в Голоту.

– Так ты, боец, ещё кроме того, что немок домогаешься, пьянствуешь, – Шиловостов покосился на бутылку шнапса у кресла-качалки, – еще и мародерствуешь?! Ты знаешь, что позоришь нашу армию?! Знаешь, что отец девушки посажен фашистами в гестапо?!

Голота обреченно опустил голову. Шиловостов кивнул бойцам «СМЕРШа»:

– Увести!

Арсения увели. Он так и ушел с опущенной головой, скрывая от товарищей свое лицо и свои переживания. Капитан Шиловостов начал допрос свидетелей. Однако штурмовики знали немного, так как никто не видел, что произошло между девушкой и Голотой. Когда в комнату на допрос вызвали Скоморохова, он в разговоре с капитаном предположил:

– Может, и не было между ними ничего, и Арсений сказал правду? Может, он не виновен? Он парень хороший и боец отличный, нельзя его строго судить...

Слова Андрея заставили Шиловостова вспылить:

– Не виновен, говоришь! Может, ты к немке под подол полезешь и проверишь, было что-нибудь между ними или нет! А куда ты денешь пьянство и мародерство! Послушай меня, Скоморохов! Не суй нос куда не следует! Мы без тебя разберемся, кто прав, а кто виноват! – Шиловостов открыл офицерскую сумку-планшет, достал из нее листок бумаги протянул Андрею. – Читай! – Скоморохов взял листок. Это был приказ Сталина от 19 января 1945 года «О поведении на территории Германии». Приказ гласил: «Офицеры и красноармейцы! Мы идем в страну противника. Каждый должен хранить самообладание, каждый должен быть храбрым... Оставшееся население в завоеванных областях, независимо от того, немец ли, чех ли, поляк ли, не должно подвергаться насилию. Виновные будут наказаны по законам военного времени. На завоеванной территории не позволяются половые связи с женским полом. За насилие и изнасилования виновные будут расстреляны».

Андрей поднял глаза от листка и напоролся на жесткий взгляд старшего оперуполномоченного.

– Надеюсь, приказ командующего фронтом о том, что запрещается притеснять немецкое население, грабить квартиры и сжигать дома, тебе оглашать не надо, он был зачитан в каждом батальоне. И в вашем тоже. Посему каждый боец должен его исполнять! Тех, до кого не дошёл смысл этих приказов, мы караем и будем карать! Это тебе ясно?

Скоморохов встал.

– Так точно, товарищ капитан.

Шилохвостов указал на стул.

– Сядь. И не забывай, на каком положении находится ваш батальон. Вы для всех штрафники и ещё должны доказать преданность Родине, с вас спрос вдвойне. Надеюсь, это понятно? Так что помогать твоему товарищу я не буду. Теперь, что касается тебя. Пришло подтверждение о том, что ты действительно в указанный тобой срок находился в партизанском отряде, а также о том, что ты был инициатором побега из лагеря для военнопленных. Так что твое пребывание в отдельном штурмовом стрелковом батальоне более считаю неуместным. – Шилохвостов почесал лоб, виновато произнес: – Ты уж не держи на меня обиды за то, что сразу не разобрались, на то время у нас не хватало сведений. Многое проясняется только сейчас. Вот недавно выяснилось, что один из бойцов батальона по фамилии Проскурин оказался пособником немцев. Кстати, тоже был в окружении и попал в плен под Уманью, как и ты. Не знал такого?

– Знал. Сержанта убили в первом же бою на плацдарме, четырнадцатого января.

– Он смерть за подлости свои заслужил, а ты заслуживаешь возвращения звания.

– Не заслуживаю.

Шилохвостов удивленно посмотрел на Андрея.

– Это еще почему?

Андрей без утайки поведал капитану о польке Катаржине и встрече с генерал-майором в усадьбе. Рассказ заставил Шилохвостова задуматься.

– Да-а, брат, натворил ты дел. За такое тебя бы могли к стенке... Ладно, попробую тебе помочь, только и ты сам себе не нагадь. – капитан встал, подал Скоморохову ладонь. – Иди. Надеюсь в следующий раз встретить тебя в прежнем командирском звании.

Андрей пожал капитану руку, вышел из комнаты. На душе было радостно от того, что он оправдан, от надежды, что Шилохвостов поможет и ему вернуть звание и доверие, однако радость омрачала тревога за судьбу

Голоты. В глубине души Скоморохов надеялся, что Шилохвостов поможет и Арсению... Не помог. Арсения Голоту расстреляли на следующий день в назидание остальным бойцам батальона...

С того дня в душе Скоморохова будто что-то надломилось. В сорок первом он прикипел душой к пограничнику Павлу Бондаренко, но он был расстрелян Проскуриным, Голота заменил ему Бондаренко, но судьба распорядилась так, что теперь расстреляли Арсения, не без участия Шилохвостова. Для него, детдомовца, никогда не знавшего семьи, потеря друга была ударом. Теперь его уже не особо радовала надежда скорого возвращения командирского звания. Боль утраты утихла в апреле, когда армия снова пошла в наступление. Теперь шли в бой без Голоты и Карапетяна. В середине марта Сурен Карапетян был исключен из состава отдельного штурмового стрелкового батальона с формулировкой: «В боях с немецкими захватчиками с оружием в руках доказал свою преданность Социалистической Родине». Скоморохову за проявленное мужество в последнем бою комбат, на свой страх и риск, снова доверил отделение. Милованцева, из-за случая с Голотой, командовать ротой вместо Рукавицына не поставили, более того, убрали и с командования отделением, а вскоре из медсанбата вернулся и сам Рукавицын, теперь уже в звании лейтенанта. Однако из батальона, к удивлению командиров и бойцов, Милованцев, как Карапетян, не ушел, а остался по собственному желанию. Ему не отказали, так как потери среди штурмовиков в наступательных боях были немалые и каждый воин был на счету. За день до начала наступления Скоморохов не утерпел и спросил:

– Скажи по правде, почему ты остался? Ладно я, у меня выхода нет. А ты? Нас же на самые опасные участки бросают. Сам же знаешь, в штурмбатах большинство бойцов уже через месяц убиты или ранены. А тут возможность не погибнуть в конце войны. Пока то да се, пока в другую часть определяют, глядишь, и победим фрицев. Говорят, от Кюстринского плацдарма до Берлина по прямой шестьдесят километров. Опять же звание...

– Мне звание не нужно, и командовать у меня желание пропало ещё после того, как я ребят под Любанью, в сорок втором, заморозил во время атаки. Впрочем, звания и так после победы должны вернуть. Я, Андрей, с некоторых пор стал относиться к жизни философски.

– И в чем же твоя философия заключается? Искать себе смерти?

– Смерти я не ищу, но и за жизнь не цепляюсь. Родные мои погибли, девушки нет, а стало быть, терять мне нечего. Следовательно, лучше я, чем тот, кому есть ради чего жить. Да и не всё равно ли, где воевать с немцами.

– Согласен, разницы нет, а вот жизнь ценить надо. Я ведь тоже без родни и много кого в этой войне потерял, но знаю одно – жить надо и надеяться надо. У тебя мечта есть?

– Была. Хотел знаменитым пианистом стать.

– Вот и станешь, а я на твой концерт приду. Позовешь?

Милованцев улыбнулся:

– Позову, только сначала надо фрицам траурный марш сыграть.

* * *

Траурный марш фрицам сыграли орудия. Холодным пасмурным днем 16 апреля в 5 часов утра артиллерия фронта всей своей мощью обрушилась на передовые позиции врага и через 25 минут перенесла огонь вглубь его обороны. Тогда-то и пошли в наступление стрелковые части, а вместе с ними штурмовой батальон, в котором несли службу Скоморохов и Милованцев. Частям армии предстояло действовать с плацдарма, занятого частями армии еще в феврале, в обход хорошо укрепленных противником Зееловских высот, на штурм которых пошли другие подразделения фронта. На участке, где предстояло наступать батальону, противник тоже неплохо подготовился к обороне. Штурмовикам это было известно. За день до наступления батальон после десятиминутного артналета провел разведку боем, занял первую траншею противника и даже попытался овладеть второй, но вынужден был отойти на исходные позиции. Разведка боем обошлась штурмовикам дорого, многие из них были убиты и ранены. Получил легкое ранение в голову и Скоморохов. И вот теперь снова предстояло идти на врага и нести потери. Чтобы их было меньше, немцев ослепили десятки мощных прожекторов. Яркий свет разогнал предрассветную мглу, осветил поле боя и ослепил солдат вермахта. Это помогло штурмовикам без больших потерь занять первую траншею и пройти еще три траншеи передового оборонительного рубежа, но на этом наступление застопорилось. Второй рубеж прорвать не удалось. Причиной стали минные поля, множество траншей, дотов и других оборонительных сооружений, а еще сильный огонь и упорное сопротивление солдат германской армии.

Милованцев сетовал:

– Неужели они не понимают, что проиграли. Сколько бы они ни упрямылись, мы и союзники их одолеем. К чему бессмысленные жертвы? Неужели Гитлеру не жалко свой народ?

– Таким, как Гитлер, жалость не свойственна. Думаю, он, как и многие немцы, надеется, что с нами может случиться то, что произошло с германской армией под Москвой и Сталинградом.

– Пустые надежды. Фронт уже никогда не покатится назад, на восток.

– Многие из них фанатично верят словам Гитлера, и они будут драться до конца. Так что мы с тобой еще немало товарищей потеряем.

Товарищей теряли каждый день, численность батальона таяла, но задача оставалась той же: «Прорвать вторую линию обороны противника!»

Вторую линию обороны прорвали через два дня, не сбавляя темпа, заняли немецкий городок и пошли дальше, оставляя позади уничтоженные танки, самоходки, пушки и трупы солдат, свои и чужие...

Дальнейшее продвижение легкой прогулкой не было. Теперь союзниками немецких солдат стали заболоченная лесистая местность, множество озер, рек и каналов, встающих на пути наступающей армии. Встала такая преграда и на пути штурмового батальона. Речка была не широкой, но глубокой. Переправу затрудняло наличие противника на противоположном берегу. Поэтому форсирование начали рано утром, когда предрассветный туман укрыл реку. Водную преграду преодолевали на наскоро сколоченных плотках, найденных на берегу лодках и двух автомобилях-амфибиях. Несмотря на весеннюю прохладу, шинели и ватники сняли. Знали, случись оказаться в мутной воде реки, теплая вещь потянет ко дну, но сейчас невидимые в предутреннем тумане плоты и лодки плыли к противоположному берегу. Туда, где звучала смертоносная какофония взрывов, это начался артоналет. На речной глади было относительно спокойно, слышались только редкие негромкие команды, скрип уключин и всплески воды от весел. До середины реки доплыли спокойно, и всё же немцы, несмотря на туман и мощный обстрел позиций, их заметили. Они открыли огонь по форсирующему реку батальону, но штурмовики упорно гребли к противоположному берегу. И вот уже носы первых лодок клюнули вражеский берег. Еще несколько гребков, и лодка, в которой находились Скоморохов и Милованцев, достигнет цели. Надсадный свист резанул уши. Рядом из глубин реки вырвался столб воды. Лодку опрокинуло взрывной волной. Холодная вода обожгла тело. Андрей вынырнул, вдохнул воздух, широкими гребками поплыл к берегу. Плавать в холодной воде ему было не впервой. В детстве, вместе с другими мальчишками, он «грел» холодную апрельскую воду Волги. Опыт тех купаний пригодился сейчас. Мешало другое: одежда, сапоги и оружие тянули вниз, хорошо, что до берега рукой подать. Еще два гребка, и ноги коснулись дна. Вода доставала до груди. Скоморохов оглянулся. Несколько

бойцов толкали перевернутую лодку к берегу. Милованцева среди них не было. Ленинградец барахтался в двух шагах от него, он тонул. Андрей протянул ему руку, но её длины не хватило, чтобы помочь товарищу. На миг Владимир погрузился в воду. «Утонул!» – страшная мысль заставила Скоморохова шагнуть в сторону утопающего, но голова Милованцева вновь показалась над поверхностью. Андрей снял автомат, ухватил ствол, а приклад протянул Милованцеву. Владимир уцепился за приклад. Теперь надо было вытащить его на берег. Скоморохов что было сил крикнул:

– Помогите!

На помощь пришел один из бойцов с причалившего к берегу плота. Вскоре Андрей и Милованцев были на берегу. Милованцев вылил из сапога воду, виновато, дрожащим голосом произнес:

– Я ведь плавать почти не умею. Спасибо, ты спас.

– А куда мне было деваться? Ты же обещал меня на концерт пригласить.

Окрик «Чего расселись! Вперед, мать вашу!» заставил их поторопиться, и вскоре они находились в траншее противника. Там-то и выпало немного времени, чтобы обогреться и привести себя в порядок.

* * *

Следующему броску помешал железобетонный дот. Авиация и артиллерия хорошо поработали над позициями немцев. Итогом их работы стали разрушенные доты, дзоты, блиндажи и траншеи, и всё же кое-что уцелело. Штурмовики на участке наступления роты Рукавицына неожиданно наткнулись на хорошо замаскированную огневую точку. Танки и самоходки еще не переправились, а использовать артиллерию было опасно, так как бойцы находились близко от дота и огонь пушек мог с легкостью их накрыть. Промедление грозило неприятностями, к немцам в любую минуту могла подойти помощь. Немалой опасностью было бы и появление вражеской авиации. Бойцам штурмового батальона оставалось надеяться только на свои силы. Задача предстояла сложная. Дот находился на взгорке. Засыпанный сверху землей он напоминал холм, увенчанный спрятанным под маскировочной сеткой бронеколпаком, с перископом для наблюдения и четырьмя амбразурами для пулеметов. Благодаря амбразурам дот мог держать круговую оборону, что еще более усложняло задачу. В бетонном основании, поднятом над землей на полметра, виднелись смотровые щели, через которые можно было вести огонь из винтовок и

автоматов, а также отверстия для сквозных гранатных труб. По обеим сторонам от дота находились огневые точки. Огневая точка справа была расположена в трехстах метрах на берегу озера, в которое впадала речка, прежде форсированная батальоном. К радости штурмовиков, она была уничтожена артиллерией. Слева, с расстояния полукилометра, дот прикрывал вкопанный в землю бронеколпак с одной амбразурой. От дота к огневым точкам протянулись обрушенные, перепаханные снарядами траншеи, в них засели немногочисленные, после налета авиации и артобстрела, солдаты вермахта. Командир роты ставил перед Андреем задачу, лежа за бугорком, над которым то и дело свистели пули:

– Слушай, Скоморохов, приказ. Наша задача – уничтожить бронеколпак и дот. Надеюсь, помнишь, как у Вислы пулеметное гнездо и дзот уничтожали?

– Помню. Мне эти доты и бронеколпаки еще с Финской войны знакомы, да и в плену самому приходилось их строить для немцев.

– Это хорошо, значит, будешь разрушать, что построил. Действуем почти так же. Созданы три группы с саперами. Одна группа выдвигается по берегу озерца к уничтоженному доту, а оттуда попытается подойти к доту с тыла. Вторая группа обойдет бронеколпак слева. Её вместо убитого сержанта Кокорева возглавит Милованцев. Задача вашего отделения: используя многочисленные воронки и дымовые гранаты, захватить траншею, подобраться к непростреливаемому пространству рядом с дотом и по возможности его уничтожить.

– Нам может помешать огонь из бронеколпака, который прикрывает дот.

– По доту, бронеколпаку и немцам в траншее мы откроем плотный огонь, а снайперы и пулеметчики будут бить по амбразурам. Выстрелы снайперов могут заставить их закрыть защитные заслонки амбразур и прекратить огонь. Кроме этого у нас ещё фаустпатроны трофейные имеются, восемь стволов с гранатами. Каждой группе выделяю по две «трубы». Два ствола оставим себе, вас поддержать. К тому же проведем несколько отвлекающих атак на дот и бронеколпак. Это вам поможет. Ну а дальше действуйте по обстоятельствам.

Через десять минут рота открыла по позициям противника огонь. Штурмовые группы, пользуясь прикрытием, устремились вперед. Отделение Скоморохова, перебегая от воронки к воронке, приблизилось к доту. Еще несколько шагов, и они в мертвой зоне. Их остановили выстрелы из траншеи. Скоморохов, срывая голос, крикнул:

– Гранаты к бою! Кидай!

Десяток гранат полетело в траншею, следом туда ворвались бойцы Скоморохова. Одновременно с рывком отделения с позиции роты по амбразурам дота выстрелили из фаустпатронов. За выстрелами поднялась в атаку и сама рота. Выстрелы из фаустпатронов были неудачными, а атака роты – ложной, но это на время отвлекло вражеских пулеметчиков. Штурмовой группе Скоморохова его хватило для того, чтобы в рукопашной схватке уничтожить немцев в траншее. Потеряв одного бойца убитым и одного раненым, группа кинулась по траншее ко входу в дот. Андрей уже видел справа противостурмовую железную решетку и ручку металлической клёпаной двери. Несколько шагов отделяли его отделение от цели, но из амбразуры в бетонной стене, прямо перед ними, выглянуло дуло немецкого ручного пулемета МГ-34. Команда Скоморохова «Ложись!» прозвучала вовремя. Пулеметная очередь пронеслась над головами штурмовиков. Как оказалось, пулемет не только прикрывал вход в дот, но простреливал траншею на подходе со стороны бронеколпака. Если бы не воронка и обвалившиеся от взрыва стены траншеи, образовавшие в проходе полуметровый бруствер из поломанных досок и земли, Скоморохову и нескольким его товарищам грозила бы смерть. Андрей обернулся к бойцам, крикнул:

– Рассредоточиться по воронке! Фаусты мне!

Когда ему подали фаустпатрон, последовала следующая команда:

– Прикройте меня! Огонь по амбразуре!

Штурмовики открыли дружный огонь из автоматов. Скоморохов прицелился, крикнул: «Берегись!» – выстрелил. Когда дым и пыль рассеялись, стало понятно, что граната ударила чуть выше амбразуры, вырвав из тела дота кусок бетона. Андрей досадливо сплюнул. Немецкий пулемет застрочил снова. Скоморохов укрылся за «бруствером», громко приказал:

– Огонь! Не давайте ему стрелять!

Автоматные очереди вновь потянулись к амбразуре. Улучив момент, Скоморохов взял второй фаустпатрон, положил ствол на правое плечо. Это была вторая попытка. Вторая и последняя. Третьего фаустпатрона у него не было, а значит, сейчас все зависело от его опыта, меткости и хладнокровия. Он выдохнул, неторопливо совместил отверстие в прицельной планке с выемкой на верхней части боеголовки и амбразурой, нажал на спусковой рычаг. Мощный взрыв возвестил о том, что граната влетела в амбразуру. Андрей отбросил ствол фаустпатрона, схватил автомат, командовал:

– За мной!

Штурмовики бросились за командиром. Команды следовали одна за

другой:

– Орехов, быстро к амбразуре! Бурмистров, прикрываешь! Саперы, заряд!

Штурмовики действовали быстро и четко, знали, от их действий зависит не только их жизнь, но и жизнь товарищей. Саперы сноровисто заложили взрывчатку. По команде группа вернулась к воронке. Не прошло и минуты, как взрыв вынес противостурмовую решетку и железные двери дота. Штурмовики снова кинулись к входу. На этот раз огня из амбразуры не последовало, но за сорванной дверью, в двух метрах от входа, их ждала еще одна амбразура, за которой притаился автоматчик. Опыт спас группу от потерь. Забегать с ходу не стали. Один из бойцов осторожно выглянул и тут же отпрянул. Очередь из немецкого автомата взрыхлила стену окопа напротив входа. Боец, не высовываясь, стал стрелять наугад. Скоморохов перекатился на другую сторону и тоже открыл огонь. Один из саперов изловчился, кинул гранату в амбразуру. Немец затих. Путь во чрево дота был открыт, но впереди их ждал еще один «сюрприз» немцев. Один из бойцов первым нырнул в низкий дверной проем и ступил на площадку шириной полтора на полтора метра. Неожиданно металлический пол ушел из-под его ног. Боец упал в трехметровую яму, на дне которой его встретили полуметровые штыри из заостренной арматуры. Лист железа крутнулся и снова встал на свое место. Скоморохов выругался, обернулся к бойцам:

– Доски! Быстрее!

Саперы и один из штурмовиков отделения бросились к воронке и вскоре принесли две двухметровые доски. Скоморохов указал на пол:

– Отжимайте!

Когда штурмовики отжали металлический лист, Андрей увидел бездыханное, проткнутое штырями тело. Один из штырей пробил бойцу голову. Было понятно, что ему уже не помочь, но они могли помочь другим бойцам роты, тем, которые лежали под огнем вражеских пулеметов.

– Кидайте доски, наискось, поверх пола!

Две доски легли рядом, образовав мостик от входа до лестницы, ведущей вниз. Опасаясь засады, штурмовики кинули на нижнюю площадку гранату. Дым от взрыва рассеивался медленно. Скоморохов втянул ноздрями воздух.

– А вентиляция здесь никудышная, – бросив взгляд на саперов, сказал: – Может, попробуем выкурить фрицев? Добавьте им дымка.

Спустя минуту вниз полетели дымовые гранаты, а следом за ними подожжённые ватники и снятые с убитых в траншее немцев шинели. Один

из саперов предложил:

– Им бы еще вентиляцию перекрыть.

Скоморохов одобрительно кивнул.

– Раз ты такой смысленый, значит, займешься этим. Бери своих саперов, отыщите выходы вентиляционных колодцев, как найдёте, кидайте туда взрывчатку и дымовые гранаты. Устроим фрицам баньку.

Приказав двум бойцам оставаться на месте, у входа в дот, он увлек остальных за собой. Штурмовики выбрались из траншеи и оказались в непростреливаемом пространстве. Но и здесь их ждал «гостинец». Стоило двоим из штурмовиков подобраться к железобетонной стене, как из отверстия для сквозных гранатных труб вылетела граната. Взрывная волна отбросила их от стены. В это же время раздался взрыв со стороны одиночного бронеколпака. Пулеметных очередей с той стороны больше не слышалось. «Молодец Милованцев!» – успел подумать Скоморохов. Стреляя из автомата по смотровым щелям, он заскочил на крышу. Огонь со стороны позиций роты затих. Это был приказ Рукавицына. Теперь весь батальон ждал, удастся ли штурмовым группам уничтожить дот. Скоморохов, используя «мертвую зону» между амбразурами, забрался на бронеколпак дота, бросил гранату в отверстие для перископа. Едва он успел спрыгнуть с крыши, как раздался взрыв. Пулеметы в бронеколпаке замолчали навсегда. С криком «За мной!» Андрей снова взбежал на крышу дота. Теперь, когда огонь из бронеколпака дота уже не был помехой, за ним ринулись саперы и штурмовики. Вскоре начали взрываться заряды и дымовые гранаты в вентиляционных колодцах. Громкое «ура!» раздалось со стороны позиций роты, а от озера к доту подходила еще одна штурмовая группа. Вскоре гарнизон дота запросил о пощаде. Из его недр с поднятыми руками и белой тряпкой на черенке лопаты по лестнице поднялись одиннадцать солдат вермахта. Перепачканные сажей, пылью и кровью. Некоторые из них были в противогазах, остальные обмотали лица рубахами и майками. Скоморохов остановил возглавляющего их поджарого унтер-офицера, отвел в сторону от входа, спросил на немецком языке:

– В доте кто-нибудь еще есть?

Время от времени надрывно кашляя и утирая слезящиеся глаза, унтер-офицер рассказал, что в доте находились не только гарнизон, но и отступившие из траншеи солдаты. С его слов, они принадлежали «команде вознесения», иначе, части испытательного срока. В Красной армии таких бойцов называли штрафниками. Как оказалось, не все из них предпочли сдаться в плен. Унтер-офицер сообщил, что в доте остался командир дота и несколько солдат, из которых двое ранены. Когда он закончил говорить,

Скоморохов задал еще один вопрос:

– Почему? Почему вы не сдались раньше и почему те, кто остался в доте, не хотят сделать этого сейчас?

Унтер-офицер устало вздохнул, утер грязной ладонью перепачканное сажей лицо.

– Мы опозорили свой народ и должны были биться до конца. К тому же, если бы мы попытались сдаться, нас расстреляли бы свои пулеметы. Кроме того, офицеры сказали, что русские варвары не щадят никого и не берут пленных.

– Понятно. Хорошая у вас пропаганда. – Скоморохов посмотрел на вход в дот, произнес по-русски: – Что ж, пойдем выкуривать остальных.

Когда дым в помещениях дота развеялся, группа пошла на последний штурм. Действовали, как обычно: впереди гранаты и автоматные очереди, следом сами. По лестнице спустились на площадку, затем снова по бетонной лестнице наверх, в тесную казарму с трехъярусными койками на пятнадцать человек. Проверили помещение для боеприпаса, затем бросились в каземат. Там-то и обнаружили оставшихся в живых шестерых защитников дота, но сопротивления они не оказали. Полуживые и ошалевшие от дыма и взрывов, они встретили штурмовиков с поднятыми руками. Здесь же лежал обер-лейтенант с простреленной головой. Взгляд Скоморохова упал на зажатый в ладони командира дота браунинг. Что ж, он выполнил свой долг до конца. Андрей перешагнул через распростертое на бетонном полу тело немецкого офицера, осторожно, цепляясь за железные скобы вертикальной лестницы, поднялся в бронеколпак. Картина была ужасающей; изуродованные взрывом тела немецких пулеметчиков, густо забрызганные кровяными сгустками металлические стены бронеколпака. С гарнизоном дота было покончено. Скоморохов неспешно выбрался из сооружения. Мимо бежали бойцы его роты, со стороны реки доносилось рычание танковых двигателей, это на помощь штурмовикам спешили тридцатьчетверки. Отдельный штурмовой стрелковый батальон снова шел в наступление.

С Милованцевым встретились у бронеколпака. Скоморохов посмотрел на металлическую полусферу, одобрительно сказал:

– Ловко вы его.

– До последнего дрался, зараза. Пойдем покажу.

Когда они подошли к взорванному люку, Андрей увидел убитого пулеметчика. Милованцев произнес:

– Смертник.

Только теперь Скоморохов обратил внимание, что немец прикован к

пулемету. Милованцев добавил:

– Такой же, как и мы.

Скоморохов вспомнил слова унтер-офицера, немецких солдат-штрафников, с укором посмотрел на товарища:

– Не такой! Мы сами на смерть идем, а его цепями держат...

* * *

Армия, которой был придан штурмовой батальон, приближалась к Берлину, она уже достигла берегов реки Шпрее в районе города Фюрстенвальде, но ей не суждено было штурмовать логово врага. Обстановка сложилась так, что перед ней была поставлена иная задача: совместно с другими армиями РККА уничтожить крупную немецкую группировку противника, отступающую от Одера, в состав которой входили части 4-й танковой армии и 9-я армия вермахта.

Штурмовики сетовали:

– Как же так? Пока мы здесь с фрицами возимся, другие части Берлин возьмут!

Командир батальона, гвардии майор Миронов, разъяснил:

– Не всем Берлин брать, какая разница, кто будет его штурмовать. Главное, фашистов одолеть. А нам и здесь работы хватит. Эта группировка немцев рвется к Берлину, чтобы соединиться с его гарнизоном. Вы – бывшие командиры, а потому смекайте, сколько нам ещё придется с фашистами провозиться, если они соединятся. А каждый день войны – это новые жертвы. Сколько наших жен и матерей ещё получают похоронок! Так что будем бить немцев здесь. Наша задача вместе с другими частями окружить группировку, не дать вырваться из котла и в конечном счете уничтожить!

Задача оказалась непростой, да и были ли они, простые задачи, у штурмовых батальонов? Немцы находились на своей земле и дрались отчаянно, они огрызались, контратаковали, пытались вырваться из котла, некоторым это удавалось, и все же они были обречены, кольцо окружения сжималось. Теперь солдатам вермахта в полной мере приходилось испытывать на своей шкуре то, что пережили бойцы Красной армии в сорок первом году...

* * *

Колонна из грузовых автомобилей, танков и самоходных артиллерийских установок, с десантом из бойцов отдельного штурмового стрелкового батальона спешила на помощь одной из частей дивизии. Немцы предприняли контратаку с целью прорыва, для его предотвращения и был брошен батальон. Однако быстрому продвижению мешала изрытая воронками от снарядов и бомб лесная просёлочная дорога, а ещё брошенная немцами многочисленная техника. Результаты действия красноречивой авиации были налицо. Передний танк, на котором ехал Андрей Скоморохов и бойцы его изрядно поредевшего отделения, остановился. Путь преградило скопление легковых автомобилей и грузовиков. В центре этого скопления стояли две бронемашины, взорванный тяжелый танк «Тигр» и самоходная установка «Фердинанд». Передовой тридцатьчетверке предстояло столкнуть немецкую технику с дороги. Штурмовики спрыгнули с танка. Скоморохов скамандовал:

– Рассредоточиться! Смотреть в оба!

Опыт войны научил: будь всегда настороже, опасность может подстергать отовсюду, расплата за невнимательность – жизнь. Андрей взял автомат на изготовку, пробежал взглядом по ближайшим деревьям и кустам. Не зря. Зоркий глаз пограничника выхватил притаившуюся за стволом дерева фигуру немецкого солдата в каске с маскировочной сеткой и камуфлированной куртке. Откуда? Ведь наши части прошли здесь совсем недавно? Но сейчас ответ на этот вопрос был маловажен, немец целился в тридцатьчетверку из фаустпатрона. Тридцатьчетверка была защищена сетчатыми противоккумулятивными экранами, но спасут ли они машину, Скоморохов не знал, да и с расстояния около двадцати метров фаустник мог легко поразить уязвимое место танка. Андрей понял, что не успеет уничтожить немца до выстрела. Перед глазами встал изуродованный выстрелом из фаустпатрона танк «Резвый» и обезображенные тела погибших танкистов. И все же возможность спасти экипаж была. Андрей слышал, что выпущенные из фаустпатрона гранаты сбивали автоматной очередью, как уток на охоте. В который раз ему должно было помочь умение метко стрелять. Оно не подвело. Граната разорвалась, не долетев до танка, но фаустник мог выстрелить еще раз. К тому же из леса раздались выстрелы из автоматов и винтовок. Взрыв в середине колонны означал, что фаустник не один, следовательно, надо было выбить немцев из леса. Из грузовика, который следовал за танком, уже выпрыгивали бойцы отделения Милованцева.

Немцев в лесу оказалось немного. Оставляя среди деревьев убитых и раненых, они быстро отступили. Преследовать их у батальона времени не

было, поэтому, отогнав неприятеля, штурмовики, собирая раненых и трофеи, возвращались назад. На полпути Милованцев окликнул Скоморохова. Остановились неподалеку от дерева, под которым лежало тело немецкого солдата. Милованцев достал из кармана пачку немецких сигарет.

– Дай прикурить, а то я зажигалку где-то обронил.

Скоморохов неторопливо достал трофейную зажигалку, дал Милованцеву. Владимир прикурил, выпустил струю дыма, спросил:

– Тебя что, зацепило?

Скоморохов тронул пальцами кровавую ссадину на правой щеке.

– Веткой оцарапал.

Милованцев посмотрел за спину Скоморохова. Распростертое на земле тело солдата вермахта вдруг оживо. Немец быстро поднялся. Милованцев увидел в его руках автомат. Сильный толчок опрокинул Скоморохова на землю, секундой позже автоматная очередь прошила грудь Милованцева. Андрей перекатился, выстрелил в немца. Очередь отбросила того к дереву. Андрей выстрелил еще раз, вскочил, подбежал к Милованцеву. На выстрелы сбежались другие штурмовики, но ни они, ни Скоморохов помочь товарищу уже не могли. Ленинградец был мертв. Горькие мысли стучались в виски Андрея: «Почему?! Почему товарищи уходят один за другим, а его даже не ранило?! Почему Милованцев погиб, когда до конца войны осталось совсем немного?!» Андрей стиснул зубы. Война забрала у него последнего близкого человека...

* * *

На следующий день Андрею Скоморохову перед строем вручили медаль «За отвагу» и в тот же день вместе с несколькими штурмовиками вывели с передовой для восстановления в званиях и офицерских правах. В штабе батальона на бойцов, исключенных из состава подразделения, заполнили боевые характеристики. Скоморохов не знал, была ли эта милость по отношению к нему плодом стараний старшего оперуполномоченного отдела «СМЕРШ» капитана Шиловостова или хорошее отношение к нему командования батальона, оценившего его заслуги, но теперь он вновь становился командиром Красной армии. После сдачи экзамена на знание Боевого устава ему вернули звание, выдали офицерские документы, погоны и новую форму.

И вот теперь пасмурным майским днем младший лейтенант

Скоморохов вел роту молодых необстрелянных красноармейцев по заваленным кирпичом, досками, мусором, брошенными вещами улицам Берлина. Вел мимо разрушенных домов, сожжённых автомобилей, трамваев, танков. Мимо потоков пленных немецких солдат и беженцев с чемоданами, узлами и тележками. Вел к Рейхстагу, туда, где стреляли, туда, в мясорубку, где их поджидала смерть. Неужели этой чудесной порой, когда просыпается новая жизнь, когда здесь на земле Германии зацвели яблони и вишни, кто-то из этих парней должен был погибнуть?! Андрей знал, что это может случиться, но как он мог сберечь эти молодые жизни, когда они сами, не нюхавшие пороха, рвались в бой? Шли, печатая шаг, словно на параде, безусые, прыщавые, лопоухие мальчишки. С завистью косились на бывалых вояк с орденами, медалями и нашивками за ранения на гимнастерках. Остановились, пропустили конницу – лихих кавалеристов-казаков в черных кубанках, пошли дальше, с каждым шагом приближаясь к Рейхстагу. И вдруг стрельба прекратилась, напряженная тишина повисла над городом. Её разорвал шквал выстрелов, он накатывался по улице всё ближе вместе с криком «ура!». И вот уже стоящие рядом танкисты и пехотинцы стали стрелять вверх из своих и трофейных немецких пистолетов, автоматов, винтовок, ручных пулеметов. Только теперь Скоморохов осознал, что это победа! Понял это и один из молодых красноармейцев, курносый сероглазый парень, в первом ряду колонны.

– Товарищ младший лейтенант! Победа! Дайте команду «вольно»!

От волнения перехватило горло, Скоморохов прохрипел:

– Вольно!

Бойцы роты взорвались криками:

– Ура-а! Победа-а!

Обнажая бритые головы, они стали бросать вверх пилотки. Скоморохов снял фуражку, устало сел на обломок рухнувшей кирпичной стены. Смешанное чувство радости, горечи и опустошения навалилось, бросило в воспоминания. «Неужели всё?!» Рядом захлопали в ладоши, чубатый крепыш танкист пустился в пляс. Победа! Андрей отвел взгляд от танцующего танкиста, наткнулся на двух пехотинцев напротив. Они спали, прислонившись к стене полуразрушенного дома. Ни тело убитого немецкого солдата у их ног, ни крики, ни выстрелы, к которым они привыкли, не могли их разбудить...

Молодой курносый боец подошел, сел рядом.

– Товарищ младший лейтенант, что с вами? Вам плохо?

Андрей достал папиросу, прикурил, по-доброму глянул на новобранца.

– Хорошо.

Разве мог он объяснить молодому солдату, что творится у него в душе. Курносый бросил взгляд на медаль «За отвагу» на груди у Скоморохова, с сожалением произнес:

– Вам повезло, а мы и повоевать не успели...

* * *

Железнодорожный вокзал гудел как улей. Отовсюду слышалась речь на русском, немецком, английском, польском, французском языках. Всё смешалось: узелки, чемоданы, вещмешки; немецкие беженцы, красноармейцы, солдаты союзных войск, худые, с ввалившимися глазами, бывшие узники концентрационных лагерей, «остарбайтеры» – насильно пригнанные на работу в Германию украинские, белорусские, русские женщины и подростки, освобожденные военнопленные разных национальностей. Неподалеку от места, где на перроне расположились бойцы роты Скоморохова, группа бывших военнопленных, человек двадцать. С ними два бойца с винтовками и старшина. Андрей заметил, что у троих из военнопленных на голове поношенные буденовки. Такие были на бойцах майора Двужильного в сорок первом, под Уманью. Тогда ему в первый раз удалось вместе с ними вырваться из немецкого плена. Но было и второе пленение, и немецкий лагерь. Были голод, холод, тяжелый труд, изможденные, похожие на тени, люди и смерть. Ком подступил к горлу от нахлынувших воспоминаний.

Рядом раздался дружный смех. Скоморохов обернулся. Причиной смеха был черноволосый, чернобровый старшина Днепровской флотилии, который развлекал двух сослуживцев анекдотами.

– Один немецкий папаша говорит другому: «Мой сын Ганс избежал пули советского солдата». – другой спрашивает: «И как это ему удалось?». – «Он подорвался на партизанской мине».

Теперь моряков поддерживали смехом и бойцы роты Андрея Скоморохова. Старшина, польщенный вниманием, продолжил:

– Одессит говорит жене: «Сара, ты знаешь, мне так стыдно перед Мойшей». – жена спрашивает: «Почему?» – «Он уже два раза приглашал меня на похороны жены, а я его ни разу не пригласил».

Лицо Андрея погрузнело, перед ним возник образ его друга, весельчака и рассказчика анекдотов Сени Голоты. «Может, этот морячок его земляк? Эх, если бы Сеня сейчас был рядом, они нашли бы, о чем потолковать». Скоморохову поговорить с земляками не пришлось. Уже

следуя вместе с ротой на вокзал, он увидел, как красноармейцы вели мимо верблюда в увешанной немецкими крестами попоне, на которой крупными буквами было написано: «Астрахань – Берлин». Перед глазами стали всплывать картины увиденного им в поверженном Берлине: надписи на Рейхстаге, вывешенные из окон белые тряпки, простыни и скатерти, бюст Адольфа Гитлера с ночным горшком на голове, танцующие на флаге со свастикой красноармейцы, пожилой старший сержант-артиллерист, кормящий тушенкой маленького немецкого мальчика...

Андрей не заметил, как к вокзалу медленно подполз воинский эшелон. Из вагонов высыпали красноармейцы. Радостные бритые лица, чистые гимнастерки, у многих на груди ордена и медали.

– Скоморохов!

Оклик заставил Андрея обернуться. Прорываясь сквозь толпу, к нему подошел лейтенант Рукавицын.

– Здорово, пограничник!

После крепкого дружеского объятия Рукавицын спросил:

– Как ты?

– Нормально.

– Рейхстаг брал?

– Не успел, а сейчас нашу часть перебрасывают, куда неизвестно.

– Может, с японцами воевать?

– Не знаю. Может быть. А как вы?

– А мы после твоего убытия окруженную группировку немцев оттеснили к городу Луккенвальде, там ей и пришёл капут. Потом пошли на запад, взяли Тройенбицен и ещё несколько небольших населенных пунктов, а первого мая на реке Эльбе, неподалеку от Магдебурга, встретились с американцами.

Рукавицын вытащил из кармана открытую пачку американских сигарет, протянул Андрею.

– Бери всю, у меня ещё есть.

Скоморохов вытащил одну сигарету, прикурил, пачку положил в карман.

– А что с батальоном?

– Батальон расформирован, всем бойцам вернули звания. Теперь домой, отвоевались. Ты подожди, я сейчас. – Рукавицын растворился в толпе и вскоре вернулся с красивой стеклянной бутылкой в руке. – Вот, виски – американский самогон. Давай хлопнем.

Андрей глянул на подчиненных, махнул рукой.

– Давай. – отыскав глазами курного бойца, крикнул: – Потешкин!

Кружку!

Когда алюминиевая кружка оказалась в руках Андрея Скоморохова, лейтенант Рукавицын незамедлительно наполнил её до половины коричневатой жидкостью.

– Давай, за встречу!

Андрей выпил, занюхал рукавом гимнастерки, отдал кружку Рукавицыну. Лейтенант налил виски, выдохнул и со словами «За победу!» выпил содержимое. Протяжно загудел паровоз, лязгнули сцепки, бойцы из эшелона кинулись к вагонам. Рукавицын отдал Скоморохову кружку, протянул свободную правую ладонь.

– Прощай, пограничник! Не забывай отдельный штурмовой стрелковый батальон!

– Не забуду.

Рукавицын крепко пожал руку Скоморохова, побежал к вагону. Вагоны дернулись, медленно поплыли перед глазами. С песнями под гармошку, со счастливыми лицами возвращались солдаты на родную землю. Молодые и пожилые, усатые и безусые менялись они перед взором Скоморохова. Но вот среди них замелькали знакомые лица начальника заставы Ковальчука, погибшей в Перемышле Вари, пограничника Бондаренко, капитана Хижняка, командира партизанского отряда Двужильного, штурмовиков Еремеева, Голоты, Милованцева. Это были лица тех, кого уже не было в живых, тех, кто стал частью его жизни, его судьбы, кто навсегда остался в той страшной войне. Ему же посчастливилось её пережить, как и некоторым из тех, с кем она его сблизила...

Капитан отдела контрразведки «СМЕРШ» Александр Шилохвостов радовался победе недолго. 10 мая 1945 года легковой автомобиль, в котором он находился, подвергся нападению недобитых эсэсовцев. В перестрелке старший уполномоченный получил смертельное пулевое ранение. Не прошло бесследно полученное в бою ранение и для Наума Щербени, он умер вскоре после окончания войны в родном белорусском селе. Для Сурена Карапетяна эта война не стала последней, его часть была переброшена на Дальний Восток и принимала участие в войне с Японией. После ее завершения Сурен вернулся в Армению. Он погиб 7 декабря 1988 года во время землетрясения в городе Спитак, пытаясь спасти своих внуков. Бывший командир роты отдельного штурмового стрелкового батальона лейтенант Геннадий Рукавицын после победы перебрался в Сталинград, восстанавливал разрушенный город, где и прожил до глубокой старости. Андрей Скоморохов прослужил в армии еще несколько лет и был комиссован в звании капитана, после чего зажил спокойной мирной

жизнью. Польку Катаржину, о которой помнил всю оставшуюся жизнь, он так и не увидел, хотя ему снова посчастливилось побывать в Польше. В 1985-м году он посетил Перемышль, город, откуда начался его долгий путь через всю войну...